Б46 01/60
т. 1.

Б46 61/60

ЮЛИЙ ГЕССЕН

ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА В РОССИИ

В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ЛЕНИНГРАД

Орнамент заимствован из старинных еврейских пергаментов (по изд. Гинцбурга и Стасова „L'ornement hébreu").

Б46 6/6

Юлий Гессен

Моему другу

ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА в РОССИИ

■ ■ ■

Том первый

Второе издание (переработанное)

■ ■ ■

ЛЕНИНГРАД
1925

253/2

Ленинградский Гублит № 7002. Тираж 2000. 16 л.

Типография К.-О. Ленинградского Губпрофсовета. Красная, 24а. № 154.

От автора.

В 1900 году был напечатан мой первый очерк по истории евреев в России*). Теперь, спустя двадцать пять лет, появляется настоящая двухтомная „История еврейского народа в России".

Пусть же, в виду этого „юбилейного" срока, мне будет позволено помянуть тех, кому в той или иной мере я обязан результатами, хотя бы и скромными, моей литературной деятельности.

Ученый юрист Илья Григорьевич Оршанский, столь рано умерший (1846—1875 г.г.), имея в своем распоряжении скудный исторический материал, сумел силою своего яркого таланта вызвать в еврейском обществе интерес к нашему прошлому. Среди многих других и я, под влиянием его произведений, проникся потребностью изучить судьбы евреев в России.

Профессор Сергей Александрович Бершадский (1850—1896 г.г.), родившийся в священнической семье, насыщенной неприязнью к еврейскому народу, и ставший его действенным другом, когда ознакомился с его историей, обогатил своими исследованиями нашу историческую литературу, и его труды, основанные на архивных документах, побудили меня обратиться к изучению архивных источников и послужили мне на первых порах путеводной нитью.

С теплым чувством вспоминаю я о поддержке, которую оказывал мне при моих ранних шагах ныне здравствующий Семен Маркович Дубнов, на книгах которого выросло не одно поколение.

Благодарную память храню я о докторе Самуиле Осиповиче Грузенберге (1854—1909 г.г.), который, поощряя меня, напечатал в своем журнале „Будущность" мои первые исследования, а также о Леопольде Александровиче Севе (1867—1923 г.г.), в течение ряда лет открывавшем мне в высшей степени гостеприимно страницы редактируемого им журнала „Восход".

Не знаю, каким словами выразить мою бесконечную признательность Гавриилу Фомичу Лапо, Николаю Алексеевичу Мурзанову и Алексею Васильевичу Шебалову, этим внешне скром-

*) Журнал „Будущность", №№ 10, 11, 12 и 14.

ным, но вместе с тем незаменимым архивным труженикам, которые, не смущаясь враждою к евреям, царившей в бюрократических кругах, на протяжении многих лет бескорыстно оказывали мне при архивных изысканиях незабываемые услуги, делясь со мною своим многолетним опытом.

Столь же высоко ценю я содействие, в котором никогда не отказывал мне в течение двадцати пяти лет Александр Исаевич Браудо, один из виднейших и старейших работников Российской Публичной библиотеки *).

Особо упомяну я об управлявшем архивом государственного совета Сергее Алексеевиче Панчулидзеве (1855—1917 г.г.). Открытый недруг евреев, выступавший печатно против них, он не только дал мне возможность с полной свободой производить изыскания в названном архиве, но даже брал на свое имя нужные мне материалы из другого правительственного архива, в который я не имел доступа, и предоставлял их мне для занятий, говоря: „Противники должны иметь рапиры одинаковой длины".

Не забыл я о любезном содействии и многих других лиц, особливо Сергея Лазаревича Цинберга, Саула Моисеевича Гинзбурга и Сальвиана Маврикиевича Гольдштейна, помогавших мне советами и указаниями.

Вышедший в 1916 г. первый том моей „Истории еврейского народа в России" вскоре разошелся; второй же том не мог быть своевременно напечатан по обстоятельствам, связанным с революцией.

Выпустить при нынешней дороговизне обе книги в их первоначальном об'еме не представляется возможным. Вследствие этого они были подвергнуты сокращению.

Вместе с тем, некоторые части книги значительно были изменены или написаны вновь по соображениям научного характера.

И именно потому, что мне пришлось не только отказаться от изложения многих подробностей, но в отдельных случаях также опустить более или менее значительные эпизоды, я снабжаю оба тома возможно большим числом ссылок на архивные источники и привожу в конце этой книги список моих работ, легших в основу „Истории еврейского народа в России", более подробно излагающих разнообразные темы.

Ноябрь 1924 г.

---

*) Когда эти страницы уже были сданы в печать, пришло известие о кончине А. И. Браудо в Лондоне, куда он поехал на короткий срок.

ВВЕДЕНИЕ.

История еврейского народа в России сложилась своеобразно в своей первоначальной стадии,—иначе, чем, например, в Западной Европе.

На Западе еврейские поселения возникли путем иммиграции. Спасаясь от преследований на родине или ища заработка, евреи—то единицами, то группами — прибывали в данную страну и оседали. С течением времени колония увеличивалась в силу естественного прироста или дальнейшей иммиграции, а вместе с тем постепенно, в процессе борьбы старых навыков, усвоенных на родине, с новыми местными условиями, налаживалась и укреплялась национально - общественная жизнь в ее экономических и бытовых проявлениях.

В пределах же русского государства еврейская национально-общественная жизнь забила сразу полным темпом и в прочно утвердившихся формах. Это произошло благодаря тому, что Россия—во второй половине восемнадцатого века—присоединила к себе чужие земли, на которых издавна сидели сплоченные организованные еврейские массы, и таким образом евреи появились в России одновременно в значительном числе и притом — неподвижно оставаясь на своих веками насиженных местах. С момента этой инкорпорации и началось непрерывное течение истории еврейского народа в России.

Однако, была пора, когда на русской равнине появлялись еврейские иммигранты. Этот период, начинающийся в глубине веков, слабо изучен в виду скудости и малодостоверности сохранившихся сведений. Судя же по дошедшим до нас разрозненным данным, можно предположить, что колонии иммигрантов, отделенные одна от другой большими промежутками во времени и в пространстве, не представляли собою сколько-нибудь организованной общественно-экономической силы, что они возникали и гибли одна независимо от другой, без преемственной связи между собою.

Быть может, такое мнение поколеблется при дальнейших изысканиях на основании вновь обнаруженных материалов. Но и в этом случае неопровержимым останется тот факт, что ко времени, когда Россия инкорпорировала соседние земли, густо заселенные евреями, иммиграционных колоний уже не существовало — зарубежные евреи, прибывавшие в Россию на протяжении веков неоднократно, исчезли, не оставив потомков.

При таких обстоятельствах могло бы казаться, что, приступая к изучению истории еврейского народа в русском государстве, начавшейся во второй половине восемнадцатого века, можно обойти молчанием более ранние века, которые, вызывая самостоятельный интерес, лишены органической связи с ней.

Действительно, сказанное тем более применимо к древнейшему периоду, к эпохе Киевской Руси, что когда в 13 веке началось образование Великорусского государства, Киевская Русь (Малороссия) не приняла участия в этом процессе и, связав в дальнейшем свои исторические судьбы с польско-литовским государством, она вновь соединилась с Россией лишь в 17 веке. Что касается самой эпохи образования Великорусского государства (12—14 в.в.), от которой сохранились лишь отрывочные данные о евреях [1]), то одно уже тогдашнее раздробленное состояние будущего русского государства крайне затруднило бы—и при более обильных исторических сведениях — сделать те наблюдения над отношением русского правительства и общества к еврейской иммитрации, из-за которых столь необходимо ознакомиться с дальнейшим периодом русской истории, начиная со времени возникновения Московского царства. Евреи, проживавшие в Московском царстве (15—17 в.в.) и в императорской России (в первой половине 18 века), не передали ни материальных, ни духовных благ еврейскому населению, инкорпорированному Россией во второй половине 18 века. Но от них осталось наследие, потребовавшее тяжелой расплаты. То были исторические воспоминания о еврейской иммитрации, отложившиеся в сознании позднейших поколений русского общества. Эти воспоминания далеко не в полной мере совпадали с минувшей действительностью, они зафиксировались в искаженном виде. Но таковые превратные представления окрепли в некую якобы «историческую традицию», которая легла в основу русской правительственной политики и общественного отношения к инкорпорированному еврейскому населению.

---

[1]) Ср.: Юлий Гессен, История евр. народа в России, т. I (1916 г.), стр. 1—17.

Таким образом, приступая к изучению истории еврейского народа в России, необходимо предварительно бросить хотя бы самый беглый взор на последние два-три столетия из периода еврейской иммиграции, чтобы уяснить себе, какая общественная атмосфера окружила еврейские массы, вступившие в состав русского государства благодаря присоединению к России земель, на которых они жили.

Территориальные приобретения России привлекли в ее пределы евреев из различных местностей—Польских областей, Прибалтийского края, Крыма и др. Общественно - экономический быт каждой из этих групп имел свои отличительные черты, сложившиеся под влиянием местных обстоятельств, и эти черты в той или иной мере отразились на дальнейшем существовании данной группы в условиях русской государственности. Но на общем ходе еврейской жизни в России сказались, главным образом, те общественно-экономические формы, которые приняла еврейская жизнь в польско-литовском государстве, так как бывшие польские евреи составили ядро еврейского населения в России.

Поэтому, несколько познакомившись с последними столетиями периода еврейской иммиграции в России, мы затем бегло обозрим вековое прошлое евреев в польско-литовском государстве.

I. Из периода еврейской иммиграции в России.

Оберегая неприкосновенность народного быта, покоившегося на православии, московская власть опасалась общения русских людей с иноверцами, которых — всех без исключения — считала еретиками. И поэтому она, страшась вместе с тем военного шпионажа, упорно противодействовала появлению чужеземцев даже в пограничных областях, а тем более внутри государства и особливо в Москве, в чем находила сочувствие со стороны торгово-промышленного класса, уклонявшегося от встречи с конкурентами. Однако все же экономические нужды побуждали дозволять временное пребывание в стране — в каждом случае в виде исключения — отдельным иностранцам и даже группам их, приезжавшим по делам торговли и промышленности. Впрочем, при этом принимались меры для ограждения широких кругов населения от соприкосновения с этими опасными людьми. Например, в Москве иностранцы могли жить лишь в определенных частях города; русским запрещалось посещать их дома, есть за их столом. Случа-

лось, что гости надолго устраивались, но бывало также, что их изгоняли до условленного с ними срока.

При таких условиях и евреи не всегда могли расчитывать на радушный прием. Но от поры до времени они появлялись в московском государстве, хотя здесь уже рано, благодаря распространению так называемой «ереси жидовствующих», создалась атмосфера, в которой обычное недружелюбие к иноземцам могло принять по отношению к евреям более резкий характер.

В 1471 году в Новгороде обнаружилось религиозное движение, получившее название «ереси жидовствующих», виднейшее участие в котором приняли двое местных священников. Вскоре ересь приобрела многих последователей в Москве и проникла даже в семью великого князя Ивана Ш. Летописец поставил возникновение ереси в связь с тем обстоятельством, что в 1471 г. в Новгород прибыло несколько евреев, и в их числе Схария, состоявшие в свите прибывшего туда на короткое время литовского князя. Однако вполне установлено, что ни в насаждении ереси, несомненно возникшей еще до 1471 г. и лишь открыто проявившейся в тот год, ни в ее дальнейшем распространении евреи не принимали никакого участия. В истории секты евреи совершенно не упоминаются. Но знаменательно, что столь специфическая окраска ереси, как «жидовская», не помешала успеху секты и вообще не возбудила в ту пору враждебного отношения к евреям. Любопытно в данном отношении то, что даже тогда, когда правительство в последние годы 15-го века жестоко обрушилось на сектантов, Иван Ш продолжал вести давнюю переписку с двумя крымскими евреями, оказывавшими ему услуги при ханском дворе, причем одного из них, Схарию, которого некоторые современники отожествляли с Схарией, якобы насадившим ересь жидовствующих, Иван Ш настойчиво приглашал поселиться в Москве (быть может крымский Схария был христианином, но в Москве его считали евреем: царские грамоты называли его «евреянином»). А между тем в позднейшие времена, когда ересь была уже совершенно заглушена, с воспоминаниями о ней, как мы сейчас увидим, соединялось представление, что виновниками ее появления были будто бы евреи.

Так как договоры между московским и польско-литовским правительствами о взаимном допущении купцов не заключали в себе ограничений для евреев, то последние неоднократно приезжали в московские пределы на общих основаниях. Об этом свидетельствуют, между прочим, письма польского короля (1539

и 1550 г.г.) к московскому царю Ивану Грозному, который стал запрещать евреям приезды в Москву, говоря, что они русских людей «от христианства отводили, и отравные зелья в наши земли привозили и пакости многие людям нашим делали». В этих словах звучали превратные толки о роли евреев в насаждении жидовской ереси, а вместе с тем повторялись обвинения, которые царь трафаретно пред'являл всем иноземцам, ему неугодным.

В большом, сравнительно, числе появились евреи в Москве по прибытии туда из Польши Лжедмитрия I (1605—6 г.г.), которого сопровождала многочисленная польская свита и который вообще широко открыл двери в Москву пред иностранцами. В эту смутную пору русские правящие круги пережили глубокое национальное унижение, дойдя до того, что согласились, под давлением Польши, признать московским царем католика, польского королевича! Когда же тяжкое испытание миновало и надо было восстановить пошатнувшийся престиж правящего класса, опорочить память Лжедмитрия, последнему было поставлено в упрек (в грамоте об избрании Михаила Романова на царство), что он привел с собою не только многих «злых еретиков, колвинцев, новокщенцев, ариян, лютерей и римлян», но также «богоубийц жидов». Эпитет «богоубийц», не встречающийся ни ранее, ни долго впоследствии, должен был получить особое значение, когда официально было об'явлено, что Лжедмитрий II — «родом жидовин»! Таким образом представлению русского общества о еврее, ничем раньше не отличавшемуся от представления о других иноверцах, была придана, по условиям момента, религиозно-политическая окраска: евреи—это убийцы бога, т. е. Христа, и один из их среды задумал, мол, занять московский православный престол!..

Вскоре после Смуты иностранцев стали стеснять в торговле. В частности были ограничены в правах польско-литовские торговые люди,—это было реакцией против господствовавшего положения, занятого поляками в смутные дни. Они могли останавливаться с товарами только в пограничных русских городах, а в Москву и замоскворецкие города им запретили ездить. И, конечно, польско-литовские евреи должны были в этом отношении разделять судьбу своих сограждан. Однако именно к этому времени в разных местах московского царства скопилось значительное число евреев,—мужчин и женщин, старцев и детей—взятых в плен при наступательных действиях в Литве (1632—34 г.г.). К ним применялись те же правила, какие были установлены для других пленных. И насколько в ту пору к «богоубийцам» относились без страха и неприязни, видно из того, что после заключе-

ния мира с поляками евреям, наравне с прочими пленными, было предоставлено навсегда остаться в стране.

В дальнейшем поляки были еще более ограничены в праве приезда в Русь, а евреи, быть может, вовсе не допускались. Но когда, благодаря новым военным действиям (1654—56 г.г.), в московском государстве вновь появились пленные евреи, к ним отнеслись отнюдь не хуже, чем к прочим пленным. По заключению же мира (1667 г.) им, по примеру прошлого, предложили остаться в стране. И многие, как видно, этим воспользовались. Они, впрочем, постепенно растворились в окружающем населении, приняв христианство. Некоторые из пленных явились родоначальниками русских дворянских фамилий.

С 1667 г. иностранцев стали подвергать новым стеснениям. Приезжать в Москву могли лишь немногие, получавшие особые грамоты «за красной печатью». Но и среди этих счастливцев встречаются евреи, исполнявшие поручения казны и двора. Правда, это были исключения. В общем к евреям начали относиться с особой неприязнью: в договоре, заключенном с поляками в 1678 г., было предусмотрено, что евреи, в отличие от прочих польско-литовских торговых людей, не могут приезжать в Москву. Тем не менее сохранились сведения о том, что это постановление нарушалось [2]).

Но если при таких условиях евреи могли появляться в Великороссии лишь в качестве сравнительно редких и недолгих гостей, то была местность, где в последние десятилетия 17 века образовалось оседлое еврейское население. Это — левобережная Украина (Малороссия), перешедшая в 1667 году от Польши к России. В 1648 году казацкое войско Хмельницкого предало огню и мечу здешних евреев. Однако уже в шестидесятых годах они вновь водворяются в некоторых украинских городах и раз'езжают по ярмаркам, а затем стали арендовать в поместьях панские шинки и корчмы.

По сообщению историка Н. Костомарова [3]) в 1702 г. на Украине произошло следующее событие. Прибывший в еврейскую корчму студент киевской духовной академии Сохна стал агитировать против евреев, утверждая, что они употребляют кровь христиан. Вскоре после того Сохна исчез из родительского дома в Городне, а позже нашли его изуродованный труп. Подозрение в

---

[2]) Ср. мой очерк „Евреи в московском государстве, XV—XVII в.в." („Еврейская Старина", 1915 г., вып. I и II), каковой, будучи дополнен, был перепечатан в первом издании моей „Истории евр. народа в России" (изд. 1916 г.).

[3]) „Жидотрепание в начале 18 века" („Киевская Старина", 1883 г., кн. I и III).

умерщвлении Сохны пало на нескольких евреев. Дело рассматривалось в Чернигове. Палач, водя раскаленным железом по спине еврея Давида, вырвал у него «признание», что он умертвил студента и источил у него кровь по поручению арендатора Шмуля, которому будто был послан платок, смоченный кровью убитого, для раздачи остальным местным евреям. А еврей Яков, испугавшись предстоявших пыток, подтвердил это показание. Но другие двое евреев, несмотря на пытки, не признали себя виновными. Впрочем, суду не пришлось вынести решения, так как городненские жители, отбив Якова и Давида от конвоя, растерзали их в клочья. Вслед затем разразился в крае погром евреев и в довершение они были изгнаны из Малороссии.

Есть основание полагать, что это повествованье было подсказано автору в большей мере его собственной фантазией, чем историческими документами [4]), что происшествие 1702 года не было в действительности столь красочно. Да иначе трудно было бы понять, почему такое исключительное событие не произвело впечатления ни на местную администрацию, ни на центральную власть, как это можно заключить из того, что ни о погроме, ни о ритуальном обвинении не упоминается в тех позднейших правительственных актах, которые, будучи направлены против пребывания евреев в крае, обрушились на них с грубыми упреками. Однако, приняв во внимание последующие события, из рассказа об эпизоде 1702 года можно сделать вывод, что местные торгово-промышленные слои задумали воспользоваться тем приемом экономической борьбы с евреями, который часто применялся в Польше [5]). Ревниво оберегая свои монопольные права даже против великороссов, которым запрещалось приезжать с торговыми целями в Малороссию, заинтересованные группы населения попытались воспользоваться ритуальным наветом с целью разгромить евреев, добиться удаления их из страны. Это, как видно, не удалось. И тогда пришлось прибегнуть к другим способам борьбы с конкурентами.

В ближайшие годы евреи развили в Малороссии торговую деятельность. Есть указание, что именно с целью пресечь ее в 1708 г. было «велено ездить им только до Киева и продавать товары оптом». Это распоряжение было вызвано экономическими

---

[4]) В. Стоклицкая-Терешкович, Первый ритуальный процесс в России („Еврейская Старина", т. X, 1918 г.).

[5]) Ниже об этом будет сказано с подробностями.

соображениями. В ту пору даже великороссийские купцы не имели права торговать в Малороссии, — оно было им дано лишь в следующем году [6]). Что касается розничной торговли, то она, по старому обычаю, дозволялась в городах лишь местному торговому классу. К тому же указ 1708 г. имел, несомненно, в виду не тех евреев, которые осели в городах и на панских землях, а тех, которые совершали многократные переезды из Польши в Малороссию и обратно; продав в Малороссии товар, они, уезжая за рубеж, увозили, по необходимости, русскую монету, правительство же боролось с утечкой денег. Правда, неоднократно предписывалось и осевших в крае евреев выселить, но эти распоряжения не исполнялись. От гетмана Скоропадского не раз исходили универсалы об изгнании евреев, тем не менее число их возрастало. Гетман угрожал, что если вопреки указа (1721 г.) у кого-либо окажется еврей, то нарушитель указа будет присужден к штрафу и наказанию, «а жида, им удержанного, велимо все его жидовское имение разграбивши, с бесчестьем и с умалением здоровья, прочь за рубеж обнаженного выгнать» [7]). Универсал Скоропадского называл евреев «богоненавистными», «креста господня врагами», укорял их за то, что служащие у них христиане не соблюдают постов, но не мотивировал изгнание экономическими мотивами. А в действительности универсал был вызван материальными домогательствами части населения, которые маскировались религиозным рвением.

Немногие евреи осели и в Смоленской провинции, где они держали кабацкие и таможенные откупа и вели торговлю. Виднейшим членом колонии был, повидимому, Борох Лейбов. В 1722 г. двое мещан обратились с жалобою в синод: евреи, мол, развращающе действуют на христиан—по субботам отдыхают, в христианские же праздники торгуют и этим отвлекают христиан от посещения богослужения; надо выслать евреев за рубеж и впредь не допускать их ни к откупам, ни к торговым промыслам. И в этом эпизоде под личиною благочестия скрывались корыстные домогательства, заключавшиеся в том, чтобы избавиться от конкурентов. Повидимому, у мещан был некий руководитель, который, стоя ближе к духовным, чем к светским сферам, решил действовать через синод, хотя и преследовал материальную цель. И вот, последовало распоряжение: молельню разрушить, книги сжечь, откупа отнять. Правда, позже Бороху был возвращен откуп, но в 1727 г. состоя-

---

[6]) Чулков, Историч. описание российской коммерции, т. IV, кн. VI, стр. 453—454.
[7]) Лазаревский, Описание старой Малороссии, т. III, стр. 169—170.

лось новое повеление: произвести расчеты с Борохом и его товарищами и выслать их за рубеж, и впредь откупа отдавать «другим, кроме жидов» [8]).

Это распоряжение было вызвано не только местными обстоятельствами, но и подготовлявшимся решением вообще удалить евреев из России: в апреле 1727 г. Екатерина I, в согласии с желанием кн. Меньшикова, повелела выселить евреев из Украйны и из других российских городов и впредь не впускать их в страну [9]). Мотивы не были указаны [10]). В отношении Украины могло иметь значение участие евреев в винных промыслах и их торговая деятельность, но в отношении «российских городов», где их было так мало, сыграла роль лишь слепая религиозная нетерпимость [11]).

На Украине вокруг водки сталкивались частные выгоды и интересы государства. Вообще продажа водки доставляла в Великороссии большие доходы казне, однако хлебные неурожаи заставляли помышлять об уменьшении винокурения; к тому же приходилось бороться с тайным курением, так как и крестьяне, и именитые люди крепко держались за этот промысел [12]). В Малороссии же, где существовала свободная продажа вина и откуда, в ущерб казне, водка тайно ввозилась в великороссийские города, правительство, в силу местных условий, не решалось предпринимать меры против тех, кому принадлежало право курить вино,— только двадцать лет спустя, в виду неурожая, было решено лишить часть населения этого права. Услугами евреев пользовались и Киево-Софийский монастырь, и отписные маетности, и ряд высокопоставленных лиц; один официальный документ [13]) так и говорит, что евреи «живут для шинкования владельческими напитками: вином, пивом и медом, и во владельческих шинках». Следовательно, удаляя их из края, правительство могло, как ему

---

[8]) Х. Рывкин, Евреи в Смоленске (СПБ., 1910 г.), стр. 61 и сл.—Описание доментов и дел, хранящ. в синоде, т. II, ч. II (стр. 526—30). Первое полное собрание законов, № 5032.

[9]) Полное собрание законов, № 5063. Соловьев, История России (изд. „Общественной пользы"), кн. IV, стр. 1052. Голицын, История русск. законодательства о евреях, стр. 284.

[10]) Об'яснение Чулкова (Истор. описание росс. коммерции, кн. IV, стр. 531—532) малопонятно.

[11]) В самом Петербурге находились евреи, для которых было сделано исключение: Сборник Русск. Истор. Общества, т. 75, стр. 30, т. 79, стр. 21. „Еврейская Старина", 1909 г., вып. IV, стр. 246—250. Голицын, стр. 19 и 284.—О финансовом агенте при русском дворе Липмане—см. Еврейская Энциклопедия (на русском языке), т. X, стр. 224.

[12]) Соловьев, кн. III, стр. 717 (сообщение относится к 17 в., но это и в дальнейшем не изменилось); кн. V, стр. 452—453. В 1748 г. винокурение было запрещено рядовым казакам, подсоседкам, мещанству и посполитому народу. Там же, стр. 622.

[13]) Указ 11 июля 1740 г.

казалось, ограничить винокуренное дело, не покушаясь на права населения. И этой мере сочувствовали те христиане, которые, наряду с евреями, стояли в шинках. Удалению евреев рады были и местные торговые люди, усердно старавшиеся избавить себя от конкурента, независимо от его вероисповедания. Мещане и купцы Глухова, тогдашней столицы Малороссии, жаловались, что из Великороссии понаехали посадские люди, которые и занялись торговлей разными предметами, в частности и водкой («шинками»), и «глуховским гражданам от того не малая обида и убытки чинятся»[14]).

Администрация, как видно, не тревожила тех евреев, которые могли откупиться или имели влиятельных покровителей[15]). Но и при этих условиях гонение на евреев должно было отразиться на местной торговле. Гетман Апостол, ставленник Меньшикова, уже отправленного в то время в ссылку, выступил с предложением—допустить евреев, наравне с другими иностранцами, на ярмарки, и оно (1728 г.) было удовлетворено с оговоркой, что евреи могут торговать лишь оптом[16]), а дабы серебряная и золотая монета не уходила за границу, их обязали покупать на вырученные деньги местные товары. При этом был подтвержден указ о запрещении им иметь оседлость в стране. Конечно, временное посещение стало превращаться в постоянное пребывание, так как землевладельцы нуждались в хозяйственных услугах евреев, в качестве арендаторов и проч. Евреи продолжали также вести торговлю[17]). В 1731 г. гетман строго повторил требование об удалении осевших евреев[18]), но владельцы поместий остались глухи. Евреи жили не только в деревнях, но и в городах[19]). И так как требование, чтобы евреи ограничивались одной оптовой торговлей, не соответствовало интересам широких кругов населения, ибо устанавливало монополию в пользу местных торговцев, то уже в 1734 г.,

---

[14]) Судиенко, Материалы для отечеств. истории, т. I, отд. II, стр. 15—17. В 1727—8 г.г. великороссам запретили владеть в Малороссии хуторами и другими угодьями.

[15]) Судиенко, т. I, Отд. II, стр. 11. См. переписку о высылке евреев: „Еврейская Старина", 1913 г., вып. I В феврале 1728 г. гетман предписал выдать паспорт еврею „для поискания на некоторых людях долгов своих" в Москве (Судиенко, т. I, отд. I стр. 3).

[16]) Судиенко, стр. 30. П. собр. законов, № 5324, п. 14. У Чулкова (цитиров. сочинение, стр. 535—536) это разрешение отнесено к 1727 г.—В том же году иноземцам запретили продавать товары в розницу. Там же, стр. 535 и 553 (1731 г.).

[17]) Соловьев, кн. IV стр. 1207. Слова импер. Анны Иоанновны (1730 г.).

[18]) Судиенко, т. I, Отд. II, стр 162—164.

[19]) В Кролевце, в 1731 г. от пожара пострадали „наипаче жиды и татары" (Киев. Старина, 1895 г., IX, прилож., стр. 131). В Глухове в 1729 г. проживал еврей-портной (там же, 1894 г., VIII, прил., стр. 309). В Нежине было „множество жидов" (Архив кн. Воронцова, кн. I, стр. 84).

по ходатайству правителя Малороссии, указавшего на то, что в слободских полках ощущается недостаток в торговых людях, евреям дозволили торговлю на локти и фунты [20]).

Право приезда с товарами было распространено (1731 г.) и на Смоленскую губернию. Вскоре пришлось сделать и другую уступку. Евреев из Польши допустили к торгам на поставку водки в течение 1736 года: в виду неурожаев пришлось сократить винокурение в России, а для казенных кабаков привезти водку из Польши, где евреи принимали видное участие в этой отрасли торговли [21]).

Евреи не переставали появляться и в великороссийских городах. Напр., в Москве одновременно находились известный нам Борох Лейбов (именуемый порою Глебов) и несколько других евреев, живших в Немецкой Слободе.

Посещение Борохом Москвы оказалось для него роковым. Он там познакомился (1736 г.) с отставным морского флота капитаном-поручиком Александром Возницыным. Человек религиозных исканий и, повидимому, душевно неуравновешенный, Возницын поехал с Борохом в Смоленск, а потом переправился в Польшу и там дал себя обрезать. К ответственности вместе с Возницыным был привлечен и Борох. И оба они были публично сожжены (15 июля 1738 г.) в Петербурге [22]).

Удаление евреев из Малороссии шло в разрез с интересами более крупных землевладельцев, а потому закон не мог быть осуществлен в полной мере. В 1740 г. последовало повеление [23]) выслать за рубеж оставшихся евреев (292 мужч. и 281 женщ., живших в 130 дворах), но далеко не все они были удалены, а может быть и никто...

А в декабре 1742 г. императрица Елизавета, отличавшаяся крайней религиозной нетерпимостью, всячески преследовавшая татар и других инородцев, запретившая им жить в Малороссии,

---

[20]) Полн. собрание законов, №№ 6610, 6614. Разбросанные небольшими группами, евреи не утратили религиозно-общественной связи; в Ракитиной слободе жил раввин, к которому они с'езжались в праздничные дни. Регесты и надписи, № 1754. Перепись евреев в Малороссии за 1735 г.: „Евр. Старина", 1913 г., стр. 400—407, 526—536.

[21]) Указ сената 6 февраля 1736 г. Архив гос. совета, департ. законов, дело 1835 г. за № 11. Соловьев, т. IV, стр 1421 и след. В 1731 г., вследствие жалоб в Лифляндии, что иностранцы, особливо евреи, привозят водку, чем подрывается благосостояние местных помещиков, курящих водку, и увозят монету, было запрещено ввозить в Лифляндию водку. Joffe, Regesten und Urkunden zur Geschichte der Juden in Riga und Kurland, № 301.

[22]) Первое собр. законов, № 7612. Дело Возницына опубликовано в сборн. „Пережитое", т. т. II, III, IV.

[23]) Полное собрание законов, № 8169. В 1739 г. был повторен запрет давать евреям в аренду земли на Украйне (Баранов, Архив сената, именные указы).

отдала приказ о немедленном удалении из России всех евреев, мотивируя распоряжение тем, что от этих «имени Христа Спасителя ненавистников» не может быть добра; оставить можно было принявших православие, но уже затем их не выпускать [24]). Этому указу была придана широкая огласка. Однако, тотчас же были сделаны попытки склонить государыню к уступке. Указ не предусматривал временного пребывания евреев для торговых целей, и это послужило поводом для ходатайств. Донося, что уже 140 человек высланы из Малороссии, войсковая канцелярия уведомила сенат, что, по словам откупщиков так называемых индуктных сборов, взимавшихся с привозимых товаров, запрещение евреям привозить товары повлечет за собою уменьшение государственных доходов и раззорит самих откупщиков; приезжающие в Малороссию евреи имеют торговые сношения и с великороссийскими купцами. Сенат решил обратить внимание государыни на это ходатайство.

А к тому времени подобная просьба поступила также из Риги, где евреи имели давнюю историю.

Когда с падением Ливонского ордена Лифляндия была присоединена (1561 г.) к польскому королевству, евреям запретили заниматься в Лифляндии торговлею и откупом пошлин и вообще пользоваться какими-либо правами. Однако, именно в эти годы евреи из Польши и Литвы стали развивать торговую деятельность в Лифляндии,—хотя об удалении их и вообще иностранцев хлопотали города, особливо Рига, видевшие в пришельцах опасных конкурентов. Евреям разрешался розничный торг лишь на ярмарках, причем они могли продавать привозимые товары исключительно рижским бюргерам, а покупаемые у последних местные товары (соль, железо, вино, пряности) должны были вывозить, а не перепродавать в самой Риге. Позже (1638 г.), в целях контроля, их обязали жить в особом подворье, специально для них предназначенном. Во время военных действий 1700—1 г.г. оно было опустошено, вследствие чего евреи получили свободу в выборе жилищ за исключением центра города. Но в 1722 г., когда Рига принадлежала уже (с 1710 г.) России, оно было восстановлено.

---

[24]) Там же № 8673. Ср. Градовский, Отношение к евреям в древней и соврем. Руси, 434—435. Grot, Bemerkungen über die Religionsfreiheit etc. (1797 г.), 26. Вскоре к форпостам прибыло 25 евреев, пожелавших креститься. Сенат 26 сентября 1745 г. об'явил: „нужно смотреть за ними накрепко, чтобы они веру греческого вероисповедания содержали“ (Архив госуд. совета, департ. законов, 1835 г., дело № 11).

Даже евреи, ночевавшие на барках, обязаны были уплачивать определенное вознаграждение арендатору подворья [25]).

Когда в 1727 г. последовало повеление об изгнании евреев из России, рижские власти потребовали, чтобы и местные евреи удалились. Напрасно вице-канцлер Остерман об'яснял, что это распоряжение не может иметь силы для Риги, которой предоставлены особые привилегии. Городской совет не пожелал воспользоваться своим правом; он заявил, что торговля с Польшей и другими местностями может обойтись без евреев.

Иное случилось, когда в 1742 г. состоялось повеление Елизаветы об изгнании евреев из государства. Предав забвению то, что было так горделиво сказано в 1727 г., предвидя, что запрещение евреям появляться в Риге подорвет торговлю с Польшей, что они направятся в другие города, которые разовьются за счет Риги, городской совет поспешил возбудить просьбу о сохранении старого порядка, т. е. чтобы евреям попрежнему разрешалось временное пребывание в Риге. Особое значение для местной торговли имели те евреи, которые прибывали с товаром по Двине на баркас. В апреле они, по обычаю, появились на реке. Узнав, что администрация поставила стражу, между прочим у Фридрихштадта, чтобы не пропускать этих гостей, городской совет послал немедленно в Петербург ходатайство о пропуске к Риге этих барок и поручил двум лицам в столице выступить на защиту интересов города, а в Фридрихштадт был послан гонец, чтобы просить евреев дождаться разрешения вопроса, а пока отослать товары в Ригу [26]).

Но когда сенат доложил государыне, что от запрещения евреям приезжать в страну не только купечество понесет убытки, «но и высочайшим вашего императорского величества интересам не малый ущерб приключиться может», а потому не согласится ли государыня «для приращения... высочайших интересов и распространения коммерции» разрешить евреям приезжать в Малороссию, Слободские полки, Ригу и другие пограничные пункты,—последовала (декабрь 1743 г.) резолюция: «От врагов христовых не желаю интересной прибыли». Эта резолюция не стала достоянием гласности, но сенат издал указ, в котором сообщалось, что хода-

[25]) Anton Buchholtz, Geschichte der Juden in Riga (1899 г.); Wunderbar, Geschichte per Juden in Prov. Lif-und-Kurland (1853 г.); J. Joffe, Regesten und Urkunden; И. Иоффе. Из жизни первой евр. общины в Риге („Пережитое", т. II).

[26]) Joffe, №№ 241, 242, 243; Buchholtz, стр. 32, 45 и др.

тайства о невысылке евреев из Малороссии и Рижской губернии не удовлетворены, и предписывалось «о впуске их никаких ни откуда представлений» не присылать [27]).

Религиозная нетерпимость Елизаветы проявилась также и в отношении отдельных лиц. Особенно характерно дело о выдающемся враче Антонии Санхеце, втором лейб-медике при императрице. В 1747 г., в виду болезни глаз, он уехал заграницу, причем был назначен почетным членом академии и награжден жалованием. Но вскоре (1748 г.) Елизавета приказала исключить Санхеца из числа почетных членов. Полагая, что немилость вызвана обвинением в политической неблагонадежности, Санхец поспешил реабилитировать себя в этом отношении, но оказалось, что государыня желает, чтобы «члены ее академии были добрыми христианами, а она узнала, что доктор Санхец не принадлежит к числу таковых... Причина, по которой он липшился места своего, было его иудейство...». По этому поводу Санхец писал: «Я отвечал..., что такое обвинение (исповедание иудейской веры) ложно, и есть тем более клевета, что я католической религии, но что я не забочусь опровергнуть это, потому что мне от рождения суждено, чтобы христиане признавали меня за еврея, а евреи за христианина». Санхец был, вероятно, португальским марраном [28]).

Россия осталась при Елизавете без евреев. Но как только она скончалась и воцарился (1761 г.) Петр III, возобновились ходатайства о дозволении евреям приезжать в Россию. К тому же времени, когда свергнув Петра III, престол заняла (1762 г.) Екатерина Вторая, вопрос этот уже дошел до сената. Здесь случился знаменательный инцидент, о котором мы узнаем из автобиографической заметки на французском языке самой Екатерины II, составленной ею в третьем лице: «На пятый или шестой день по вступлении на престол Екатерины II прибыла она в сенат... Так как все дела в сенате производятся по журналу, за исключением дел, крайне спешных, как нарочно оказалось, что в это заседание первым находился в списке проект разрешения евреям приезда в Россию: покамест записывали решение по предыдущему делу, Екатерина, стесненная обстоятельствами, чтобы дать свое согласие на это предложение, признанное единогласно полезным, была выведена

---

27) Полн. собрание законов, № 8840, № 8867. См. публикацию суздальской провинц. канцелярии (Г о л и ц ы н, История русск. законодательства о евреях, 297-298).

28) Португалец Antonio Nunes Ribeiro Sanhez (по французски Sanchés, в русских источниках: Санхес, Санжес, Санше) родился в 1699 г., умер в 1788 г. в Париже. Осталась его рукопись „L'origine de la persecution contre les juifs". По вступлении на престол Екатерины II Сенхецу была назначена пенсия. Ср. очерк С. О. Грузенберга о Сан-хеце (журнал „Восход", 1898 г. кн. VII) и мою заметку в Еврейской Энциклопедии, т. XII,954—955

из этого положения сенатором кн. Одоевским, который встал и сказал ей: «Не угодно ли вашему величеству, прежде, чем решиться, посмотреть то, что императрица Елизавета собственноручно начертала на полях подобного предположения». Екатерина приказала принести доклады и нашла, что Елизавета, по набожности, написала на поле: «Я не желаю выгоды от врагов Иисуса Христа». Не прошло еще недели, как Екатерина вступила на престол; она возведена была на него, чтобы защищать православную веру; она имела дело с набожным народом, с духовенством, которому еще не возвратили его имений... умы были в сильном возбуждении, как это всегда бывает после столь важного события: начать царствование таким проектом не могло быть средством успокоения; признать его вредным—было невозможно. Екатерина просто повернулась к генерал-прокурору... и сказала ему: «я желаю, чтобы это дело было отложено до другого времени». И вот, как часто недостаточно быть просвещенным, иметь наилучшие намерения и власть привести их в исполнение» [29]).

Из этих слов Екатерины II мы видим, что вопрос о допущении евреев в страну был отложен по соображениям политического характера. Манифестом 4 декабря 1762 г. водворение в России было разрешено всем иностранцам, «кроме жидов» [30]). Однако, мысль о пользе, которую могут принести евреи, не покидала государыню. В это время сами евреи стали хлопотать о допущении их в страну. И всюду — в Петербурге, Малороссии и Риге — они нашли людей, которые сочли нужным поддержать их.

В прошении о восстановлении старинных прав Малороссии (1764 г.) шляхетство и старшины вместе с гетманом указывали, что местная торговля «и тем не мало подкрепляемая была, что как всему прочему иностранному купечеству, так и жидам свободное в Малой России торгов отправление дозволяемо было»; евреи принимали наибольшее участие в торговле; они покупали местные товары по более дорогой цене, а продавали привезенные ими из-за границы товары по более низкой цене, чем та, которая установилась после запрещения евреям приезжать в край. Вот почему не-

---

[29]) И. Г. Оршанский, Русское законодательство о евреях (СПБ., 1877 г.), стр. 247—248. Голицын, стр. 57—59; также примечание № 101.

[30]) 14 октября 1762 г. Екатерина составила проект указа прибизительно такого же содержания, как манифест. Опасаясь, что привлечение иностранцев может быть дурно истолковано, она отметила, что надеется таким путем „умножить славу Божию и его Православную греческую веру". Голицын, стр. 311; Сенатский архив, т. XI, стр. 273.

обходимо—«единственно для распространения малороссийской коммерции» дозволить им временное пребывание в Малой России для промыслов [31]).

Что касается Риги, то городской совет поручил своему депутату в Петербурге сделать представление о допущении евреев в Ригу при условии, однако, сохранения привиллегии города, т. е., чтобы они пользовались правом лишь временного, но не постоянного проживания. Депутат заявил: опыт показал, какой большой ущерб Риге принесло запрещение евреям приезжать туда; в Риге торговля стала из года в год падать, а в это же время она возросла в соседних портах (Виндаве, Либаве, Мемеле и Кенигсберге); временное пребывание евреев в Риге отразится благоприятно на торговле и таможенном сборе и не причинит ни малейшего подрыва обывателям и торговому сословию. Это ходатайство соответствовало личному желанию Екатерины II. Однако, опасаясь открыто высказаться и любя, вообще, окружать свои действия тайною, она прибегла и в данном случае к конспирации.

Вопрос о проживании евреев в Риге Екатерина задумала связать с вопросом о заселении пустынной Новороссии, которому придавала огромное значение. Она решила поручить нескольким евреям колонизацию Новороссии иностранцами (сосредоточив это дело в Риге) и, как бы в виде компенсации за такую услугу, предоставить этим евреям вести торговлю в Риге. Но так как они не могли, по местным правилам, иметь постоянное проживание в Риге, а с другой стороны допущение евреев в Новороссию противоречило бы манифесту 1762 г., то был придуман обход закона, а именно: присвоить евреям звание «новороссийских купцов», которым была бы затушевана национальность. По этому поводу возникла секретная официальная переписка, в которой Екатерина приняла личное участие, при чем сама переписка, как и весь вопрос, носила замаскированный характер, так как нужно было тщательно скрывать, что под новоявленными «новороссийскими купцами» имеются в виду евреи. Правительство, конечно, интересовалось импортом иностранцев в Новороссию, а евреи—своей торговой деятельностью в Риге, и даже выписанные ими из-за границы единоверцы вместо того, чтобы направиться в Новороссию, задерживались в Риге и занимались здесь своим обычным промыслом. А это вызывало недовольство среди местного торгово-промышленного класса.

---

[31]) „Киевская Старина", 1883 г., кн. VI, стр 341, § 16.

Не знаем, насколько была успешна колонизаторская деятельность «новороссийских купцов» и кого доставили они в Новороссию—вообще иностранцев или специально заграничных евреев [32]). Но Екатерина пользовалась каждым случаем, чтобы водворить евреев в Новороссию, лишь бы это не сопровождалось чрезмерной официальной оглаской. В 1764 г. она предписала кн. Дашкову, находившемуся с войсками в Литве и в Польше, принимать под свою защиту польских и других евреев, которые заявят о своей готовности ехать в Новороссию [33]). Пленным, взятым во время войны с турками, начавшейся в 1768 г., разрешили повсюду водворяться в России, но пленным евреям—только в Новороссии [34]). Когда в том же году гайдамаки залили правобережную польскую Украину кровью евреев и поляков, русские власти принимали под свою защиту евреев-беженцев. Мы застаем спасавшихся евреев в крепости св. Елизаветы, у подполковника желтого гусарского полка, который на требование гайдамаков выдать скрывшихся евреев и поляков, ответил: «тех жидов и поляков, потому что оные в силе предложениев находятся у нас под защитой, отдать невозможно».

Но приближалось время, когда уловки Екатерины должны были стать излишними, когда России, вопреки ее воле, предстояло принять в свои пределы значительные еврейские массы. Это случилось в 1772 году: вследствие раздела части польских земель между Россией, Австрией и Пруссией к России отошла обширная территория, обычно именуемая Белоруссией, с густым еврейским населением.

---

[32]) Buchholtz, 55 и след. И. Иоффе, Из жизни евр. общины в Риге.—Сборник матер. и статей по истории Прибалт. края, IV, стр. 365 и след.—Юл. Гессен, Стремление Екатерины II водворить евреев в России („Еврейская Старина", 1915 г. вып. III. На основании дела архива министерства земледелия № 25659 „По доношению ген.-поручика Мельгунова об отправлении в Ригу новор. купцов"). — Еврейская Энциклопедия, т. XIII, ст. Рига. В сказке, поданной заводчиком П. А. Демидовым в юстиц-коллегию, значится, что он был оштрафован в 1767 г. „за держание им у себя в доме Новороссийской губернии купца Леви Вульфа, за необ'явление в полицию паспорта" (Пермская летопись, пятый период, стр. 499), т. е. организатора колонизации.

[33]) Сборник Русск. историч. общества, т. 51, стр. 440.

[34]) Указ 16 августа 1769 г. Румянцев донес в 1770 г., что после победы над татарами при Балте „освобождено забратых ими с польских селений жидов и христиан 862 души" (Чтение общества истории и древностей, 1865 г., т. II, стр. 29). В 1770 г. отряд казаков захватил в Ногайских степях части табора крымского хана; там нашлись взятые в плен евреи. „Так как евреии не могли остаться в Запорожье", они послали ходоков в Польшу, чтобы раздобыть денег для выкупа. А. Скальковский, Еврейск. плен в Запорожье („Киевская Старина", 1884 г., кн. I).

II. Евреи в польско-литовском государстве.

Иммиграция [35]) евреев в польские земли, возникновение которой теряется в отдаленном прошлом, становится более заметной с конца 11-го века. Хозяйственное состояние страны, нуждавшейся в развитии торговли и промышленности, побуждало польских правителей брать под свое покровительство деятельных предприимчивых выходцев из Зап. Европы—будь то христианин или еврей. С конца 12-го века в Польше начинает развиваться общественная организация, основанная на частных привилегиях. Княжеская власть постепенно отказывается от своих прав в пользу духовенства, рыцарства (превращающегося в дворянство) и вновь возникающих городов; князь устанавливает пределы свободы тех, кому дает привилегию, и при этом он обязывается не нарушать прав и преимуществ, предоставленных его привилегиями. Привилегии разбили общество на группы, отличные одна от другой не только по занятиям, но и по юридическому положению, боровшиеся между собою из-за политической власти и материальных благ.

Этими обстоятельствами и определилась жизнь еврейского населения. Представляя особую, а вместе с тем обособленную общественную единицу, оно нуждалось в крепкой внутренней организации, чтобы умело пользоваться поддержкой — смотря по условиям—то одной, то другой внешней общественной силы.

Правовое положение евреев в Великой Польше было впервые установлено в 1264 г. привилегией князя Болеслава Благочестивого, наложившей печать на все позднейшее польское законодательство о евреях. В привилегии проводился взгляд на евреев, как на княжеских людей (servi camerae). Они, так сказать, принадлежат князю, который извлекает из них материальную выгоду и вследствие этого берет их под свою защиту. Привилегия Болеслава стремилась охранить великопольских евреев от угнетения со стороны христианского населения и дать им возможность развивать свою экономическую деятельность. Она предоставила им заниматься ссудными операциями под залог недвижимости (с правом

---

[35]) Ср.: С. М. Дубнов, Всеобщая история евреев, т.т. II и III (главы, посвященные истории евреев в польско-литовском государстве). Очерки М. Балабана и М. Вишницера в „Истории еврейского народа“ (изд. т-ва „Мир“), т. XI. С. Кутчеба, Очерк истории государственного и общественного строя Польши (перев. с польского, Спб., 1907 г.). В. Грабенский, История польского народа (Спб. 1910 г.). А. Ефименко, История украинского народа (Спб., 1906 г.).

приобретать таковую в собственность, если должник не вернет денег) и повсеместно торговать, взяла их под защиту правосудия: тяжбы христиан с евреями подлежали не общему местному суду, а суду князя, его наместника или особо назначенного судьи, при чем для доказательства правильности иска к еврею недостаточно было свидетельского показания одного лишь христианина, требовался также свидетель-еврей, а дела по обвинению евреев в преступлениях с ритуальной целью разбирались при наличии шести свидетелей — троих христиан и троих евреев. Привилегия гарантировала опеку князя и воеводы, личную и имущественную безопасность, свободу вероисповедания, неприкосновенность кладбищ, молитвенных домов и проч.

Заботясь о под'еме гражданской жизни в государстве, об экономическом развитии страны, Казимир Великий в течение всего своего долголетнего царствования (1333—1370 г.г.) оказывал покровительство евреям в такой же мере, как и прочим сословиям. Распространив действие грамоты Болеслава на все польские провинции, Казимир дополнил ее новыми постановлениями, дабы открыть пред евреями простор для экономической деятельности и оградить их от притеснений. Они могли всюду свободно селиться, арендовать и брать в залог шляхетские имения, владеть землею, заниматься ссудными операциями. Так как католическое духовенство и городские магистраты относились к евреям неприязненно, король подтвердил, что дела евреев не могут разбираться в церковных и городских учреждениях, а подлежат королевской юрисдикции. Правда, благосклонность короля к евреям вызывала порою противодействие со стороны общества, прислушивавшегося к проповеди духовенства, и королю приходилось иногда уступать. Так, статут короля (1347 г.), данный на Вислицком сейме, ограничил евреев в ссудных операциях, мотивируя это тем, что «коварное стремление иудеев направлено к разрушению благосостояния христиан». Тем не менее, евреи при Казимире чувствовали себя в безопасности. Это благоприятное положение вскоре изменилось.

Владислав Ягелло, великий князь литовский, занявший польский престол, благодаря брачному союзу, и тогда же принявший католичество, не мог противодействовать в Польше агитации духовенства, и его длительное царствование (1386—1434 г.г.) оставило в истории польских евреев мрачную страницу. Духовенство натравливало на них часть общества, и они претерпели кровавые бедствия. Так, раввин и старейшины познанской общины были сожжены по обвинению в осквернении гостии (1399 г.); краковские евреи пережили (1407 г.) ужасы погрома, искусственно вы-

званного священником, пустившим слух о ритуальном преступлении: многие здешние христиане разбогатели после погрома, и это обстоятельство, повторяющееся в столь же явной или более скрытой форме при других гонениях на евреев, говорит о тех материальных интересах, которые побуждали общество откликаться на призыв духовенства. Под влиянием проповеди, проникнутой религиозной нетерпимостью, зависть к удачливому конкуренту выливалась в грабежах и убийствах. В годы Ягелло были изданы различные соборные постановления, запрещавшие, между прочим, общение евреев с христианами.

Не то было на Литве. Правивший Литвою (1388—1430 г.г.) великий князь Витовт даровал общинам в Бресте, Гродне и Троках привилегии, составленные в духе привилегий Болеслава Благочестивого и Казимира Великого.

Сословия, на которые разбилось общество в Польше, не были равнозначащи, но все же каждое из них могло свободно жить в пределах своих прав и привилегий, и таким образом создавалось известное равновесие. В конце же 15-го века это равновесие нарушается и дворянство начинает приобретать господство в ущерб низшим классам. Законодательным органом становится сейм, состоящий, кроме короля, из сената, представлявшего аристократию и высшее духовенство, а также из посольской избы, представлявшей шляхетскую массу, избиравшую на сеймиках своих депутатов. В связи с этим еврейская жизнь уже не регулировалась постановлениями одного только короля; он разрешал лишь вопросы о подсудности евреев и их внутренней организации. Что касается их торгово-промышленной деятельности, то здесь значение шляхетских сеймиков начало все более и более сказываться, ибо королевским привилегиям противопоставлялись конституции, вынесенные на сеймах. Конституции, направленные против евреев, подсказанные корыстными домогательствами, чаще всего скрывавшимися под религиозными выкриками, подрывали значение королевских привилегий. К тому же сама королевская власть не всегда оказывала евреям поддержку. А между тем они встречали все более упорного противника в лице городского мещанства. Развитие их экономической деятельности, об'ясняемое не наличностью капиталов, размеры коих были очень скромные, а опытом и связью с единоверцами, разбросанными по различным странам, вызывало в мещанстве чувство зависти к счастливому конкуренту, и потому, не обладая политической силой, мещане, пользуясь поддержкой духовенства, прибегали к иным средствам борьбы—к насилиям и кровавому навету.

Казимир IV Ягеллончик, великий князь литовский (с 1440 г.), а вместе с тем и король польский (с 1447 г.), сумевший подчинить себе духовенство и шляхту, подтвердил привилегию, пожалованную евреям Казимиром Великим, и отменил стеснительные для них постановления соборов. Это вызвало возмущение в рядах духовенства, и когда короля постигли военные неудачи, несчастье было об'явлено божьим возмездием за покровительство, оказываемое королем евреям. Вовлеченный в военные действия, требовавшие увеличения налогов, король должен был подчиниться воле дворянства, которое соглашалось воевать и платить налоги лишь при условии расширения шляхетских свобод. Казимир оказался вынужденным дать шляхте новые вольности и отменить привилегию, им же самим подтвержденную евреям, что и было закреплено Нешавским статутом (1454 г.). Тогда же были вновь провозглашены старые соборные постановления, сила которых заключалась не столько в их практическом осуществлении, сколько в тех вызывающих лозунгах религиозной нетерпимости, под которым постановления издавались. И результаты этого не заставили себя долго ждать. Так, напр., в 1464 г. толпа, состоявшая из монахов, студентов, захудалых шляхтичей и крестьян, произвела в Кракове кровавый погром. Нападения произошли и в Познани и в др. местах. Однако, общее материальное положение евреев в ту пору мало, сравнительно, изменилось, так как король им покровительствовал.

Но преемникам Казимира IV (сконч. в 1492 г.) пришлось сделать фактические уступки шляхте. Конец 15-го века ознаменовался возникновением в Польше первого «гетто», т. е. части города, в которой были обязаны жить все местные евреи. Когда во время громадного пожара в Кракове (1494 г.) чернь разграбила имущество евреев, им приказали переселиться в предместье Казимерж— Краков получил привилегию de non tolerandis judaeis, т. е. право не допускать к себе евреев. Впрочем, с другой стороны, общине в Казимерже было впоследствии (1564 г.) предоставлено не разрешать христианам селиться в ее пределах.

Со смертью Казимира IV прервалась польско-литовская унія. Его сын Александр, великий князь литовский, проявлял сперва расположение к евреям, но безденежье побудило Александра прибегнуть к крайней мере: он повелел (1495 г.) изгнать всех евреев литовского княжества — из Бреста, Гродны, Трок, Луцка, Владимира-Волынска и Киева [36]), благодаря чему в распоряжение Але-

[36]) Владимир принадлежал Литве с 1336 г.—В 14 веке Киевское княжество, разоренное татарами, вошло в состав литовского государства.

ксандра перешли поземельная собственность, конфискованная у евреев, а также те суммы, которые им должны были под залог недвижимости христиане; земли были розданы частным лицам (духовным и светским), монастырям и благотворительным учреждениям. Таким образом, разнообразные общественные группы могли порадоваться неожиданному событию. Торжествовали и те христиане, которые остались должными евреям не под залог недвижимости, а по различным сделкам—они сочли себя свободными от обязательств.

Многие изгнанники направились в Польшу, где король Ян Альбрехт, брат Александра, оказал им покровительство.

Когда после смерти Яна Альбрехта литовский князь Александр принял также польскую корону (1501 г.), духовенство возымело надежду, что он поступит с польскими евреями столь же сурово, как с литовскими. Однако, Александр не только отнесся благожелательно к польскому еврейству, но даже разрешил (1503 г.) литовским изгнанникам водвориться на старых местах и предоставил им вернуть себе отчужденное у них имущество, а также взыскать долги по старым обязательствам. Литовские евреи, проведшие несколько лет в общении с польскими единоверцами, научились ценить их духовную сплоченность и организованность. Возродившиеся на Литве общины постепенно с'организовались, чему способствовало то, что они одна за другую отвечали в отношении уплаты государственных податей.

Сигизмунд I Старый (1506—1548 г.), не останавливавшийся пред жестокими мерами борьбы с реформационным движением в Польше, проявлял полную терпимость к еврейскому населению. Но в это время, именно в связи с реформационным движением, особую силу приобрело духовенство, оплот государственной религии, и борьба с реформацией дорого обошлась евреям. Агитация духовенства сгустила вокруг них атмосферу неприязни, создала настроение, при котором вражда со стороны шляхты стала более действенной, при котором было труднее бороться с противником-конкурентом, мещанством. Лучшим орудием экономической борьбы против евреев являлся религиозный призыв. Когда в Познани запретили евреям торговать и нанимать склады за пределами особого еврейского квартала, король приказал не чинить этих стеснений; но услышав из уст познанского купечества, что от евреев, нанимающих склады на рынке, в месте скопления христианского населения, может произойти соблазн для христиан и совращение от истинной веры, Сигизмунд не осмелился ничего возразить против запрещения нанимать склады на рынке (1520 г.).

Несколько позже в ряде городов были введены «гетто». По просьбе львовского магистрата, жаловавшегося на конкуренцию, местные евреи были ограничены в правах торговли. Далее всем евреям запретили брать на откуп государственные доходы, торговать в деревнях. Вместе с тем, им было велено исполнять договоры, заключенные их общинными управлениями (кагалами) с городскими магистратами. Эти «соглашения» не были добровольными актами. Окруженные неприязнью, евреи вынуждены были уступать магистратам, отказываться частично от прав, предоставленных им королевскими привилегиями. Таким образом, в одних городах они могли жить и торговать лишь в определенных частях (в Познани число еврейских домов не должно было превышать 49, вследствие чего приходилось возводить многоэтажные дома), в других—ограничивалась численность еврейского населения или евреи даже вовсе не допускались на жительство. Несколько позже евреям запретили иметь христиан в услужении.

Сказанным не выражалось настроение всего польского общества; кто мог извлечь из евреев пользу, тот не выступал против них, и если сейм выносил резолюции, требовавшие ограничения прав евреев, то это означало лишь то, что в данный момент, в виду разнообразных обстоятельств, победу одержал голос тех, материальные интересы которых не могли мириться с наличностью конкуренции. Мелкая шляхта, занявшаяся торговлею сельско-хозяйственными продуктами, была недовольна тем, что евреи помогают помещикам в их хозяйственной деятельности. Крупная же шляхта не имела надобности интересоваться подобными коллизиями, так как свои взаимоотношения с евреями она устанавливала в соответствии со своими интересами. Среди городского населения евреи также встречали не только врагов.

Когда в первой половине 16-го века еврейское население в Польше значительно возросло благодаря иммиграции, те улицы, которые были заселены евреями в королевских городах, оказались уже недостаточными; между тем магистраты препятствовали евреям занимать новые места, противясь также и тому, чтобы они водворялись в тех частях города, которые принадлежали дворянам, церквам и монастырям, согласившимся предоставить евреям свои участки. Вследствие этого избыток населения стал переходить на земли частных лиц: евреи заполнили города, вновь возникшие на частновладельческой земле, и приняли широкое участие в сельском хозяйстве помещиков, развив занятие арендою различных статей помещичьего хозяйства и, между прочим, винных промыслов. В силу векового порядка, евреи почитались при-

надлежащими королю. Но это уже не соответствовало новым фактическим условиям в частновладельческих поселениях. Шляхта настаивала на том, чтобы евреи, жившие в ее селениях, не пользовались защитой короля, так как этим умалялась власть землевладельца; к тому же, за покровительство короля евреям приходилось платить, что также находилось в несоответствии с интересами землевладельца. И в 1539 г. король удовлетворил соответствующее требование краковского сейма [37]).

В Литве установилось такое же соотношение общественных групп, как в Польше. Крупные землевладельцы, имевшие деловые связи с евреями, относились благожелательно к ним. Мелкая же шляхта, добившаяся значительного политического влияния, заставляет короля санкционировать постановления, имеющие целью унизить евреев (отличительный знак на одежде) и парализовать их экономическую деятельность. Шляхта требует, чтобы откупщиками, которые, выполняя различные функции по финансовому ведомству, приобретали и значение в правительственных сферах, и богатство, были только шляхтичи.

Мы видели, что частично прерогативы короля стали переходить к отдельным лицам, владельцам имений и городов. Однако, королевским расположением сдерживались до известной степени те темные силы, направленные против евреев, которые, зарождаясь в недрах духовенства, находили в мещанстве благоприятную почву для своего развития. Короли были бессильны остановить победоносное шествие духовенства, порабощавшего мысль и волю общества, но защита, которую они оказывали евреям, служила им моральной поддержкой. Так, когда—вопреки воле короля—три еврея были казнены (1556 г.) по обвинению, будто они искололи гостию, купленную у христианки из Сохачева, после чего из гостии потекла кровь,—Сигизмунд Август заявил по поводу казни, что он «безмерно гнушается этим деянием и не настолько лишен рассудка, чтобы верить, что в этой гостии находится кровь». Осуждено было Сигизмундом Августом подобное же деяние, совершенное в Литве, когда, мстя евреям за то, что в их руки перешел винный откуп, мещане Бельска возвели на приказчика откупщика обвинение в умерщвлении христианской девочки (1564 г.). Король поспешил пожаловать евреям грамоту, в силу которой право суда по таким делам принадлежало королю с Радой, при чем обвинение должно было считаться дока-

[37]) В 1549 г. было установлено, что защитой короля, кроме судебной, пользуются те евреи, живущие на частновладельч. землях, которые уплачивают королевскую подать.

занным лишь при наличии обличителей: четырех христиан и трех евреев, в противном случае сам обвинитель подвергался каре. Местные власти отказались внести эту грамоту в актовые книги, и евреям пришлось выхлопотать новую привилегию, которою присутственные места обязывались не препятствовать внесению грамоты в книги и обнародованию ее на ярмарках.

Однако, и эта не всегда действительная королевская защита еще более утрачивает в дальнейшем свое значение. Польша и Литва, слившись в одну Речь Посполитую (Люблинская уния 1569 г.), совместно избирают короля, ставя ему свои условия. Наступает период господства шляхты.

Если Стефан Баторий (1576—1586 г.г.), сумев сохранить за собою известную самостоятельность, пожаловал евреям привилегию, которая уравнивала их в правах с мещанством, предоставляла им заниматься ремеслами, освобождала их от унизительной формы присяги и т. д., то его преемники дали усилиться католической реакции, что должно было тяжко отразиться на еврейском населении.

Учащаются процессы по обвинению евреев в преступлениях с ритуальной целью. А вместе с тем развивается, так назыв. ритуальная литература, распространяющая навет, будто евреям для религиозных и других надобностей нужна кровь христиан, и обвиняющая их в злобных действиях против христианского мира. Первой по времени книгой на польском языке, в которой навет представлен в известной систематической разработке, является памфлет ксендза Моецкого, напечатанный в Кракове в 1598 году. За Моецким последовали другие [38]). И вера в кровавую выдумку проникла в глубину христианского населения, хотя навет был сопутствуем грубейшими небылицами. Так, Моецкий утверждал, что евреям потому нужна кровь христиан, что ею останавливаются месячные очищения (менструации), которые в еврейском народе присущи не только женщинам, но и мужчинам!

Описанными обстоятельствами умело пользуются городские магистраты. Между прочим, они присваивают себе право суда над евреями и королю приходится напоминать, что евреи подлежат суду не по магдебургскому (городовому) праву, а по земскому, и что дела, в которых заинтересованы одни евреи, рассматриваются

---

[38]) Еврейская Энциклопедия, т. XI, стр. 866—869.—Бершадский, Старинное средство (журнал „Восход" за 1894 год).—И. Кузьмин, Материалы к вопросу об обвинениях евреев в ритуальных преступлениях (Спб., 1913 г.), стр 263 и сл.—„Записка" о ритуальных убийствах" (приписываемая В. И. Далю) и ее источники (Спб., 1914 г.), гл. II.

раввинским судом. Вражда к конкурентам находит свой исход и в насилиях (погромы в Познани, Вильне), но наиболее надежное средство против конкуренции—это ограничение в праве торговли. Король удовлетворяет подобные ходатайства мещан, но от этого терпит остальное население, так как с устранением конкуренции цены на товары повышаются и королю порою приходится отменять свои распоряжения.

Непрерывная борьба за экономическое существование и самозащита против лживых обвинений содействовали укреплению и развитию той общественной организации евреев, которая вызывалась потребностями их религиозно-национального быта. Выборному представительству еврейских общин, сосредоточенному в кагалах, оказывали покровительство короли, ибо кагалы несли ответственность за исправное поступление податей и выполняли административные функции, чем облегчали заботы государственной власти по управлению еврейским населением. Укрепление кагальной власти соответствовало в известной мере также интересам городовых магистратов, потому что кагал наблюдал за тем, чтобы еврейское население не нарушало договоров, заключенных с магистратами. Кагал являлся, таким образом, посредником между еврейством и властями. То обстоятельство, что кагал находил защиту извне, отразилось на характере этого представительного учреждения. Выросши из недр еврейской жизни, но усвоив черты организации немецких городов, в которых евреи издавна жили, кагал не развивался в естественных условиях, свободно изменяющихся в соответствии с нуждами текущего дня: пользуясь поддержкой внешней власти, он имел возможность не всегда считаться с эволюцией еврейской жизни, с расширяющимися духовными потребностями народа; кагал нередко становился даже поперек пути народного развития. И вот почему наступил момент, когда кагал перестал соответствовать нуждам еврейской жизни. Кагал не всегда действовал в качестве выборного представительства: своей властью он обязан был в такие моменты не собственному авторитету, а поддержке со стороны королей, воевод и т. д. Демократические принципы, лежавшие в основе кагала, были рано попраны олигархией. Тем не менее, кагал сыграл в истории польско-литовского еврейства крупнейшую роль, дав ему возможность выдержать вековую борьбу с врагами.

Кагал принял более устойчивую форму, повидимому, лишь в середине 16-го века. В основных чертах кагалы, существовавшие по городам и местечкам, были организованы на одних началах. Численный состав должностных лиц кагала зависел от размера

общины. Они избирались ежегодно в промежуточные дни Пасхи, обыкновенно по двухстепенной системе; из состава прихожан всех синагог общины назначались путем жребия выборщики («бореримъ»), которые и избирали старшин. Этот порядок подвергался в отдельных местностях изменениям, дабы господство в кагале осталось за определенной группой лиц, захватившей власть и пользовавшейся в этом отношении нередко содействием администрации. Важнейшую роль в кагале играли старшины—«роши» и «тувы», управлявшие делами общины. За ними следовали «даяны» (судьи) и «габаи» (попечители и старосты религиозных и воспитательных учреждений). Кагальные должности были бесплатные, только судьи получали определенное вознаграждение. Деятельность кагала была чрезвычайно разнообразна, в виду чего существовали комиссии, заведывавшие отдельными частями кагального управления: контрольная, благотворительная, больничная и др. Кагал взыскивал в пределах своего района подати и вносил их в государственную казну, производил раскладку общих и специальных налогов, заведывал делами молитвенных домов, школ и прочих общинных учреждений, совершал купчие крепости на недвижимые имущества, устанавливал правила для торговли и ремесленных занятий, разбирал—в лице даяна и раввина—тяжбы между членами общины. Раввин, пользуясь самостоятельностью при разрешении религиозных вопросов, находился в прочих делах в зависимости от кагала, бравшего его на службу. Тем не менее раввин считался высшим должностным лицом и духовным представителем кагала. Он председательствовал в суде, руководил выборами, следил за их правильностью; без подписи раввина кагальные постановления не имели силы.

Небольшие местности и общины, возникавшие в предместьях городов, составляли *прикагалки* соседнего кагала. Кагалы малых городов и местечек подчинялись более значительным кагалам в отношении раскладки податей и судебной юрисдикции. Сеть этих маленьких кагалов и прикагалков составляла кагальный округ. Между кагалами возгорались порою споры по вопросу о границах района, и те общины, из-за которых происходили столкновения, отдавались под покровительство то одной, то другой из спорящих сторон. Бывало, что прикагалок отказывался от подчинения кагалу и об'являл себя самостоятельным кагалом. Недоразумения из-за юрисдикции кагала возникали иногда также между отдельными группами населения, жившими в одном и том же городе, но подчиненными различным органам внешней власти. Случалось, что часть населения была подчинена юрисдик-

ции городового старосты, другая — юрисдикции воеводы и т. д., благодаря чему группы пользовались различными правами и несли различные обязанности, что осложняло взаимоотношения между кагалом и населением. Иногда евреи, жившие вне еврейских улиц, отказывались от подчинения кагалу, находя защиту у магнатов. Нередко владельцы поселений требовали денег за утверждение кагальных старшин, раввина и проч.

Высшим органом самоуправления являлись «в а а д ы», т. е. с'езды раввинов и кагальных представителей. Первоначально с'езды устраивались одними раввинами для разрешения сомнений, возникавших при применении талмудического законодательства, а также для разбора споров между общинами и т. д. С середины 16-го века подобные с'езды происходили во время больших ярмарок (главным образом в Люблине). Встречи купцов, обычно являвшихся членами кагалов, с раввинами постепенно получили характер сеймов, на которых и стали обсуждаться вопросы внутренней жизни. Ваад, вместе с тем, охранял население от внешних опасностей; он посылал своих «штадлонов» на польские сеймы, чтобы исходатайствовать подтверждение старых привилегий, предотвратить появление ограничительных постановлений и т. д.

В заседаниях ваада принимали участие раввины и кагальные старшины от В е л и к о й П о л ь ш и (главная община Познань), М а л о й П о л ь ш и (Краков, Люблин), П о д о л и и или Р у с и (Львов), В о л ы н и (Острог или Кременец) и Л и т в ы (Брест или Гродна). В зависимости от числа представленных областей с'езд назывался ваадом трех, четырех и пяти областей. В 1623 г. кагалы Литвы учредили свой особый союз, и с этого времени только четыре области посылали своих представителей на с'езды «ваада четырей областей». Кагалы устраивали и свои районные с'езды.

Из Подолии и Волыни евреи стали медленно проникать и на Украину, охватывавшую (вместе с частью Подолии и Волыни) Киевщину, Полтавщину и Черниговщину. На Украине, являвшейся некогда удельным владением русских князей, а в 14-м веке перешедшей к Литве, население состояло преимущественно из православного крестьянства, которое, находясь вдали от правительственной власти, окруженное простором свободных степей, пользовалось вольностями и в течение долгого времени не знало никаких податей и повинностей, кроме военной службы. Государство раздавало здесь землю малонаселенных старостств лицам господствовавшего сословия. Старосты, в целях увеличения своих доходов, пытались понемногу притягивать мещан к тяглу, но это

делалось весьма осторожно, так как мещане были слишком знакомы со всякими «уходами», чтобы бояться старостинской власти. И сельские простолюдины, уделяя пану или на замок часть своих продуктов, не допускали посягательств на их личную свободу и на их труд,—поселянину было легко уйти в степной простор.

Эта картина изменилась, когда южная Русь в силу Люблинской унии была присоединена к Польше, т. е. когда помимо Подолья, уже ранее перешедшего во владение Польши, польское господство распространилось также на территорию Киевского, Брацлавского и Волынского воеводств. И раньше польский правовой порядок постепенно проводился в южно-русскую жизнь путем литовского законодательства. Теперь же Польша решила быстро и всесторонне охватить жизнь в этом крае. Одним из результатов изменившихся условий является то, что земля перестала принадлежать пахарю; она делается достоянием помещика, который начинает смотреть на поселянина как на свою собственность. Земледельческое население принудительно прикрепляют к земле и тогда недовольные элементы уходят в вольную степь. С другой стороны, в ту же пору начинается интенсивная колонизация Украины. Сюда хлынула шляхта, паны стали привлекать поселенцев, обещая им свободу от всяких повинностей и платежей. Среди колонистов появляются и евреи. Вскоре возникли сотни городских поселений.

Быстрота, с которой оживился этот пустынный край, не соответствовала росту местных социально-экономических сил. И вот наметились обстоятельства, долженствовавшие неминуемо привести к катастрофе.

Встреча воинствующего католичества, которое представлял господствующий польский класс, с русским православием, носителями которого являлись трудовые слои населения, не предвещала ничего хорошего. Угрожающим для общественного спокойствия было и то, что казаки, вольные поселенцы, в свое время занявшие свободные земли, превратились теперь в панских подданных. Они не знали налогового бремени, но они отказывались даже от подчинения юрисдикции землевладельца, и когда недовольство наростало, они уходили в глубь Украины. Там, за днепровскими порогами, скопилось беспокойное, свободолюбивое казачество, ставшее как бы моральной опорой для украинской народной массы, оказавшейся в необходимости подчиниться своим господам. Правительство пыталось дисциплинировать казаков, превратить их в пограничное охранное войско, но вначале это не удавалось, и польскому правительству приходилось сталкиваться с ка-

заками с оружием в руках. Восстания запорожских казаков вызывали сочувствие среди украинского населения. Поэтому правительство обратило (1638 г.) в хлопов всех украинских казаков, не записанных в реестры; казацкие поселения были включены в состав панских имений, самих же казаков прикрепили к земле и обязали к барщине и даням. Тогда же и реестровые казаки, вовсе не принимавшие участия в восстаниях, были ограничены в праве самоуправления.

Католики-помещики обременяли православных хлопов разнообразными налогами и повинностями, и в этой эксплуатации на долю евреев выпала печальная роль. Польские магнаты широко пользовались услугами евреев, которые брали у панов на откуп «пропинацию», т. е. право выделки и продажи водки, и вообще принимали участие в многообразных отраслях помещичьего хозяйства. Арендатор-еврей, становясь на место пана, получал — конечно, лишь в известной мере — ту власть над крестьянином, которая принадлежала землевладельцу, и так как еврей-арендатор, выполняя хозяйственные поручения магната, старался извлечь из крестьянина возможно больший доход, то злоба крестьянина, грубо эксплуатируемого, направлялась и на католика-пана, и на еврея-арендатора. И вот почему, когда в 1648 г. разразилось страшное восстание казаков под предводительством Хмельницкого, евреи, наравне с поляками, пали жертвой кровавой борьбы казачества с польским правительством.

Заручившись помощью со стороны крымских татар, Хмельницкий двинулся из Запорожья в Украину. Нанеся поражение полякам у Корсуни, он подошел к Белой Церкви, и тогда на его зов откликнулись хлопы, с детских лет приученные к оружию. Городское православное мещанство присоединилось к повстанцам и помогло казакам взять ряд укрепленных пунктов. Расправа с католиками, евреями и даже с православными, носившими польское платье, сопровождалась нечеловеческими зверствами. Сдирали с живых кожу, распиливали пополам, забивали до смерти палками, жарили на угольях. Не было пощады и младенцам. Только принятие православия спасало от смерти. Многие города стали ареной мученической смерти десятков тысяч евреев. Элегии и молитвы, составленные раввинами того времени, в потрясающих выражениях сохранили память о страшной катастрофе.

Наконец, военные обстоятельства заставили Хмельницкого заключить с польским государством мир. В силу так. назыв. Зборовского договора (1649 г.) из состава Южной Руси была выделена Казацкая Украина, обнимавшая территорию Киевского, Чер-

ниговского и Брацлавского воеводств. В этих пределах евреи не могли проживать, а иезуиты должны были уйти со своими школами из всех мест, где были русские школы. Однако, Зборовский договор не мог создать длительный мир. Казакам, не занесенным в реестры (число реестровых казаков было точно установлено), предстояло возвратиться в хлопство, на что они не соглашались. Хмельницкий едва сдерживал озлобление против панов, обострявшееся экономическим кризисом, постигшим разоренный край. С своей стороны шляхтичи, спасшиеся от смерти бегством и вернувшиеся теперь на старые пепелища, мстили своим хлопам. Вскоре между польским войском, в составе которого был особый еврейский отряд, и казаками произошло столкновение; казаки потерпели поражение, и тогда по Белоцерковскому договору (1651 г.) прежние условия, заключенные с казаками, были изменены. Воеводства Брацлавское и Черниговское вернулись в общий состав польского государства. Только в Киевском воеводстве (остатке Казацкой Украины), где казаки должны были жить, им была предоставлена некоторая самостоятельность. Евреям было возвращено право водворяться по всей Украине, не исключая казацкой Украины: «Жиды, как прежде, были обывателями и арендаторами в имениях его королевской милости и в имениях шляхты, так и теперь должны быть».

Но враждебные действия вскоре возобновились. Отдельные группы казаков, особенно те, которые жили на территории, отошедшей вновь к Польше, не признали Белоцерковского договора. Среди казачества начались массовые уходы за Днепр, в пределы московского государства, где, будучи приняты радушно, стали устраиваться на казацком положении. Таким образом возникли казацкие слободы (Харьков, Сумы и др.), составившие Слободскую Украину.

В 1654 г. Казацкая Украина в том территориальном составе, который был определен Зборовским договором (воеводства Брацлавское, Черниговское и Киевское), стала под власть московского царя. И вслед затем возникла война между Москвою и польско-литовским государством. Вторжение русских войск и казаков в пределы Литвы и Белоруссии повлекло за собою страшное бедствие для евреев (1654—1656 г.г.). Многие погибли, иные были изгнаны из городов, другие оказались в плену[39]). Русское нашествие захватило и Польшу. Наконец, мир был заключен. По Андрусовскому договору (1667 г.) левобережная Украина (Мало-

[39]) См. выше, стр. 9.

россия), часть Киевщины вместе с Киевом, а также Смоленская и Чернигово-Северская области перешли к Москве [40]).

Тяжко пострадали евреи и во время шведско-польской войны. Вторгнувшись (1655 г.) в пределы Польши, шведы быстро овладели ею. Гнет со стороны шведов вызвал повстанческое движение под предводительством воеводы Стефана Чарнецкого. Каждая из борющихся сторон, давая волю своим страстям, обрушивалась на бессильных евреев.

Кровавое десятилетие 1648—1658 г.г. поглотило сотни тысяч еврейских жертв. Около семисот еврейских общин в Польше были разгромлены. На левобережной Украине еврейские поселения, повидимому, исчезли; а на Украине, принадлежавшей Польше, уцелела, вероятно, лишь одна десятая часть населения. Многие бежали в Литву, во внутреннюю Польшу и в государства Западной Европы.

Король Ян-Казимир всячески старался смягчить бедствие. Многие общины были освобождены на время от налогов, получили различные льготы. Последующие короли также содействовали возрождению экономической жизни еврейского населения. И если шляхта, под влиянием духовенства, продолжала свою старую политику нетерпимости, то сеймы в эти годы не раз выносили постановления, имевшие целью оградить евреев от притеснений со стороны конкурентов. Однако, еврейская жизнь, потрясенная в своих экономических основах, не могла возродиться при тех тяжелых условиях, в которых влачила свое существование сама Польша, раздираемая внутренними неурядицами. Сословия преследовали каждое свои интересы, не заботясь об общем благе; правительственная деятельность тормозилась знаменитым правом liberum veto, в силу которого любой депутат мог по капризу сорвать сейм. Евреи страдали от своеволия воевод и старост, смотревших на них исключительно как на источник доходов. Впрочем, та же «доходность» побуждала нередко панов оказывать евреям покровительство.

Пользуясь трудом крепостного крестьянства, паны попрежнему прибегали к услугам евреев, как торговцев и арендаторов, и таким образом евреи опять стояли на виду у порабощенного крестьянства, укрывая собою эксплуататоров-землевладельцев. А ведь сам-то еврей находился на положении подневольного, потому что помещику принадлежало право суда и расправы над живущими у него евреями. В городах приходилось, как и раньше, бо-

[40]) См. карту на стр. 40—41.

роться с магистратами и подвергаться нападкам со стороны торгово-промышленных конкурентов.

Между тем, и во внутренней жизни происходил процесс разложения. В 1676 г. ваад предписывает членам общин беспрекословно подчиняться кагалам, запрещает прибегать к содействию польской власти для целей, вредных обществу, вносить таким путем раздоры в общинную жизнь. Как видно, члены общины, недовольные кагалом, искали защиты у администрации. Со своей стороны, и кагалы, не пользуясь авторитетом в народе, поддерживают свое господство благодаря именно содействию правительства, в интересах которого было сохранить власть кагала, дабы кагал мог исправно вносить государственные налоги. В 1672 г. король предоставил кагальным старшинам на Литве карать порочных членов общины, навлекающих своими действиями нарекания на все еврейство, а так как под это понятие легко было подвести всех тех, кто не подчинялся кагалу, то карательная власть превращалась в руках старшин в тяжкую угрозу для населения. На помощь кагалу, когда он чрезмерно расширял свои полномочия, приходили также воеводы и старосты. Даже раввинская должность покупалась часто у воевод и у панов-землевладельцев. Право владения недвижимостью или эксплуатации доходных статей (откуп и аренда) предоставлялись евреям лишь с разрешения кагала; водвориться в общине и приписаться к ней можно было также лишь с дозволения кагала. Все это создавало зависимость членов общин от кагала, «свобода личности стеснялась в большей степени, чем это требуется самой строгой общественной дисциплиной».

Бедствия, которыми сопровождался переход Украины в руки то Москвы, то Турции, то Польши, обратили некогда цветущий край в пустыню. Только в последние десятилетия 17-го века начинается оживление правобережной Украины. К 1699 г. она всецело переходит во власть Польши. Казаки вновь обращаются в панских подданных, и тогда опять начинаются движения среди казаков, приносящие евреям новые испытания. В 1702 г. восстание охватило Киевщину, Подолье и Брацлавщину. Казаки и крестьянские банды стали жечь панские усадьбы и еврейские корчмы. Некоторые города, населенные евреями, подверглись разгрому.

В дальнейшем евреев ждало повторение кровавых расправ. А тем временем усилились страдания от агитации духовенства, создававшего процессы по обвинению в употреблении крови христиан, поглощавшие человеческие жертвы. Тогда же развилась «ритуальная» литература, поддерживавшая веру в навет. Неле-

пости, пущенные в оборот ксендзом Моецким в конце 16-го века, обогатились в начале 18-го века выдумками еврея Серафимовича. Повидимому, душевно-больной, Серафимович заявил, будто он сам, в качестве главного раввина, участвовал в умерщвлении христианских младенцев, и в составленной им (1710 г.) записке поведал о способе умерщвления и о соответствующих церемониях. Придав веру словам Серафимовича, ксендзы должны были бы привлечь его к судебной ответственности за убийство детей. Но они сочли возможным не только оставить его без судебного допроса и наказания, но даже приобщили представителей высшей польской знати к обряду перехода Серафимовича в католическую веру. Его измышлениями воспользовался сперва ксендз Жуковский, издавший в 1713 году книгу о ритуальных процессах, а затем монах Пикульский, выпустивший в 1758 году памфлет «Злость жидовская», который значительно содействовал распространению мифа о ритуальных преступлениях евреев. С обвинениями в употреблении крови выступили и еврейские сектанты, последователи лже-мессии Саббатая-Цеви, слившиеся с приверженцами лже-мессии Франка, получившими наименование франкистов. Франкисты, об'явившие себя контр-талмудистами, говорили, будто евреи, верные Талмуду, употребляют кровь христиан. В угоду франкистам, католическое духовенство заставило раввинов дважды явиться на диспут с ними. На втором диспуте (в 1759 г.) франкисты пред'явили раввинам обвинение в употреблении крови христиан, и хотя католическое духовенство не признало это обвинение доказанным, тем не менее заявления франкистов были использованы упомянутым монахом Пикульским, который переиздал свою книгу, дополнив ее показаниями франкистов. А годом раньше появилось другое «ритуальное» произведение, инспирированное франкистами, «Басни Талмудовы от самих евреев узнанные и чрез новую секту сяпвсциецихов или контра-талмудистов обнаруженные», к которому нам еще придется вернуться [41]).

Когда польским королем был избран Станислав-Август Понятовский (1764—1795 г.г.), обязанный престолом русской императрице Екатерине II, Польша стала находиться под протекторатом России. Король во всем повиновался Екатерине. Россия потребовала, чтобы православным подданным Польши (диссидентам) были предоставлены религиозная свобода и политические

---

[41]) Под словом „сяпвсциецихов" подразумевались последователи Саббатая Цеви, „шабсицвинники" саббатианцы, отожествленные с франкистами. См. ниже, стр. 43 и сл.

права. Часть шляхты и духовенства воспротивилась этому и образовала Барскую конфедерацию (1768 г.) для защиты нераздельного господства католической веры и древних шляхетских свобод. Русские и польские войска выступили против конфедератов. А в это время в юго-восточных воеводствах вспыхнуло восстание гайдамаков и православного хлопства, как ответ на стремление конфедератов. Темное православное хлопство не взялось бы за оружие во имя одного лишь религиозного лозунга, а потому агитаторы связали этот лозунг с материальными вожделениями. Был подделан манифест Екатерины II, якобы призывавший вырезать ляхов и евреев—их добро должно было служить приманкой.

Запорожский казак Железняк, жестоко расправившись с панами и евреями в пределах нынешней Киевской губернии, учинив страшную резню в местечках Лысянке и Тетиеве, двинулся со своей шайкой к Умани, куда сбежались тысячные толпы поляков и евреев, искавших спасения в ее укреплениях. Начальник Умани Младонович послал против приближавшегося Железняка сотника Гонту, хотя уже ранее Гонту подозревали в сочувствии гайдамакам. Действительно, он присоединился к Железняку и вместе с ним подошел к городу. Сперва поляки и евреи дружно защищались. Но сам Младонович, поверив слову Железняка, что поляков не тронут, ослабил защиту Умани. Казаки ворвались в город и учинили неописуемые зверства над евреями. А потом бросились и на поляков. Двадцать тысяч человек пали жертвою «уманьской резни». В это время другие гайдамацкие отряды свирепствовали в Подолии и в некоторых местах Киевщины.

Еврейское население не могло найти успокоения и тогда, когда кровавые дни миновали. Король был бессилен защищать евреев от происков мещан, и в 1768 г. варшавский сейм сделал следующее заявление: «Поелику евреи чинят городам и мещанам невыносимую кривду и отнимают средства к пропитанию, постановляем, чтобы евреи во всех городах и местечках, где они не имеют особых, одобренных конституцией, привилегий, вели себя, согласно договорам, заключенным с городами, не присваивая себе больших прав под опасением суровых кар». Таким образом, в целом ряде городов евреи были поставлены в полную зависимость от магистратов. Хотя в случае недоразумений между магистратами и евреями в спор должен был вмешаться королевский комиссар, дабы могло состояться «наиболее справедливое» соглашение, евреям фактически приходилось покидать город, когда магистрат отказывался заключить с ними договор.

В 16 веке духовное главенство над еврейским миром сосредоточивается в немецко-польском еврействе. И с этого времени духовные силы не направляются более на созидательную работу, а обращаются преимущественно на кропотливое собирание наследия прошлого; все, что было создано отцами, становится священным, независимо от внутренней ценности.

Чтобы предотвратить возможность растворения еврейского народа среди окружающего населения, духовные руководители издавна вводили установления с целью изолировать народ от тесного общения с соседями. Пользуясь авторитетом Талмуда, векового свода решений законоучителей, раввины опутали общественную жизнь и частный быт еврея сложной сетью предписаний религиозно-обрядового характера, которые, препятствуя сближению с иноверцами, подчиняли вместе с тем народ воле его руководителей. Раввины в течение веков не переставали направлять свою деятельность к тому, чтобы удержать народ в цепях религиозного формализма, благодаря которому возрастала власть и значение раввината. Реальные требования текущего дня, духовные потребности, вызывавшиеся новыми условиями жизни, приносились в жертву устаревшим формам народного быта, давно уже утратившим непосредственную связь с идеей о поддержании духовно-национального существования народа, идеей, одухотворявшей раннюю деятельность раввинизма. Все старое охранялось не только потому, что в нем искали якоря спасения от бушевавших волн, угрожавших уничтожением еврейства среди окружавших народов; оберегая архаические формы еврейской жизни, раввины имели в виду не одни лишь народные интересы, но и свои собственные, ибо было несомненно, что с разрушением основ устарелого уклада жизни из недр народа выступят новые общественные силы, пробудятся новые духовные потребности, зародятся новые идеалы, которые более не захотят питаться

Польско-литовское государство во второй половине 17 века.
Восточная часть, отмеченная пунктиром, отошла к Московскому государству по Андрусовскому договору 1667 года.

крохами прошлого, и тогда подорвется авторитет самих раввинов. Тягостною религиозно - обрядовою регламентацией раввинизм подавлял в народе свободное мышление и творческую деятельность, и с течением времени слепое исполнение обрядности превратилось для народа как бы в цель существования еврейства.

Жизнь, протекавшая в теснинах преследований извне и гнета извнутри, давала мало радости, и народ черпал утешение в надежде, что скоро наступят мессианские дни, и тогда все изменится к лучшему. В противовес реальному миру, приносившему одни лишь муки, народ создал себе мистический мир, полный радостных видений. Он ждал, когда же, наконец, осуществятся эти грезы.

А тем временем, раввинизм, застывший в безжизненной форме, продолжал держать скованными и мысль, и волю народа. Светские науки были запретным плодом. А изучение и толкование Закона было низведено к умственной эквилибристике. Творчество уступило место механическому умствованию. Созданный раввином Яковом Поляком (1460—1542 г.г.) метод, получивший название «пилпула», придавал значение не содержанию вероучения, а хитроумному истолкованию текста даже по внешним признакам—расположению слов и букв, входящих в текст. «Ясное логическое мышление было заменено головоломными софизмами, изумительными парадоксами; сухая бесплодная схоластика превратилась в самодовлеющий культ... даже знание родного языка и его грамматики считалось преступлением: святотатством было утверждать, будто слова видоизменяются по каким-то правилам грамматики, когда в каждой букве кроется тайна, которую только избранные могут разгадать».

Еврейская жизнь была всецело подчинена крепко организованной раввинской науке, и этим господством раввинская наука была обязана кагально-раввинскому союзу. Влиятельные члены общины и раввинат, нередко враждовавшие друг с другом, торопились вступить в тесный союз, когда вопрос шел об удержании народа в преданности вековым установлениям. Между прочим, были созданы многочисленные рассадники раввинской науки. Дети с ранних лет напрягали свои умственные силы в сторону «пилпула». Умственные способности этим путем развивались, но не для практической деятельности.

Кровавые 1648—58 годы повлекли за собою не только экономический, но и умственный застой. Многие талмудические школы закрылись из-за отсутствия средств и учеников; подрастающее поколение должно было работать для поддержания своего суще-

ствования; не было времени для умственных занятий; к тому же видные раввины, как было выше отмечено, ушли в соседние страны. Менее всего раввинизм пострадал на Литве и в коренных областях Польши, но и здесь раввинская литература выродилась. «Оригинальность отсутствовала даже в узкой области раввинского творчества. «Светила» раввинизма препирались в своей ученой переписке (шаалот у-тешувот) о запутанных и мелочных казусах религиозно-юридической практики, нередко даже о таких, которые были невозможны на практике. Другие писали подробнейшие головоломные комментарии и новеллы (хидушим) к различным отделам Талмуда, даже к тем, которые давно утратили законодательное значение... Литва особенно отличалась обилием таких героев раввинской схоластики, которые, кроме своих умствований, не признавали никаких других отраслей светского и духовного знания» [42]).

Позже, когда экономическое положение в известной мере восстановилось, талмудическая наука вновь заняла доминирующее положение, но все же она уже не была, как прежде, общим достоянием, — ею занимался лишь ограниченный круг избранников. Относясь презрительно к трудовой массе, для которой сухая раввинская наука была недоступна, эти ученые образовали как бы особую касту. Они пользовались большим общественным значением, но, не соприкасаясь с народом, не имели на него нравственного влияния. Несмотря на демократические принципы, лежавшие в основе кагала, простолюдины не имели фактически доступа в органы общественного самоуправления. Кагальные старшины и раввины, ревниво оберегая свою власть, основанную на взаимной поддержке, держали народную массу вдали от себя. Обнищавший в тяжелые годы, угнетаемый кагалом, народ влачил жалкую духовную и материальную жизнь. Нуждаясь в руководительстве, он жадно искал участливого взора, бодрящего слова, но ничего не находил.

Мистическое движение, вызванное в Турции лжемессией Саббатаем Цеви (1626—1676 г.г.), долго держало в брожении еврейскую массу в польско-литовском государстве, особливо на Украине, близкой к Салоникам, служившим главным гнездом саббатианской секты. Даже переход Саббатая Цеви в магометанство не охладил пыла его легковерных последователей. Один за другим появлялись в Польше агитаторы, возбуждавшие в народной массе болезненные мечтания. В Подолии существовали кружки

[42]) С. Дубнов, Всеобщая история евреев, книга III (Спб. 1906), стр. 309.

«тайных саббатианцев», которые назывались в народе «шабсицвинниками» или — сокращенно — «шебсами». Пренебрегая многими обрядами, одни из сектантов вели аскетический образ жизни, другие же, напротив, предавались излишествам. Несмотря на меры, принятые раввинами, секта не была уничтожена. Она продолжала свое тайное существование, пока не вылилась в открытое учение, в котором большое значение придавалось чувственности, так назыв. франкистское, по имени ее руководителя Якова Франка (1726—1791 г.г.), которого иные признавали перевоплощением Саббатая Цеви.

Развив свою деятельность в Подолии, Франк навлек на сектантов гонения со стороны раввината. Тогда вожаки обновленной секты заручились содействием католического духовенства, уверив его, что учение сектантов имеет общее с христианством, что Талмуд ими отвергнут, а признается ими один лишь Зогар, священная книга каббалы. После двукратного диспута с раввинами [43]) франкисты, боясь мести со стороны нетерпеливого католического духовенства, стали обращаться в католичество, что вызвало радость среди раввинистов, ибо благодаря крещению секта вырывалась из недр еврейского народа. Многие новообращенные приняли имена своих восприемников и вошли в ряды известных польских фамилий. Однако, акт крещения не обманул бдительности католического духовенства, подозревавшего сектантов в религиозной неискренности, и когда стало известно, что Франк продолжает разыгрывать роль мессии, его заключили в Ченстоховскую крепость (1760 г.); он был выпущен оттуда русской властью, когда в 1773 г. Ченстохов заняли русские войска [44]). Выйдя из крепости, Франк вскоре переселился в Западную Европу и там кончил свои дни. Его секта исчезла без остатка, растворившись в католическом населении.

Ни саббатианство, ни франкизм, оба изменившие еврейской вере, не могли дать исход мистическому порыву, с особенной силой волновавшему украинское еврейство. И именно на юго. в Подолии, Волыни и Малороссии, появилось новое учение—хасидизм [45]). Этому способствовал образ жизни местных евреев,

---

[43]) О диспутах—см. выше, стр. 38.

[44]) Еще находясь в крепости, Франк через посредство приверженцев стал добиваться помощи Екатерины II, обещая принять православие. Но Иаван Барух, финансист и агент польского министра гр. Брюля, упорно боровшийся с франкизмом, будучи в Петербурге, мешал домогательствам Франка вместе с могилевским купцом Бимой (Вениамин) Шпейером, знавшим русский язык и имевшим в Петербурге связи.

[45]) С. Дубнов, 1) Введение в историю хасидизма. 2) Возникновение цадикизма. 3) Возникн. хасидизма. 4) История хас. раскола. 5) Религ. борьба („Восход", 1888—93 г.г.).

столь отличный от жизни в прочих частях королевства: на юге евреи жили рассеянные по арендам и поссессиям, а потому среди них не было общинной сплоченности, сковывающей волю отдельных членов. Украинский еврей совершенно эмансипировался от раввина и кагала; невежественный, безграмотный, он не уважал ученого; ему нужен был руководитель, который говорил бы ему не об обрядности (так легко нарушаемой в уединенном имении, вдали от контроля единоверцев), но о житейских будничных делах, который обращался бы к нему со словами, идущими не из книги, а из сердца [46]). Таковыми явились хасидские законоучители-цадики.

Основатель хасидизма Израиль Бешт (1698—1760 г.г.), вышедший из народной массы, провозгласил, что человека спасает не талмудическая ученость, не обрядность, а искреннее благочестие. Его учение влекло к себе массу и потому, что оно разрешало и даже признавало необходимым умеренное пользование наслаждениями, раввинизм же придавал еврейской жизни аскетический характер. К Бешту примкнули не только простолюдины, но и многие из раввинов. Однако, если каждый мог служить богу молитвою, то все же праведник — «цадик» — более полно сливается с божеством, а потому за цадиком, как посредником между богом и обыкновенным человеком, была признана чудодейственная сила. Некоторые преемники Бешта усилили значение цадиков, признав, что одни лишь цадики могут достичь высшего экстаза, необходимого для слияния с божеством. На цадиков стали смотреть как на божьих избранников.

И хотя многие цадики утратили первоначальную простоту, стали вести широкий образ жизни, отдалились от народа, они сохранили доминирующую роль в жизни хасидской массы. С другой стороны, отрицательное отношение Бешта к схоластике выродилось у его последователей в ненависть к науке: приверженцы хасидизма стали наиболее ярыми противниками просвещения.

Лишенное гражданских и политических прав, далекое от общего образования, не усвоившее даже польского языка, окруженное враждой и презрением, отчужденное в повседневном быту от соседей благодаря специфическим особенностям своего рели-

---

[46]) И. Оршанский, Мысли о хасидизме (сборник его статей „Евреи в России").

гиозно-национального уклада, еврейское население вело обособленное существование, не находя живой связи с народом, среди которого жило.

В таком состоянии находилась и та часть польского еврейства, сидевшая на белорусских землях, которая перешла в 1772 г. под русское господство.

Глава первая.

Плакат о переходе Белоруссии к России.—Что было сказано в плакате о евреях?—Установление кагальной организации.—Включение евреев в состав торгово-промышленного класса.—Последствия этой перемены: уравнение в сословно-городских правах с прочими купцами и мещанами, запрещение жить в деревнях и заниматься винными промыслами.—К чему привели эти запреты?

Плакат о переходе Белоруссии к России оповестил жителей, что все они, «какого бы рода и звания ни были», отныне будут состоять в русском подданстве, и что государыня не только сохраняет за ними право на публичное отправление веры и на владение собственностью, «но и совершенно их под державою своею усыновляя», каждого будет награждать «всеми теми правами, вольностями и преимуществами, каковыми древние ее подданные пользуются, так что каждое состояние из жителей присоединенных земель вступает с самого сего дня во все оному свойственные выгоды, по всему пространству Империи Российской».

Плакат говорил о всех новых подданных. Однако, о евреях было особо упомянуто: «...собою разумеется, что и еврейские общества, жительствующие в присоединенных к Империи Российской городах и землях, будут оставлены и сохранены при всех тех свободах, коими они ныне в рассуждении закона и имуществ своих пользуются, ибо человеколюбие ее императорского величества не позволяет их одних исключать из общей всем милости и будущего благосостояния под благословенною ее державою, доколе они, с своей стороны, с надлежащим повиновением яко верноподданные жить и в настоящих торгах и промыслах по званиям своим обращаться будут» [1]).

Немногое, как видим, было дано белорусским евреям, — то, чем они пользовались в Польше, — свобода вероисповедания и

---

[1]) Полицын (Ист. русск. законод. о евреях, стр. 107) заявляет, что слова „по званиям своим" означали „в качестве неполноправных граждан". Но Белорусские власти правильно поняли их в том смысле, что евреи будут пользоваться милостями, пока будут обращаться „в торгах и промыслах своих по принадлежащему обыкновению".

право владеть собственностью. И тем не менее, даже при предоставлении одних столь элементарных прав, была сделана ссылка на человеколюбие государыни, не позволяющее исключить евреев «из общей всем милости и будущего благосостояния». Очевидно, было опасение, что одно упоминание в манифесте о евреях, одно признание их русскими подданными произведет тяжелое впечатление на какие-то общественные круги. Куда же был обращен тревожный взор Екатерины? В сторону польского и русского обществ.

В польских кругах, озабоченных сохранением своего экономического и общественного господства в крае, могло возникнуть беспокойство, что в условиях русской государственности, столь несоответствовавшей польскому строю, положение еврейского народа изменится в ущерб польскому властвованию. Будущее показало, что для такого беспокойства были достаточные основания. Но вряд ли русское правительство предвидело эту перемену, когда принимало Белоруссию, вряд ли оно уже тогда замышляло стать на сторону бесправного еврейского населения. Напротив, в силу соображений политического характера оно должно было всячески предотвращать недовольство среди господствующего класса. И вот почему, если ценя еврейское население как торгово-промышленную силу, русская власть сочла нужным, подчеркнув предстоявшую ему экономическую роль («в настоящих торгах и промыслах по званиям своим обращаться будут»), успокоить эту бесправную и беззащитную часть населения заверением, что основные начала ее жизни—свобода вероисповедания и право собственности — будут нерушимы, если русская власть этим как бы наметила известный предел давней действенной вражде христианского общества к еврейскому, то вместе с тем политические обстоятельства побуждали русское правительство смягчать в глазах польского общества значение этого факта, и потому была сделана ссылка на «человеколюбие», которое одно только и служит, мол, оправданием того, что правительство простерло защиту над ненавистным племенем.

А русское общество? Мы знаем, что когда на пятый день по воцарении Екатерины сенат высказался за допущение евреев в страну, она сняла вопрос с очереди по политическим условиям того момента. Однако вслед затем она стала привлекать их по возможности негласным образом. И из ее осторожного и даже конспиративного образа действий в этом направлении можно заключить, что она считалась тогда уже не с обстоятельствами, сопровождавшими захват ею престола, а с тем отрицательным отношением

общества к неведомому еврейскому народу, которое сложилось под влиянием превратного представления о прошлом евреев в России и в силу тупого религиозного фанатизма. Лозунг Елизаветы—«от врагом Христовых не желаю интересной прибыли»—мог тем успешнее укорениться во влиятельных кругах, что, с одной стороны, там вообще мало думали о необходимости оживить экономическую деятельность страны и, следовательно, самый вопрос о водворении евреев не мог быть серьезно рассматриваем с экономической точки зрения, а с другой стороны — в обществе укоренилось убеждение, что Русь никогда не терпела присутствия евреев [2]).

Таким образом, политическая осторожность побудила Екатерину, в угоду общественному предубеждению, выразить в плакате свое — по существу положительное — отношение к еврейскому населению в форме, для него оскорбительной.

Однако, Екатерина II понимала, что экономические интересы страны, а может быть и польско-русские конфликты, требовали иного отношения к еврейскому населению, как к определенной общественно-экономической силе. Но тогда она не решалась громко выразить это. Впоследствие же, то, что не было возвещено плакатом, прочитанным по церквам и занесенным в городские книги, было сделано менее шумливыми актами, чуждыми всякой внешней торжественности.

Новый край был разделен на две губернии — Могилевскую и Полоцкую [3]).

Первой заботой правительства было установить порядок административного управления и начать взимание податей. В отношении евреев эти вопросы были разрешены следующим распоряжением: «с жидов сбор положить поголовный по одному рублю

---

[2]) Старейший русский историк Татищев в своей „Истории Российской", первые две книги которой вышли в свет около того времени, сообщает будто Владимир Мономах изгнал (1113 г.) евреев из Киева за то, что они склонили многих христиан в иудейство, причем всякому было разрешено убивать еврея, дерзнувшего вернуться, и это постановление—прибавляет Татищев—действует по сию пору! Татищев умер в 1750 г. Его труд был впоследствие напечатан по черновым бумагам. Первые два тома появились в 1768—73 г.г.

[3]) Первое полное собрание законов, № 13888. Полоцкая губерния, к которой были присоединены две великорусские провинции (т. е. уезды) — Псковская и Великолуцкая, была названа Псковской, но в актах того времени встречается также наименование Полоцкой. Россия забрала воеводства: Инфлянтское (Ливонское), Полоцкое за исключением небольшой части по левой стороне Двины, Витебское без Оршанского повета, Мстиславское и часть Минского—всего 1.692 кв. мили.

с каждой (головы) и приписать их к кагалам, которые и учредить по рассмотрению губернаторов и по надобности» [4]).

Таким образом, евреи были обложены поголовным сбором подобно крестьянам (платившим по семь гривен) и купцам (по рублю двадцать копеек). Взыскание сборов было возложено на то учреждение, которое издавна ведало этим в польско-литовском государстве, неся ответственность за правильное поступление подати — на кагал [5]). Вместе с тем кагалу были предоставлены и административные функции, которые он также выполнял при польском господстве: кагалы должны были содействовать не только тому, чтобы сбор с евреев «в казну вступать мог», но и чтобы «в прочем во всем сделать с ними надлежащий порядок [6]).

В условиях тогдашней государственно-общественной жизни в России кагал не представлял собою ничего исключительного. Кагал, в рамках тех функций, которые были возложены на него правительством в казенных интересах, соответствовал, в основе, тем учреждениям, которые ведали русское торгово-промышленное сословие.

Управление и суд среди русского торгового и ремесленного населения, жившего в городах, принадлежали ратушам и магистратам. Члены этих присутствий, бургомистры и ратманы, выбирались на посадских сходах. Такое управление было учреждено в интересах не обывателей, а правительства — бургомистры и ратманы поступали в полное распоряжение центральной правительственной власти, население должно было ставить для правительства из среды своей исполнительных агентов с ручательством за их исполнительность [7]). В частности, будучи вынуждены собирать подати по раскладке, магистраты по необходимости заботились о «полноте» посада, т. е., чтобы налицо были все плательщики подати. В ведении магистрата находилось обыкновенно несколько городов, именуемых «приписными». Однажды Екатерина II велела пересмотреть установившееся соотношение между городами: те из «приписных» городов, которые окажутся значительными пунктами, обратить в штатные и, наоборот, города с малочисленным населением приписать к какому-либо соседнему городу [8]).

---

[4]) Высоч. утвержденные 13 сент. 1772 г. доклад и „пункты" белорусского генерал-губернатора. Екатерина положила резолюцию: „Впредь до указа" (Полное собрание законов, № 13865, п. I). Акты, исходившие от центральной власти, не пользовались словом „жид", да и местная власть отказалась в дальнейшем от этого выражения.

[5]) См. выше, стр. 30 и след. [6]) Первое полное собрание законов, № 14522.

[7]) А. Кизеветтер, Местное самоуправление в России (М. 1910 г.), стр. 111.

[8]) Дитятин, Устройство и управл. городов в России (1875 г.), стр. 172, 216, 241, 351, 383.

Но если кагал, в своих главных чертах походивший на органы русского сословно-городского самоуправления, и отвечал желанию правительства снять с себя заботы по управлению еврейским населением, то все же вряд ли принятие русской властью кагала состоялось помимо самих кагалов. Думается, что представители господствовавшего в еврействе класса приложили все старания, чтобы убедить правительство в необходимости сохранить вековой институт, соответствовавший интересам и русской власти, и еврейского господствовавшего класса. Во всяком случае, они приняли участие в разрешении правительством вопроса о кагале. Это видно из того, что правительство предоставило кагалу право требовать, чтобы каждый еврей брал паспорт не только тогда, когда покидал пределы общины (иначе кагал не мог бы предотвратить уклонение от уплаты подати, что косвенно нарушало бы интересы казны), но и тогда, когда намеревался взять аренду, чем удовлетворялись интересы одного лишь кагала, очень дорожившего своим давним правом — дозволять или запрещать брать данную аренду, так назыв. х а з а к о й [9]), служившей в руках кагала, наряду с раскладкой податей и контролем за передвижением, орудием воздействия на обывателей [10]). Так как Могилевская и Полоцкая губернии были разделены на провинции, не соответствовавшие прежнему делению края, то старое взаимоотношение между кагалами могло нарушиться,—кагалы были поставлены в связь с главным провинциальным учреждением, а несколько позже—когда вместо провинций были учреждены уезды — с уездным управлением [11]). К тому же губернаторам было предоставлено «учреждать» кагалы по своему усмотрению.

Характер кагальной организации в первые годы по переходе Белорусского края к России достаточно выясняется из двух документов: записки могилевского губернатора Каховского, рисующей положение евреев в губернии в 1773 г. [12]), и кагального устава местечка Петровичи, составленного в Могилеве с'ездом представителей общин в 1777 г., т. е. тогда, когда край уже принадлежал России и авторы устава считались с новыми административными условиями [13]).

---

9) Для пресечения чрезмерной конкуренции между евреями издавна было установлено, что брать аренду, и даже избирать некоторые занятия, нельзя было без дозволения кагала. За выдачу такого разрешения кагал взимал известные суммы денег.

10) Позже в одной губернии, где кагалы первоначально не существовали, они были введены по домогательству имущих евреев. См. ниже, главу вторую.

11) В 1777 г. были разделены: Могил. губ. на 12, а Полоцкая г. на 11 уездов.

12) Академическое издание сочинений Державина, т. VII (Спб., 1878 г.).

13) Журнал „Восход", 1894 г., кн. 2, стр. 99—104.

«Во всех местечках, — сообщает Каховский, — как во владельческих, так и коронных, имеют евреи своих собственных старшин, ими самими между собою избранных; выбирают к тому достаточных (состоятельных), а не меньше того в талмуде искусных и во всем проворных. Кагал составляют шесть жидов; они же имеют своих наместников (кандидатов)... И те шесть жидов называются кагальными; в малых же местечках кагал составляется из пяти, а менее четырех нигде не бывает». Для исполнения текущих дел старшины чередовались каждые две недели. Очередной старшина назывался «парнесом». Кроме старшин, имелись еще должности: контролера (каковым являлся кандидат, избиравшийся на случай отсутствия одного из старшин), попечителей благотворительных учреждений и кандидатов к ним. Право баллотироваться на должности старшин и контролера имели те, кто уже ранее занимал их, а также плательщики, удовлетворявшие высокому денежному цензу, и домовладельцы. Назначение этих должностных лиц (не связанных родством) предоставлено избирателям (также не связанным родством), намечавшимся путем жребия. Те же избиратели назначали нескольких «главарей». Для попечителей и главарей устанавливался меньший денежный ценз, чем для старшин. На должности попечителей и главарей не избирались лица, хотя и отвечавшие условиям ценза, но занимавшиеся «низким ремеслом»; с другой стороны, делалось исключение для лиц бедных, отличавшихся личными достоинствами — инициатива в данном случае принадлежала старшинам, а решение вопроса — избирателям.

Переходя к функциям кагала, остановимся прежде всего на тех, которые вытекали из обязанностей, возложенных на него правительством. Кагал, являясь ответственным за поступление в казну сборов, должен был «платить» их, вносить в провинциальную канцелярию [14]). В связи с этим кагал пользовался правом раскладки податей и, подобно магистрату, правом административного надзора за членами общины: никто не мог поселиться в каком-либо пункте или переменить местожительство и даже отлучиться по делам, не получив от кагала надлежащего паспорта; евреи, в значительном числе проживавшие в деревнях, в поместьях, на дорогах

14) Перв. полное собрание законов, № 14522.—В 1781 г. новое казенное управление (высоч. утвержд. 24 марта) издало правила о приходо-расходных книгах, причем постановило (§ 7) „всех евреев расписать по кагалам, и кагалам собирать с них поголовные и накладные деньги и вносить в казначейство"; казна „не должна мешаться в раскладку на каждого еврея, при кагале записанного, сколько кто заплатить в состоянии, а должны кагалы ответствовать, чтобы все число денег с жидов, сколько кагалу приписано, в казну сполна внесено было" (Архив сената, дело I-го департ. 1804 г. № 423).

(шинках), также должны были получать паспорт от соответствующего кагала. С своей стороны, кагалы подлежали правительственному контролю — паспорты должны были быть явлены в провинциальных канцеляриях и здесь записаны [15]).

Что касается функций кагала, не интересовавших непосредственно правительство, относившихся к внутренней, общинной жизни, то они были крайне разнообразны [16]). Кагал являлся судебным, финансовым и административным учреждением.

«Где шесть кагальных, там через два, а где четыре, там через три месяца, суды продолжают; не только в духовных внутренних их делах и обрядов веры касающихся, но и гражданские между ними подчинены кагалу; и все евреи, как живущие в городе, так и в уезде по корчмам, подлежат суду кагальному». Так как население жило рассеянно по уездам, то раввины, раз'езжая, судили на местах; кагал же в данном случае служил апелляционной инстанцией [17]). Если ответчик отказывался явиться в суд, парнес обязан был принудить его явиться. Когда же ответчик не соглашался подчиниться судебному решению, то по прошествии трех дней, если он не помирится с противной стороной, кагальный служитель «обязан, под страхом херема, учинить ему принуждение, заранее предваряя его об этом в течение означенных трех суток» [18]). Недовольный решением кагала не мог, под страхом херема, обращаться в общий суд, если противная сторона не соглашалась. Лицам, обиженным решением местного кагала, предоставлялось апеллировать в соответствующие еврейские учреждения. Согласно плакату о присоединении Белоруссии («суд и расправа будут продолжаемы в настоящих их местах») были учреждены уездные кагалы, а в качестве апелляционной высшей инстанции — по губернскому кагалу «с положенным числом по собственному их выбору судей» [19]). В этих судах разбирались дела, связанные с еврейским законом, а также гражданские между евреями, за исключением вексельных. Губернский кагал являлся высшей судебной инстанцией. Раздавались жалобы (около 1782 г.), что так как некуда апеллировать на решения губернского кагала, то «принуждены обвиненные иногда невинно страдать» [20]). Дела религиозного характера рассматривались раввином, совместно с даяном, назначавшимся кагалом. Кажется, участвовали и некоторые из старшин [21]). Кагал мог «судить в случающихся делах и

15) Перв. полное собрание законов, № 14522. 16) Ср. выше, стр. 31.
17) Записка Каховского. 18) Устав петрович. кагала.
19) Перв. полн. собрание законов, № 15436. 20) Там же.
21) По § 30 петров. устава назначается судьею один даян, но в § 17 говорится о судьях,

самого раввина». Однако, решения раввина касательно «талмуда и духовенства» не подлежали компетенции кагалов; спорные вопросы, разрешавшиеся на основании религиозных постановлений, представлялись «раббину старшему в Брест или в Вильну», решения которого кагал приводил в исполнение [22]).

Обладая принудительной властью, кагал мог ослушников «сажать в железы и телесно наказывать», предавать херему, налагать на них штраф,—но все это с ведома раввина. На частных землях кагалы прибегали порою к помощи помещичьей руки [23]).

Кагал мог налагать подати для удовлетворения общественных нужд и, в частности, для содержания нищих [24]), что являлось привилегией кагала в сопоставлении с магистратами, которым не дозволялось устанавливать какие-либо сборы. Кагалы производили сборы и для нужд всего края.

Так как население жило разбросанно, то в малонаселенных местах существовали «прикагалки», подчиненные известным кагалам. С другой стороны, кагалы провинциальных — позже уездных—городов, как ближе стоящие к администрации, стали играть роль местных центральных органов. Этому должно было способствовать и то, что уездные кагалы служили судебной апелляционной инстанцией для кагалов данного уезда, и что в провинциальных кагалах, как видно из петровичского устава, шла разверстка по отдельным кагалам тех сумм, которые предназначались для нужд края.

Затруднительно решить, об'единялись ли евреи всей Белоруссии каким-либо единым учреждением или каждая губерния в отдельности являлась самостоятельной в своей организации? Такой же вопрос остается открытым и по отношению к упомянутому выше с'езду представителей общин в Могилеве в 1777 г., выработавшему петровичский устав по просьбе петровичских евреев, жаловавшихся на непорядок в общине. Это были «назначенные из среды именитых людей и славных предводителей всего края, выборных от пяти общин». Повидимому, Могилевский с'езд представлялся более авторитетной инстанцией, чем губернский кагал, иначе евреи м. Петровичи, не дожидаясь с'езда, редко созывавшегося, обратились бы к постоянному учреждению. Однако, неизвестно, были ли на с'езде представлены важнейшие общины одной лишь Могилевской губернии или всего края [25]).

---

[22]) Записка Каховского.
[23]) Записка Каховского и петров. устав (§§ 20—24). [24]) Там же.
[25]) Можно было бы думать, что именно такие с'езды имел в виду губернатор Каховский, говоря: „из кагала апелляция бывает до синагоги. Синагогу избирают они сами

По существу, кагал являлся демократическим учреждением, но он рано оказался в руках людей, золотом и происками добивавшихся общественного влияния. Кагал не был бы силен, если бы не находил опору в раввинах, от которых зависело утверждение его постановлений; в свою очередь, раввины нуждались в поддержке кагала, обладавшего исполнительною властью и распоряжавшегося денежными средствами общины, и отсюда проистекла та взаимная связь между кагалом и раввинатом, которая дала им возможность всецело господствовать над народом. Раскладывая казенные подати, взимая сборы на общественные нужды, производя суд и расправу, регулируя торгово-промышленные и ремесленные занятия, заведуя общинными учреждениями, кагал в союзе с раввинатом обладал полнотою власти, и этой властью он нередко злоупотреблял: расхищал общественные средства, попирал права бедных людей, неправильно налагал подати, мстил личным недругам, преследовал хасидов [26]), обрушивался на тех, кто стремился к светскому образованию. При таких условиях стремление выйти из под власти кагала должно было принять реальные формы при первом удобном случае.

Кагальная автономия, конечно, не освобождала евреев от подчинения общим судебным учреждениям. Вначале в Белоруссии действовали прежние польские постановления, согласно которым судебная власть принадлежала, между прочим, и владельцам имений, в которых жили евреи. Но в 1778 г. были введены новые правила: городские евреи стали подсудны магистратам, а проживавшие в селениях — нижней расправе уезда, причем евреи пользовались правом «иметь при себе для помощи и наставления одного из членов уездного кагала» [27]). В этих учреждениях разбирались уголовные преступления евреев, их гражданские дела с христианами и, наконец, дела по векселям и «облигам» между евреями [28]).

Зависимость евреев от магистрата сказывалась не только в судебном отношении. Она заключалась и в том, что магистрат, бравший от казны на откуп изготовление и продажу водки, вина

с ведома правления",—но ведь евреи жаловались как раз на то, что им некуда переносить дела из губернского кагала, что нет высшей инстанции; следовательно, под „синагогой" надо подразумевать духовный суд, разрешавший гражданские дела на основании талмудического права.

[26]) См. об этом ниже.

[27]) Распоряжение генер.-губернатора Чернышева 4 июня 1778 г. Мемория Еврейского комитета за октябрь 1825 г.

[28]) Архив сената, 1 отделение 3 департамента, 1797 г., дело № 49: „О выборах в Новгород-Северский кагал". Этот материал мной использован в книге „Евреи в России".

и др. напитков, по своему усмотрению предоставлял тем или другим обывателям за ту или иную сумму денег производить и продавать пития, — винные же промыслы составляли одно из распространенных занятий среди евреев.

В 1778 г. в Белорусском крае было введено «учреждение о губерниях» (незадолго до того установленное для империи), долженствовавшее, между прочим, придать организованность торгово-промышленному классу, поднять его общественное значение. Лица, владевшие капиталом до 500 р., стали именоваться мещанами, а обладавшие большей суммой — купцами трех гильдий, в зависимости от размера капитала.

Купцов освободили от подушного налога; они платили определенный процент с об'явленного ими «по совести» капитала. Органами самоуправления торгово-промышленного класса служили в посадах — р а т у ш и, состоявшие из бургомистра и двух ратманов, а в городах — м а г и с т р а т ы в составе двух бургомистров и четырех ратманов; кроме того, существовали с л о в е с н ы е с у д ы и должность г о р о д с к и х с т а р о с т. Все эти лица избирались из среды купечества и мещанства.

Оторванные кагальной организацией от прочего населения в податном и административном отношении, евреи не могли войти в общую массу торгово-промышленного класса. А между тем его сплоченность должна была угрожать евреям, близко соприкасавшимся с ним в своей торгово-промышленной деятельности. Чтобы войти в органы общественного самоуправления, надо было прежде всего превратиться из «евреев» в купцов и мещан, сделаться составною частью городского торгово-промышленного сословия. Для этого все данные были на лицо.

Как встарь, евреи в Белоруссии занимались торговлей и промыслами — в городах и панских имениях. И так как все они, независимо от того, жили ли в городах или в селениях, были подчинены кагалам, учрежденным в городах, то в сущности все еврейское население носило характер городского торгово-промышленного класса. Следовательно, зажиточные евреи имели основание хлопотать о том, чтобы им было разрешено приписаться к купечеству, и они выступили в 1779 г. с соответствующей просьбой.

Стремясь развить экономическую роль городов, Екатерина возлагала свои надежды на торгово-промышленный класс, на «среднего рода людей». Евреи представляли собою именно этот элемент. Вот почему Екатерина удовлетворила ходатайство группы евреев о приписке их к купечеству, причем предуказала взимать

с евреев сбор с капиталов в том же размере (один процент), какой установлен для прочего купечества [29]).

При тех социальных условиях, которые, веками утвердившись в Польше, продолжали действовать и по переходе Белоруссии к России, условиях, устранявших возможность гражданского общения евреев с окружающим населением и укреплявших их религиозно - национальную изолированность, дозволение записываться в купечество явилось актом, весьма важным в двояком отношении. Этим актом было подорвано господство польской точки зрения на евреев, как на элемент, так сказать, внегосударственный, и с указанного момента начинается процесс внедрения евреев в русский государственный организм. С другой стороны— вступление евреев в купечество должно было поколебать ту внутреннюю силу, представленную кагалом, которою принудительно держался еврейский общественный строй.

Евреи широко воспользовались правом записываться в купечество. В 1784 г. в Могилевской губернии из 15.593 евреев, обложенных государственным сбором, числилось в купечестве 10%, в то время, как среди христианского торгово-промышленного класса из 7.522 душ было купцов около 5½%; в Полоцкой губернии евреи уступали в процентном отношении христианам, среди которых купцы составляли около 7½%, но все же и здесь из среды еврейского населения около 6½% записалось в купечество [30]).

Евреи-купцы, в силу своего нового положения, оторвались от той административной единицы, которая до тех пор именовалась «евреи», которая была обложена особой податью, а раз рубрика «евреи» перестала представлять в с е еврейское население, ее существование являлось ненужным, невозможным. И потому должен был возникнуть вопрос, в какую сословную группу включить тех евреев, которые не вошли в состав купечества? Для них был один путь—не имея возможности приобщиться ни к крестьянству, ни к дворянству, они должны были спаяться с той группой, для которой, в виду недостаточности торгового капитала,

---

[29]) Указ 7 янв. 1780 г. на имя белор. генер.-губернатора гласил: „На представление ваше относительно просьбы евреев, обитающих в Могилевской и Полоцкой губерниях, о дозволении им записываться в купечество, мы чрез сие вам волю нашу об'являем, что в том им препятствовать не должно" (в отношении уплаты процентного сбора была сделана ссылка на ст. 47 прилож. к манифесту 17 марта 1775 г.). В 1781 г. было подтверждено, что процентный сбор со всех взимается в одинаковом размере, независимо от вероисповедания купца (Полное собрание законов, №№ 14962, 15130).

[30]) Извлечено мною из подлинных окладных книг. Данные о Полоцкой губернии относятся к 1787 г.,—в 1784 г. в окладных книгах евреи не были выделены из общего состава купечества и мещанства.

доступ в купечество был закрыт,—т. е. с сословием м е щ а н. Вряд ли, однако, евреи желали перехода в мещанство, так как для мещан поголовный сбор был установлен в размере шестидесяти коп., а для евреев — всего пятидесяти копеек. [31]). По этому вопросу возникла, повидимому, переписка между белорусской администрацией и Петербургом, и лишь в 1783 г. евреи, не записавшиеся в купечество, были включены в мещанство. Тогда же последовало распоряжение обложить евреев податями «по состояниям, в какое они запишутся, без р а з л и ч и я з а к о н а и народа» [32]).

Теперь, когда евреи оказались распределенными между двумя сословиями — купеческим и мещанским, наступил решительный момент. Что ждет их впереди? Будут ли они признаны равноправными членами торгово-промышленного сословия, или же они останутся, попрежнему, обособленной группой, как в Польше? Будет ли им предоставлено право участвовать в избрании должностных лиц купеческо-мещанского самоуправления и самим занимать соответствующие должности?

В 1783 г. в Белоруссии происходили выборы на должности членов судов и старост. Евреи, как видно, приняли в них участие, но когда некоторые из них были избраны на должности, раздались протесты со стороны обывателей (а может быть и со стороны некоторых администраторов) против допущения евреев к занятию должностей. И вот, для Екатерины пришло время громогласно заявить то, что не было сказано десять лет назад в торжественном плакате о присоединении края. Когда до нее дошло известие о возникших сомнениях относительно права евреев занимать общественные должности, она велела об'явить белорусскому генерал-губернатору Пассеку, что «если евреи, в купечество записавшиеся» выбраны будут на какие-либо должности, то «не могут они удержаны быть от вступления в действительное возложенных на них должностей отправление» [33]).

Говоря о евреях, записавшихся «в купечество», Екатерина имела в виду не одних лишь купцов, но и всех евреев. И действи-

---

31) В 1779 г. (Полное собрание законов, № 14892).

32) Полн. собр. законов, № 15724, ч. III § 6. Для мещан подать была установлена размере 1 р. 20 к., но было прекращено взимание сбора за винную продажу.

33) Это повеление, посланное в Белоруссию 13 мая 1785 г., и сообщенное генерал-губернатором местным властям 23-го июня, извлечено мною из определения сената 5 ноября 1785 г./21 января 1786 г., каковое полностью имеется в архиве сената: 1-ое отд. 3-го департамента, 1797 г., дело № 49; дело министерства юстиции 1801 г., № 362 (в копиях). В архиве государств. совета (департамент законов, 1835 г., № 11), судя по описи, имелась копия сообщения белор. генерал-губернатора от 23 июня „о допущении евреев к выборам в гражданские должности", но самый документ не сохранился.

тельно, не только евреи-купцы, но и евреи-мещане приняли в дальнейшем участие в сословном самоуправлении.

По условиям того времени, это означало, что евреи стали равноправными гражданами, поскольку их положение в государстве определялось принадлежностью к купечеству и мещанству. А при тех обстоятельствах, в которых протекла их жизнь в Польше, вступление в купечество и мещанство в качестве равноправных членов явилось событием крупного социального значения, так как, нарушив былую обособленность евреев среди окружающего общества, способствовавшую их приниженному состоянию, участие в сословно-городском самоуправлении должно было превратить их в известную общественную силу, с которой нельзя было не считаться, а тем самым поднять их нравственное самочувствие. Участие в сословно-городском самоуправлении представлялось важным и в практическом отношении, в деле защиты житейских интересов еврейского населения.

Перемена в положении евреев взволновала заинтересованные круги христианского общества.

В 1784 г. происходили выборы бургомистров и ратманов на трехлетие, а членов словесных судов и старост—на срок одного года. Высшая белорусская администрация предписала могилевскому и полоцкому наместническим правлениям держаться следующей системы: в городах, где численно преобладают евреи, привлекать к выборам по 50 «выборщиков» от христиан и от евреев (всего 100), а где евреев меньше, чем христиан, — там допускать к выборам в с е купеческое и мещанское население по обычному порядку. Вследствие этого в Могилеве, Орше и Мстиславе были привлечены по сто «выборщиков», в остальных же городах участвовало все общество—купцы и мещане—христиане и евреи [84]).

В результате из евреев оказались избранными:

Общественные должности.	Могилев	Орша	Мстисл.	Копысь	Чериков	Климов.	Рогачев	Велица	Чаусы	Бабинов.	ВСЕГО.
Бургомистр	—	—	1	1	1	1	1	1	1	—	7
Ратман	—	—	1	1	2	2	1	2	—	—	9
Судья словесного суда	1	1	1	1	1	1	1	—	—	1	8
Староста	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
Итого	1	1	3	3	4	5	3	3	1	1	25

[84]) Могилевский магистрат писал в 1786 г.: „Да и к выборам на дожности допустить их (т.-е. евреев) в тех городах, где из них евреев находится числом больше—там

Таблица эта дает представление о том, как неблагоприятна была для евреев система выборов, примененная там, где они численно преобладали: в Могилеве и Орше ни один еврей не был избран в магистрат; в Климовичах и Чернигове, где выборы оказались особенно благоприятны, преобладание евреев было менее значительно, чем в Орше. Да и в Мстиславе евреи могли рассчитывать на большее число мест [35]). Худшая картина представляется в Полоцкой губернии: оказались избранными из среды евреев в одном городе — бургомистр [36]) и ратман, в другом—два ратмана. Это об'ясняется, в известной мере, численным преобладанием христиан, но, вместе с тем, в некоторых местностях евреям не была дана свобода выборов.

Кагалы решили протестовать против правонарушений, допущенных при выборах. Эта миссия была возложена на особую депутацию, отправленную в Петербург.

А между тем к этому времени еврейское население подверглось стеснениям, которые могли в корне подорвать его экономическое существование.

«Между польским дворянством и шляхетством — сообщает писатель Соломон Беннет, живший в ту пору в Белоруссии,—и русским генерал-губернатором, губернаторами и обер-интендантами составились заговоры с целью лишить евреев их прав, под предлогом значительных выгод, которые от этого проистекут для дворянства, шляхетства и даже для казны. При первом нападении у евреев отняли пивоваренные и винокуренные заводы, таможни, постоялые дворы и т. д., что составляло большую часть их промыслов. Тысячи семейств повергнуты были в нищету, потому что у них отняли средства к пропитанию. Сверх того, сделаны были еще нововведения относительно торговли, ремесл и т. д. Также решено было с этих пор не допускать евреев быть свидетелями и не допускать их к присяге ни в каком судебном месте» [40]).

противу христиан в равной пропорции, а в которых городах меньше, в тех столько, сколько из евреев имеется в жительстве своими домами, как оное и до сего происходило". См. упомянутое выше дело из архива сената 1797 г. № 49.

[35]) В 1784 г. в уездах (по данным окладных книг) числилось лиц, обложенных податью:

	Могил.	Оршанск.	Мстисл.	Черик.	Климов.
Хр.-купцы	220	20	18	37	41
Хр.-мещ.	2692	491	893	742	369
Евр.-купцы	450	167	97	65	107
Евр.-мещ.	2616	1202	1192	847	1093

[36]) Автор книжки: „Beantwortung der Bemerkungen über die Duldung der Juden" (Митава, 1787) сообщает, что в Велиже на должность бургомистра был избран еврей, однако в Велиже было очень мало евреев.

[40]) „К истории западно-русских евреев" („Еврейская Библиотека", т. IV).

Соотношение между христианами и евреями в торгово-промышленном классе Белоруссии.

Наименование губерний.	1772 г. [37]). Мужч. и женщ.			1783 г. [38]). Мужчин, обложенных податью:						1784 г. [39]). Евреи в уездных поселениях.
	В городах и местечках.		В уездн. посел.	В городах и уездных поселениях.						
				Христиане.			Евреи.			
	Христ.	Евреи.	Евреи.	Купц.	Мещ.	Итого.	Купц.	Мещ.	Итого.	
Могилевская										
Могилев	—	—	—	196	2703	2890	375	2709	3084	1985
Чаусы	—	—	—	8	724	732	110	1337	1447	410
Быхов	—	—	—	—	—	—	—	1132	1132	?
Орша	—	—	—	16	494	510	83	1248	1331	990
Копысь	—	—	—	11	589	600	85	1413	1498	483
Бабиновичи	—	—	—	1	69	70	193	969	1162	1007
Сенно	—	—	—	—	—	—	—	439	439	?
Мстислав	—	—	—	5	906	911	76	1221	1297	782
Климовичи	—	—	—	38	366	404	58	1049	1107	1111
Чериков	—	—	—	34	744	778	63	802	865	795
Рогачев	—	—	—	11	255	266	88	1101	1189	1202
Белицы	—	—	—	1	276	277	30	838	868	869
Всего	—	32624	—	321	7126	7447	1161	14258	15419	9634
Полоцкая (Витебская).										
Витебск	4155	1227	797	252	2997	3249	175	857	1032	296
Себеж	722	113	449	42	440	482	—	328	328	272
Динабург	299	136	1597	5	121	126	—	783	783	680
Люцин	373	66	1241	23	235	258	8	525	533	466
Режица	93	—	1158	16	28	44	1	546	547	503
Дрисса	107	21	1296	7	93	100	2	728	730	706
Городок	255	391	763	48	199	247	46	441	487	288
Полоцк	912	1013	710	126	518	644	159	996	1155	718
Велиж	2269	22	629	74	1953	2027	27	533	560	399
Сураж	627	8	640	—	402	402	36	766	802	789
Невель	1670	250	650	53	838	891	13	452	465	332
в местечках.	5128	1878	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	16610	5125	9930	646	7824	8470	467	6955	7422	5449
		15055								

[37]) Цифры 1772 г. взяты: по Могил. губ. из записки Каховского, по Пол. губ. из статьи Х. Коробкова – см. „Еврейская Старина", 1912 г., стр. 164—177, табл. №№ 3 и 4; в этих таблицах отсутствует Невельский уезд; чтобы восполнить пробел, я извлек данные из таблицы № 1, в которой указаны лишь мужчины, и помножил цифру вдвое, так как число женщин в то время равнялось числу мужчин.

[38]) Данные 1783 г. по Могил. и Пол. губерниям взяты мной из подлинных окладных книг. Цифры Полоцкой губ. относятся к 1787 г., но они подходят и к 1783 г. — разница в численности евр. населения небольшая: в 1784 г.—7426 душ, а в 1787 г.—7422 д.

[39]) Цифры 1784 г. извлечены мной из архива сената: дело I отд., 3 деп. 1797 г., № 49.

Беннет сгустил краски. Евреев действительно в то время лишили права заниматься винными промыслами и жить в селах и деревнях, но это явилось результатом не столько злого умысла, сколько несоответствия между теми формами, которые еврейская жизнь приняла в Польше, и условиями русского общественно-государственного строя: русское купечество и мещанство обязано было жить в городах и не должно было заниматься винными промыслами, и этим правилам обязаны были подчиниться евреи, как принадлежащие к торгово-промышленному классу.

Посадское общество не пользовалось свободой передвижения; посадские тяглецы были прикованы к своему обществу, так как уход состоятельных обывателей понижал платежную способность покинутого посада. Правда, фактически самовольные переходы совершались довольно часто и оставались безнаказанными, но это было нарушением закона. С другой стороны, правительство нередко насильственно переселяло посадских тяглецов в дальний край для «заведения купечества»; еще в конце 18-го века при заселении новых крепостей высылали принудительно потребное число купеческих и цеховых семейств [41]). Стремясь развить торговлю, Екатерина II сняла путы с купечества, дала ему вообще свободу передвижения. Но тем не менее, усмотрев причину «непорядков» в Олонецкой губернии в том, что мещане и купцы, оставаясь в селениях крестьянских, пользуются «прибытками сих последних с крайним их утеснением», она предписала (1782 г.), чтобы по всей России купцы и мещане, проживающие в селениях, немедленно перешли в города [42]).

Эта мера должна была, конечно, распространиться — среди прочего купечества и мещанства — и на евреев.

Требование о проживании купцов и мещан в городах было, вообще, трудно провести на практике, и правительство не раз безуспешно повторяло упомянутое распоряжение. Но в полном несоответствии с экономическими условиями местной жизни оказалось это требование в применении к евреям Белоруссии. Оно угрожало им, как сейчас увидим, неисчислимыми материальными потерями. Но помимо того, оно должно было повлечь за собою и такие последствия, которые никто не мог предвидеть.

---

[41]) Кизеветтер, Посадская община в России XVIII ст. (М., 1903 г.), стр. 51, 54.

[42]) Арх. сената, I отд. 3-го деп. 1797 г., дело № 49. Повеление сенату последовало 7 февр. 1782 г. Соответствующий указ был разослан сенатом по губернским правлениям 31 января 1783 г. См. Бершадский, Положение о евреях 1804 г. („Восход", 1895 г., кн. VI, стр. 37). (Ср. полное собрание законов, № 15459).

Переселяя русских купцов и мещан в города, администрация видела перед собою группу лиц, составлявших часть русского населения. Когда же стали выселять евреев, то оказалось, что репрессивной мере подвергается поголовно все еврейское население, жившее в уездах, ибо кроме купцов и мещан среди евреев не было членов других сословий. Таким образом, мера, в одинаковой степени распространявшаяся на русские и на еврейские торгово-промышленные группы, приобретала в отношении евреев исключительное значение: создавалось представление, что когда речь шла о выселении евреев из деревень, то имелась в виду не часть торгово-промышленного класса, а отдельная вероисповедная или национальная группа. И действительно, позже стали выдворять евреев из деревень в качестве евреев, а не купцов и мещан.

Большая часть евреев проживала не в городах, в ту пору крайне малочисленных и бедных, а в уездах по селениям. Это положение создалось в века польского господства, когда христианский городской торговый класс стремился освободиться от конкурентов-евреев, помещики же охотно пользовались услугами их в качестве арендаторов, шинкарей, приказчиков и проч. и поэтому звали их на свои земли, и об этих давних обстоятельствах, заставивших евреев скопиться в уездных селениях, русской администрации было известно [43]).

Чтобы составить себе представление о том значении, какое должна была иметь для евреев мера удаления их из уездных селений, надо обратиться к цифрам. В Полоцкой губернии проживало несколько более 14.000 евреев (2,76% среди всего населения в губернии), из коих в городах и местечках жили немногим менее 5.000, остальные же сидели по селам и деревням. А что представляли собою те городские центры, куда должны были направиться эти 9.000 человек? Достаточно сказать, что во всех городах и местечках губернии проживало всего-то ок. 20.000 чел. (христиан и евреев). Ясно, что незванные гости, лишенные средств к существованию, не имевшие возможности найти заработок в бедных городах с примитным бытом, легли бы бременем на

[43]) Могилевский магистрат сообщал: „Евреи во время польского владения не могли по правам иметь никаких движимых по крепостям (т.-е. в собственности) имений... Всякие откупы, наймы или аренды государственных сборов и корчмы им запрещены были; торги не инако иметь могли, как в согласии и по контрактам с магистратами, да и в самой купле товаров и съестных припасов не должны были упреждать христиан; в селениях же и никакой торг им дозволен не был... Не будучи они наравне с христианами и не пользуясь теми выгодами, какие христианам присвоены, принуждены были искать своей пользы (т.-е. заработка), занимаясь арендарями и шинкарями в селениях". (Дело архива сената, 1797, № 49).

коренное городское население. Если бы все без исключения жители городов, мужчины и женщины, старцы и дети, христиане и евреи, согласились подать помощь вновь прибывшим, то каждым двум аборигенам пришлось бы взять на свое попечение, на долгие годы, по одному пришельцу [44]). В Могилевской губернии жило около 23.000 лиц—евреев и христиан, записанных в купечество и мещанство, и из них почти 10.000 евреев (в том числе триста купцов) проживали вне городов,—таким образом, каждые две городские семьи должны были потесниться, чтобы дать место пришлому семейству.

Несмотря, однако, на всю очевидность того, что переселение евреев в города неосуществимо, администрация стала принуждать их покидать села и деревни.

В это же время евреи, как было выше сказано, утратили право курить и продавать водку. И опять-таки это запрещение (тесно связанное с вопросом о проживании в селениях, где помещики отдавали в аренду курение и продажу водки) было установлено отнюдь не специально для евреев, но, касаясь лишь определенной ч а с т и русского общества, т. е. купцов и мещан, запрет оказался обязательным для в с е г о еврейского населения, а потому получил характер как бы особого правового ограничения.

Винные промыслы являлись заманчивой статьей доходов частных и юридических лиц, составляя значительную часть их бюджета. Из-за обладания винной монополией происходила борьба. В городах шинковали магистраты, а в уездах, как писал несколько позже очевидец,—«курят вино владельцы, курят панцырные бояре, окольная шляхта, попы, разных орденов монахи и жиды» [45]). Сперва в Белоруссии доходы от приготовления и продажи вина, водки, пива и меда в городах были предоставлены (1772) магистратам, которые уплачивали за это казне известную сумму денег и передавали это право отдельным обывателям за вознаграждение; случалось, что магистрат уступал свое право кагалу. Затем право питейного промысла стало принадлежать каждому обывателю в отдельности и за это население было обложено специальным сбором. Но в 1783 г., в целях умножения государственных доходов, право винокурения и продажи питей в Белоруссии было предоставлено: в деревнях казенного ведом-

---

[44]) Таковое цифровое отношение в Полоц. губ. относится к 1722 г.; оно не могло измениться в сколько-нибудь значительной степени к 1783 г., когда началось принудительное переселение евреев.

[45]) Сенатор Державин (известный поэт), посетивший Белоруссию в 1800 г

ства — казне, в городах — магистратам, в частно-владельческих деревнях — помещикам, а сбор с обывателей был отменен [46]).

Таким образом, евреи, подобно остальному городскому населению, утратили непосредственное право на винные промыслы. Однако, закон не препятствовал им, наравне с прочими обывателями, брать винные промыслы на откуп у магистрата. Но в атмосфере вражды к евреям, вызванной уравнением их в сословных правах, магистраты, очевидно, решили не передавать откупов евреям, и винокурни последних были закрыты. Многие евреи разорились и стали направляться в уезды. А между тем, оттуда в это именно время стали удалять евреев. К тому же местная администрация запретила заниматься винными промыслами всем обывателям, жившим на помещичьих землях,—в том числе и евреям. Было опубликовано (29 сентября 1783 г.), что «прямое правило предлежит каждому гражданину употребить себя к торговле и ремеслу, состоянию его приличному, а не курению вина, яко промыслу совсем для него не свойственному», и если помещик сдаст в аренду или иным путем уступит в деревне курение водки «купцу, мещанину или жиду», то он сочтен будет нарушителем закона, не берегущим собственной пользы, которую может извлечь из предоставленного ему государыней права курить водку [47]).

Отметим, что в это же время было восстановлено в силе старое польское постановление, первоначально отвергнутое местной администрацией, согласно которому суд не принимал свидетельских показаний евреев. Если в уголовном деле или гражданском, по претензии христианина к еврею, христианин ссылался на христианина-свидетеля, показания свидетеля принимались судом; когда же еврей, пред'являя иск к христианину, выставлял свидетелем еврея, последний не допускался в суд. Кроме того, «при разбирании какого дела между евреином и христианином — жаловались евреи — христианин в допущении присяги против евреина преимущество имеет, хотя бы оная по делу следовала бы евреину».

Кагалы предвидели, как тяжко отразятся все эти новшества на экономическом положении еврейского населения, а потому уже знакомой нам депутации было поручено добиться их отмены.

Однако, депутации надо было подумать не только о невзгодах, обрушившихся на еврейский народ. Депутация, предста-

---

[46]) Перв. полн. собрание законов, №№ 14892, 15724.

[47]) Архив сената, 1797 г., дело № 49. См. мою книгу „Евреи в России" (1906 г.), стр. 459 (на стр. 293 ошибочно сделана ссылка на другой источник).

влявшая кагальную олигархию, преследовала и иную цель: укрепить при содействии самого правительства власть кагала.

Кагальной организации были нанесены удары с двух сторон. С одной стороны, благодаря вступлению евреев в состав купечества и мещанства функции кагала сузились, отдельные личности стали выходить из под кагальной опеки. С другой стороны— авторитет кагала был поколеблен религиозной борьбой, в которой кагалы поддерживали раввинов, выступавших против хасидов [48]). Вместе с тем кагалу стал угрожать еще один враг — просветительное движение, к которому одинаково неприязненно относились и раввинизм и хасидизм.

Обострение отношений между раввинистами и хасидами совпало с тем моментом, когда еврейское население вошло в состав торгово-промышленного класса, поступило в ведение общегородских учреждений, что должно было умалить роль и значение кагала. Тогда же просветительное движение выбилось из подполья наружу. И думается, что между этими обстоятельствами была некая внутренняя связь. Преследования, которым подвергали кагалы хасидов и приверженцев европейского образования, должны были побуждать недовольные элементы выйти тем или иным путем из под власти кагало-раввинского союза, и вступление в состав купечества могло послужить в данном случае удобным выходом из тяжелого положения.

Поэтому прежде, чем перейти к выяснению, как отразилось на кагальной организации приобщение еврейского населения к торгово-промышленному классу, надо сказать несколько слов о разгоревшейся в ту пору религиозной борьбе и о раннем проявлении просветительного движения.

[48]) О зарождении хасидизма—см. выше, стр. 44.

Глава вторая.

Борьба раввинистов с хасидами. — Зачатки просветительного движения. — Религиозный раскол и перемены в гражданской жизни евреев подрывают власть кагала.—Представители кагалов добиваются отмены запретов, вызванных вступлением евреев в торгово-промышленный класс, а вместе с тем склоняют правительство сохранить за кагалом его прежние функции и власть.—Христианские общества противятся избранию евреев на должности сословно-городского самоуправления. — Установление „черты постоянной еврейской оседлости".—Расширение территории оседлости.

Виднейшим представителем литовско-белорусского хасидизма был рабби Шнеур-Залман бен Барух или, как его называли русские документы, Залман Борухович (1747—1812 г.г.), основатель так назыв. «хабадского» учения. Отвергая чудодейственные приемы, он признавал только истинных вероучителей; самое слово «цадик» было долгое время неизвестно на Литве и в Белоруссии,— даже враги рабби Залмана называли его «раввином». Шнеур-Залман придал хасидизму более трезвый рационалистический характер и спаял хасидизм со многими элементами раввинизма; в его учении хасидизм освободился от многих суеверных представлений. Отличаясь неутомимой энергией и организаторскими способностями, р. Залман занял первенствующее положение в хасидском движении. Однако, в Белоруссии и на Литве хасидизм лишь в конце 18-го века получил широкое распространение, выдержав упорную борьбу с раввинизмом.

Во главе литовского раввината стоял выдающийся талмудист гаон Илия Виленский (1720—1797), пользовавшийся исключительным авторитетом. Противник «пилпула», т. е. крайнего схоластического направления в раввинской науке, гаон Илия, вопреки традиционной системе школьного образования, указывал, что для правильного понимая талмудических постановлений надо основательно изучить Библию; изучение же ее, в свою очередь, требует полного знакомства с грамматикой еврейского языка. Более того— необходимо изучать и такие науки, как медицина, астрономия, математика. Но они нужны лишь постольку, поскольку без них некоторые вопросы, затрагиваемые в Библии и Талмуде, не могут

быть разрешены; эти науки должны лишь укрепить в народе преданность старинным установлениям. Последние не подлежат изменению в зависимости от условий текущей жизни: закон незыблем, изучение и строжайшее исполнение закона составляют цель жизни. Отсюда понятно, что гаон, фанатически преданный обрядовому раввинизму, не желал приобщения еврейского народа к культуре окружающего населения.

Гаон обычно стоял в стороне от треволнений общественной жизни, но он дал увлечь себя в активную борьбу с хасидским движением.

В 1772 г., когда на Литве только начали возникать сектантские кружки, некоторые виленские хасиды, тайно распространявшие учение, были схвачены кагалом и подвергнуты тяжким наказаниям, а затем виленский раввинат, с одобрения гаона, предал херему сектантов и выпустил воззвание о преследовании их; многие общины провозгласили херем на хасидов и стали притеснять их. Однако, репрессии лишь усилили рвение сектантов. В 1781 г. главари раввинизма сочли нужным вновь выступить против хасидов. Инициатива и теперь принадлежала виленскому кагалу. Был об'явлен херем на хасидов. Кроме того, виленский кагал командировал в Белоруссию эмиссаров для борьбы с хасидским движением. Члены гродненского окружного раввината, собравшись на ярмарке в Зельве, обратились с посланием к общинам, призывая их принять решительные меры против сектантов. Такие же воззвания были выпущены раввинами отдельных общин. Раввин из Брест-Литовска, пользовавшийся большим авторитетом, обнародовал послание, которым призывал всех «соединиться и ополчиться на хасидов..., искоренить их, преследовать их лично, наносить им материальный вред, гнушаться их как нечистых тварей». Раввины, собравшиеся в Шклове, постановили распространить на белорусских хасидов отлучение, незадолго до того провозглашенное литовским раввинатом.

О том, к каким последствиям это привело, мы узнаем из послания р. Залмана с'езду раввинов в Могилеве (1784 г.), в грубой форме потребовавшему Залмана к допросу. Предлагая обратиться к третейскому суду, Залман писал: «Прежде, чем правосудие озарит нас, произнесите властное слово и разошлите письменные приказания по всем областям, чтобы к обществу вновь были приближены те (хасиды), которые по распоряжению упомянутых духовных лиц (в Шклове) были из него исключены. Ибо по примеру тех духовных лиц простонародье тоже восстало

на нас, дабы делать нам зло. Мы приравнены к злодеям и настоящим отступникам, которых убить есть дело угодное богу и спасительное для общества и для души убийцы. Ведь если бы не страх перед государственной властью, нас живьем бы проглотили, и такое деяние вменилось бы еще в заслугу. Втихомолку совершено уже дело неслыханное, и дана воля делать им (хасидам) жизнь несносною, лишать их средств к существованию и доканать их всевозможными средствами»...

Залман, не явившийся на с'езд для допроса, был заочно осужден, хасиды об'явлены находящимися вне закона, а их имущество «выморочным». Вслед за этим чернь в некоторых городах учинила разгром хасидских домов.

Пока происходила эта все более разгоравшаяся борьба между раввинистами и хасидами, в среде русского еврейства наметилось новое духовное движение, которому, как мы уже знаем, были враждебны и раввинизм, и хасидизм. То было стремление усвоить и насадить в народной массе общее образование. Это движение, называемое «мендельсоновским» по имени известного берлинского философа Моисея Мендельсона (1729—86 г.г.), быть может, возникло в среде русского еврейства и помимо непосредственного влияния Мендельсона. Купцы, имевшие торговые сношения с промышленными центрами Западной Европы, приходили в соприкосновение с образованными христианами, от которых и усвоили зачатки европейского просвещения. Отсюда родилась мысль о насаждении образования среди подрастающего поколения.

Эта мысль приняла более реальные формы тогда, когда евреям было предоставлено участвовать в сословно-городском самоуправлении. Могилевский житель Яков Гирш составил проект устройства сети общеобразовательных школ, вызвавший сочувствие и обещание помощи со стороны «значительных из единоверцев» в Могилеве. Инициатор школьной реформы предвидел оппозицию—конечно, в кагальных кругах,—и потому обратился за содействием к правительству. И, быть может, не случайно то, что 13 мая 1783 г. из Петербурга было сообщено в Белоруссию по высочайшему повелению, что евреи не должны подвергаться никаким стеснениям при замещении сословно-городских должностей, а 15 мая Гирш, находившийся тогда в Петербурге, горя желанием помочь «невежеству и следственно бедственному и презрительному состоянию несчастных соотчичей», представил свой проект в комиссию о на-

родных училищах, находившуюся под протекторатом государыни, с просьбой «дать на сие свое соизволение и покровительство, дабы благонамеренное мое предприятие не только не было препятствуемо, но еще и споспешествуемо».

План Гирша заключался в следующем. Во всех еврейских поселениях имеются небольшие школы (хедера), в которых преподается закон веры; в этих «малых» школах достаточно упорядочить обучение и придать самым школам лучший вид; в больших же общинах следует учредить «средние» школы, а в Могилеве главную, образцовую, в которых, кроме закона веры, необходимо преподавать «разные благопотребные сочлену гражданского общества, по различию состояния и предопределения его, нужные и полезные науки и художества» (ремесла). Гирш предполагал определить сейчас же пятьдесят бедных детей в могилевскую школу; имущие родители, он надеялся, охотно будут вносить небольшую плату; учителями должны быть на первых порах только евреи; одних можно найти в Белоруссии, других вызвать из-за границы через посредство «ученого Моисея Мендельсона».

Раз в план Гирша были посвящены некоторые из видных могилевских обывателей, то сомнительно, чтобы кагал не был осведомлен о шагах, предпринятых для насаждения светских знаний. И это, конечно, должно было сильно взволновать его. Общее образование представлялось кагалу столь же страшным, если не больше, как и религиозное движение, выразившееся в хасидизме. Чтобы бороться с этими враждебными силами, нужна была власть. А между тем приобщение евреев к сословно-городскому самоуправлению умалило роль кагала, ослабило его силы, ограничило сферу его деятельности.

Так как купцы платили не подушную подать, взимавшуюся с еврейского населения кагалами, а процентный сбор с капиталов, которым ведали магистраты, то те евреи, которые, начиная с 1780 г., стали записываться в купечество, освобождались от подчинения кагалу в податном отношении, а в связи с этим не должны были обращаться к кагалу за разрешением на отлучку. Вот почему и возникает мысль, — не добивались ли евреи вступления в купечество главным образом для того, чтобы сбросить с себя иго кагала?

Когда же в 1783 г. все еврейское население было распределено между купечеством и мещанством, в ведение магистратов

поступили не только евреи-купцы, но также евреи-мещане. И купеческие сборы и мещанские подушные стали вноситься евреями в общие учреждения; магистраты начали вмешиваться в раскладку податей; выдача паспортов также перешла в ведение магистратов [1]). Более того, евреи стали обращаться по своим тяжбам в общие судебные учреждения,—администрация закрыла еврейские суды, в свое время ею открытые [2]) Наконец, недовольные элементы вздумали искать защиты в общих судебных установлениях также по делам религиозного характера.

Кагал, конечно, решил бороться за свое существование. И та депутация, которая в 1784 г. отправилась в Петербург с жалобой на действия местной администрации, запретившей жить вне городов и заниматься винными промыслами, а также стеснявшей в избирательном праве, приняла на себя и другую миссию — ходатайствовать о восстановлении власти кагала. Из этого вытекает, что депутаты являлись представителями не общества, в широком смысле слова, а одних лишь кагалов, имевших, правда, формальное право говорить от имени народа.

Когда прошение депутатов [3]), адресованное государыне, было по ее распоряжению направлено в сенат, секретарь государыни сообщил генерал-прокурору, что «ее величество приметить указала, что когда означенные еврейского закона люди вошли уже, на основании указов ее величества, в состояние, равное с другими, то и надлежит при всяком случае наблюдать правило, ее величеством установленное, что всяк по званию и состоянию своему долженствует пользоваться выгодами и правами без различия закона и народа». Это значило, что вопросы еврейской жизни должны быть разрешаемы в соответствии с правами, принадлежащими торгово-промышленному классу, в состав которого евреи вошли равноправными членами. И сенат так и поступил, вынеся 21 января 1786 г. решение [4]) по жалобам кагальных депутатов на запрещение жить

---

[1]) Полоцкий магистрат рекомендовал правительству дозволить евреям проживать в селениях по паспортам из магистратов.

[2]) См. выше, стр. 53 — Перв. полн. собрание законов, № 15436.

[3]) Подробности борьбы по вопросу о проживании в деревнях и о выборных правах, а также архивные источники, мною использованные, см. мою книгу: „Евреи в России“ (1906) очерки—„Общественное самоуправление“ (раньше в „Восходе“, 1903 г., кн. I и II) и «Выселение» (раньше в „Восходе“, 1903 г., кн. 4 и 5). Ниже я ссылаюсь лишь на доступные источники.

[4]) Этот указ приведен в Полн. собр. законов (№ 16391) лишь в своей заключительной части. Я опубликовал его в большей его части: „Евреи в России“ стр. 456—461 (на стр. 456 подстрочное примечание о дате указа, состоявшегося 21 янв. 1786 г., а не 7 мая, как значится в Полном собрании законов).

в деревнях и заниматься винными промыслами, на стеснения в избирательном праве, а также по домогательствам депутатов о восстановлении власти кагала.

Говоря о необходимости переселить евреев из уездов в города, белорусская администрация выставляла два мотива: с одной стороны — закон вообще запрещает купцам и мещанам проживать в уездах; с другой — присутствие евреев в деревнях вредно отражается на экономическом и нравственном состоянии крестьянского населения, так как евреи, арендуя у помещиков винокурни и шинки, развивают пьянство среди местного населения.

В численном отношении евреи по деревням и селам [5]) не занимали видного места, составляя, напр., по Полоцкой губернии менее 2%. Но по роду своей деятельности, окруженные несвободным крестьянством, они играли важную экономическую роль — в их руках сосредоточивалась торговля, они брали в аренду различные статьи помещичьих доходов, продажу водки в шинках. Завися от помещика, евреи были вынуждены эксплуатировать в пользу дворян-землевладельцев — труд крестьянина, а также пускать в продажу среди крестьян назначенное помещиком количество водки, чем способствовали распространению пьянства.

Когда местная администрация предписала (1783 г.) помещикам не отдавать винокурения ни на откуп, ни в аренду лицам, не имеющим на то права, «особливо жидам», помещики этому воспротивились. Правда, губернские предводители дворянства поддержали требование администрации об удалении евреев от винных промыслов, и даже одна группа помещиков отнеслась к этому сочувственно, но не потому, чтобы их сердцу были дороги крестьяне; ими руководили иные побуждения, — предводители дворянства просили генерал-губернатора передать государыне благодарность от имени дворянства за предоставленную им привилегию, «за возобновление древнего дворянского права пользоваться исключительно пред другими винокурением»! Остальные же помещики продолжали отдавать евреям на откуп винные промыслы. Это было их право.

И сенат, отнюдь не желая, не смея нарушить право помещика, право собственника, отменил распоряжение администрации о недозволении помещикам отдавать винокурение на откуп евреям. В отзывах администрации было, между прочим, отмечено, что евреи дачею крестьянам водки в долг и проч. приводят их к

---

[5]) Х. Коробков, Перепись евр. населения Витебск. губ. (Полоцкой) в 1772 г („Евр. Старина", 1912 г., вып. II, табл. 4).

пьянству, безделию и нищете, но, сознавая, что евреи служат лишь орудием в руках помещиков, сенат оставил это без внимания. Что же касается помещиков как насадителей пьянства, то вопрос о взаимоотношении между крепостными и их господами был слишком серьезный, чтобы можно было его коснуться — ведь считалось, что помещичья власть служит опорой для государственной власти; поэтому сенат ограничился назидательной сентенцией, что помещики должны наблюдать за крестьянами, дабы они не вдавались в распутную жизнь, и проч.

Больше трудностей представил вопрос о принудительном переселении евреев из сел и деревень в города. Среди самих представителей администрации не было достигнуто единогласия. Одни, даже принимая во внимание, что еврейское население скопилось в уездах в силу длительного исторического процесса, предлагали осуществить меру выселения. Но другие не решались принести евреев в жертву новому закону, не соответствовавшему веками установившимся условиям местной хозяйственной жизни, — они предвидели, что эта мера окончательно погубит и без того бедствовавших евреев; для того, чтобы отвлечь евреев от винного промысла, надо постепенно обратить их к торговле и ремеслам. Сенат прибег к компромиссу: если закон и не дозволяет купцам и мещанам иметь оседлость по уездным селениям, то он, вместе с тем, не запрещает им *временной* отлучки. Поэтому было решено: евреев, живущих в местечках и деревнях, «безвременно селиться в городах не принуждать»; торговым людям, вообще, не запрещается отлучаться из городов, лишь бы подати были уплачены, а потому и евреи могут «упражняться по уездам в промыслах и работах с возволения *общества*», особливо, когда в городах нет места для новых домов и неизвестно, найдут ли там пришельцы пропитание. Таким образом, евреи, издавна осевшие в селениях, были признаны за городских жителей, которые будто только на время водворились в уезде.

Депутаты подробно остановились в своей жалобе на стеснениях, испытываемых евреями при выборах; между прочим, необходимость заседать в магистратах мотивировалась также тем, что евреи лишены права давать свидетельские показания; кроме того, заседая в ратушах и магистратах, евреи будут осведомлены о городских доходах, и еврейское население «не столько притеснений и убытков претерпевать будет».

Жалоба белорусской депутации еще не успела быть рассмотренной, как вопрос об избирательных правах получил для евреев

еще большее значение в виду опубликования «Грамоты на права и выгоды городам Российской Империи», упрочившей общественную силу торгово-промышленного класса. Эта грамота (иначе говоря — «Городовое положение» 1785 г.), имея задачей об'единить разрозненные сословные группы, жившие в каждом данном городе, в одно городское общество, привлекала всех городских обывателей к участию в местном самоуправлении. При этом, однако, торгово-промышленному сословию была предоставлена доминирующая роль в городском самоуправлении. Таким образом, евреи получали возможность избираться впредь не только в члены губернских и городовых магистратов, ратуш, словесных, совестных судов, но и в городскую думу и депутатскую комиссию, составлявшую обывательские книги [6]). Это право и было подтверждено за ними сенатом, постановившим, что евреи, подобно христианам, должны, «соразмерно по количеству каждого звания», составлять магистраты, ратуши и думы, а также занимать судейские и прочие должности.

Вступление евреев в состав торгово-промышленного сословия отразилось, как было указано выше, не только на их внешней, гражданской жизни, но и на бытовой. Внутренняя организация стала рушиться. И кагалы стали стремиться восстановить свое господство.

Депутация ходатайствовала о том, чтобы дела «между одними евреями, кроме векселя и облигов (обязательств), нигде бы не приняты были к производству, как только в еврейских судах», так как евреи заключают между собою обязательства, условия и всякие сделки по обряду и закону еврейскому, в коих общие суды неосведомлены. А в дополнительной записке они вновь «слезно» просили, чтобы были у ч р е ж д е н ы суды по делам евреев. Итак, ходатаи стремились принудить население к тому, чтобы оно разбирало свои тяжбы только в еврейских судах. Тут имелись в виду хасиды и вообще кто был недоволен существовавшим строем, кто нарушал кагально-раввинские постановления,—это видно из дальнейшей просьбы кагалов, чтобы также «п р е с т у п н и к и х з а к о н о в и о б р я д о в судим был в еврейских судах».

Кагал ходатайствовал и о том, чтобы он попрежнему собирал подати с евреев и чтобы ему был возвращен административный надзор за населением. Кагал, по обыкновению, прикрывался народными интересами, хотя фактически этот порядок, усиливая власть

[6]) „Восход", 1895 г., кн. VI, стр. 47. Прошение камен.-подольского евр. общества.

кагала, усугублял податное бремя, тяготевшее над населением. Внося подати прямо в казну, евреи освобождались от круговой поруки; когда же ответственность за поступление подати возлагалась на кагал, имущий платил за неимущего.

По раскладке кагал взыскивал также сборы на общественные потребности. Население не могло контролировать правильность раскладки, и кагал этим злоупотреблял; деньги обращались, между прочим, на борьбу с хасидами, а частью поступали в собственность кагальных заправил. Когда кагал потерял возможность взымать подать, недовольные элементы стали уклоняться от взноса и сборов на общественные нужды.

Кагалы понимали, что в праве «раскладки» таится их сила, и вот почему депутаты, стремясь будто бы к тому, чтобы при взыскании государственных, общественных и «церковных» (т. е. на религиозные нужды) сборов «бедный по состоянию своему противу имущего не был излишне отягчен», просили, чтобы никто не вмешивался в дело раскладки подати и сборов, «ибо, кроме тех евреев, никто состояния каждого из народа знать не может».

Правительство не желало ослабить власть кагала, подвергнуть его ломке, которая не вызывалась непосредственными интересами государства. Поэтому ходатаям было отказано лишь в просьбе об учреждении еврейских судов, так как еврейское население имеет своих представителей в общих судах городского торгово-промышленного класса (конечно, стороны могут разбираться в третейских судах), при чем было установлено, что в отношении свидетельских показаний и принесения присяги евреи должны находиться в тех же условиях, что и христиане. Прочие же ходатайства были удовлетворены. Кагалы — уездные и губернские — вновь могли разбирать дела, касающиеся «еврейского духовенства» и обрядов веры. Далее, ссылаясь на то, что мещане (наряду с крестьянами и казаками) казенного ведомства в Малороссии получили право самообложения, сенат постановил «предоставить им (евреям) раскладывать, сколько по их усмотрению следует, без всякого препятствия» как подушные подати, так и общественные сборы. Наконец, было подтверждено, что каждый еврей в отдельности может пользоваться правом передвижения лишь с согласия «общества». Собственно говоря, право распоряжаться раскладкой подати и передвижением еврейского населения было передано не специально кагалу; но по условиям еврейской жизни кагал фактически заступил и тех неведомых

«евреев», которым закон поручил раскладку подати, и то «общество», на которое был возложен контроль за передвижением населения [7]).

Таким образом, борьба, которую кагал выдержал, с одной стороны — с белорусской администрацией и частью христианского общества, а с другой — с недовольными элементами еврейского населения, привела к тому, что еврейское население, участвуя в сословно-городском самоуправлении, было уравнено в правах с христианским торгово-промышленном классом и, не в пример ему, могло проживать в уездных селениях, занимаясь, в частности, винными промыслами; что касается внутренней жизни, то духовный суд и раскладка податей и общественных сборов, эти орудия порабощения народа, остались в руках кагала.

Однако, даже постановление сената, вышего в ту пору в государстве учреждения, не остановило в известных кругах белорусского общества движения против евреев. Когда в 1786 г. происходили выборы судей словесных судов, витебский магистрат противился избранию евреев, хотя наместническое правление настойчиво требовало избрания одного из них. Беспорядки возникли и в других городах. Тогда поверенный кагалов обратился (около июня 1786 года) с новой жалобой к государыне: во многих городах евреи «не бывают выбраны во всякий суд», витебский магистрат выгнал евреев из собрания, в другой раз евреи, явившиеся к выборам, были взяты под стражу; однажды были исключены купцы, жившие вне городов, хотя они принадлежат к городскому обществу и носят все тяготы. Поверенный ходатайствовал, чтобы евреи выбирались в ратуши и думу «к отправлению судейских и прочих должностей» в том же числе, как и христиане, хотя еврейское население многочисленнее христианского [8]).

Ознакомившись с жалобою евреев, Екатерина послала (16 июля 1786 г.) белорусскому генер.-губернатору собственноручно подписанный приказ, чтобы вышеизложенное решение сената, признавшее за евреями равенство в сословно-городском са-

---

[7]) Депутаты говорили не о кагале, а об „обществе", под которым имели в виду кагал. Но если даже разуметь сословное общество, возглавляемое магистратом (евреи проживали в уездах „с паспортами от городовых магистратов"—„Восход", 1895 г., кн. VI, стр. 38), то и в этом случае решающая роль принадлежала кагалу, который удостоверял, взысканы ли подати с данного еврея, без чего магистрат не мог выдать паспорт. Возможно, что магистрат только удостоверял паспорт, выдаваемый кагалом.

[8]) Подобные выступления поверенных было делом не безопасным. Поверенный заключил свое прошение словами: „А дабы сей доступ к освященному вашему престолу не был в Белоруссии сочтен преступлением, благоволите высоч. повелением охранить меня от всякого осуждения".

моуправлении, «непременно и без всякого отлагательства приведено было в действие», а с неисполнителей его «учинено было законное взыскание» [9]).

Случилось, что именно тогда, когда евреи были признаны равноправными членами сословно-городских обществ, неожиданно возникла так называемая «черта постоянной еврейской оседлости», положившая резкую грань между евреями и прочим населением, бросившая их в пропасть бесправия и морального унижения.

Выше было отмечено, что торгово-промышленное сословие было прикреплено к месту приписки. Но для Белоруссии было сделано исключение; на запрос, можно ли купцам переходить из города в город, «смотря по удобности их коммерции», сенат ответил (1782 г.) утвердительно, прибавив — особенно, если от этого «можно ожидать приращения казенных интересов» [10]). Здесь, повидимому, речь шла о переходе из города в город лишь в пределах одной Белоруссии [11]), но еврейские купцы стали записываться в Москве и в Смоленске.

В начале 1790 г. московское купеческое общество составило приговор, в котором указывалось, что вопреки законам (прежних лет, потерявшим силу) в Москве появилось из-за границы и из Белоруссии «жидов число весьма немалое», причем иные отважились под именем прусских и белорусских купцов записаться в московское купечество; их деятельность грозит разорением местным купцам, а потому надо удалить их. В купечество по первой гильдии записалось в 1788—89 г.г. трое евреев и против них-то ополчились москвичи. Был упомянут еще могилевский купец «польского королевского двора надворный советник» Нота Хаимович Ноткин (Натан Шкловер по родному городу Шклову), с которым мы в дальнейшем еще встретимся. В жалобе москвичей, представленной главнокомандующему, говорилось, что евреи занялись запрещенной законами разносной торговлей по домам, по дешевой цене, чем наносят торговле «весьма чувствительный вред и помешательство»; дешевизна товаров указывает, мол, на то, что это

---

[9]) Подробности беспорядков в Витебске—см. Голицын, Истории русского законодат. о евреях, стр. 346—357; там же приведен рескрипт Екатерины ген.-губернатору.

[10]) Полное собр. законов, № 15577. Дитятин, Устройство и управление городов в России, стр. 401, примечание.

[11]) Когда белорусская евр. депутация ходатайствовала о разрешении записываться в торговое сословие Рижского форштадта, сенат об'яснил, что нет высоч. повеления, коим бы им дозволялось записываться по другим городам, кроме белорусских.

контрабандный товар; кроме того, евреи обрезают, как известно, монеты; возможно, что они будут то же делать и в Москве; некоторые из них не указали, к какой национальности принадлежат, и таким путем им удалось записаться в здешнее купечество; это одно уже показывает «хитрые их во всем вымыслы»; евреи строят свою торговлю на обмане, что опять-таки подтверждается тем, что они «потаенно» записались в московское купечество. В заключение москвичи об'яснили, что они жалуются на евреев только в заботе о торговле, а «отнюдь не из какого-либо к ним, в рассуждении религии отвращения или ненависти», а потому и требовали удаления евреев из Москвы. Действительно, москвичи устраняли всех конкурентов, кто бы они ни были: дворяне, крестьяне, разночинцы и иностранцы, все в одинаковой мере были им неугодны; и те мотивы, которые приводились в просьбе об удалении евреев, легли, напр., в основу ходатайства, направленного против торговли, производимой «ямщиками и прочими разночинцами» [12]).

Просьба москвичей касательно евреев поступила на рассмотрение «Совета государыни», которому была представлена также жалоба евреев на то, что их более не принимают в смоленское и московское купечество. Совет нашел, что евреи вовсе не имеют права «записываться в купеческие российские города и порты», к тому же от этого не предвидится никакой выгоды для казны; они могут пользоваться правом гражданства и мещанства только в Белоруссии. Но Екатерина признала полезным предоставить им право гражданства и мещанства также в Екатеринославском наместничестве и Таврической области [13]).

В соответствии с этим 23 декабря 1791 года был издан указ о том, что право «гражданства и мещанства» предоставляется евреям только в Белоруссии, Екатеринославском наместничестве и Таврической области [14]), чем и было положено начало «черты еврейской оседлости», т. е. установлено правило, что евреям запрещается водворяться за пределами означенной территории.

---

[12]) История московского купеч. общества, т. II, вып. 1, стр. 8—11. См. там и другие статьи, напр., „О стеснениях, причиняемых купеческой торговле торговлей иностранцев".

[13]) Архив государств. совета, т. I, ч. II (Спб. 1869 г.), столб. 365—368; т. II, ч. II, столб. 321. Екатериносл. наместничество и Таврич. область были позже преобразованы в Екатериносл., Таврич. и Херсонскую губ. См. Архив кн. Воронцова, XII, стр. 380.

[14]) Полное собрание законов, № 17006. Колонизация Новороссии началась значительно раньше, отчасти при содействии Екатерины II. Ср. Станиславский, К истории колонизации евреев в Новороссии („Восход", 1887 г., кн. 9). Регесты и надписи, т. III, № 2244.—В городах Таврич. губернии в 1783 г. насчитывалось 469 „жидовских домов" (Регесты, III, №№ 2302-4, 2316).

Однако, в условиях тогдашнего общественно - государственного строя вообще, и еврейской жизни, в частности, правительство не могло иметь в виду создать для евреев специальные ограничения в передвижении. Давний порядок, приковывавший обывателей к месту, продолжал держаться: русские мещане еще в 1796 г. не могли переходить из губернии в губернию, даже с согласия начальства [15]). К тому же указом 1791 года пред евреями были открыты новые области, в которые им, подобно христианам, по общему правилу, нельзя было переселиться. Все, значит, сводилось к вопросу экономического характера: торговая деятельность евреев во внутренних городах излишня, так как там имеется местное купечество, переселение же евреев в малонаселенный край сулит государству выгоду, и потому им, в виде исключения, предоставляется туда переходить с правом приписки, с каковой было связано отправление купеческих и мещанских промыслов в новом месте жительства.

О том, что правительство вовсе не желало ограничить экономическую деятельность евреев пределами точно очерченной территории, говорит то обстоятельство, что когда в Петербурге стало известно, что группы евреев еще ранее поселились в соседних губерниях—Киевской, Черниговской и Новгород-Северской,— эти местности были включены в состав того района, где евреи могли пользоваться правом купечества и мещанства [16]).

Хотя Новгород-Северское наместничество было включено в пределы черты оседлости, мещане, записанные по другим губерниям, не могли туда переселяться, так как вообще мещане (христиане и евреи) не пользовались свободою передвижения; однако, в 1796 г., в виде из'ятия, в наместничестве были оставлены на местах те евреи-мещане, которые уже успели там поселиться [17]).

А вслед затем здесь была введена кагальная организация. В 1797 г. проживавший в наместничестве могилевский купец Лейбович предложил ввести в наместничестве уездные и губернский кагалы, мотивируя это тем, что кагалы примут на себя ответственность за правильное поступление податей, для чего, однако, надобно, чтобы администрация оказывала им содействие; при этом

---

[15]) Полное собрание законов, № 17605.

[16]) Ср. Полное собрание законов, № 17224, где эти губернии упомянуты как входящие в черту оседлости. В 1792 г. в Малороссии проживало около 970 евреев (Подробности—см. Андриевский, Историч. материалы из архива Киевск. губ. правления. Вып. I, 1882 г., ср. 151—55).—Ср. Регесты и надписи, III, № 2398 (намерение удалить евреев из Малороссии).

[17]) Полное собрание законов, № 17605.

Лейбович отнюдь не имел в виду предоставить населению избрать кагальных старшин по своему усмотрению; нет, он представил списки «надежнейших» евреев по уездам, которые, прибыв в губернский город, должны были из своей среды избрать членов уездных кагалов. Это предложение было принято, и выборы состоялись по всем уездам, но из стародубского и суражского уездов, несмотря на понуждение, на выборы никто не явился. Повидимому, и в других городах имелись евреи, которые не желали учреждения кагала: директор экономии, выступив против устройства кагалов, заявил, что некоторые евреи (очевидно, новгород-северские) об'яснили ему, что кагал «не что иное есть, как между ими правительство»; против кагала высказался в палате и другой член ее. Однако, сенат постановил ввести кагальную организацию, согласно упомянутому выше указу 1786 г., упрочившему власть кагала [18]).

«Черта постоянной еврейской оседлости» — хотя это выражение не было тогда еще известно — стала основой законодательства о евреях [19]). Запрет пользоваться естественным правом жить и передвигаться по стране сковал деятельную волю еврейского населения в области физического и умственного труда и этим наложил мертвящую печать на духовный и экономический быт евреев.

[18]) Архив сената, 1 отд. 3 департ., 1797 г., дело № 49 „О выборе в Новгород-северский кагал".

[19]) Юлий Гессен, Закон и жизнь (Спб. 1911 г.), стр. 24—26.

Глава третья.

Жизнь в крае, присоединенном к России по новым разделам Польши. — Обложение евреев податью в двойном размере.—Возрождение польских традиций.—Ограничение роли евреев в сословно-городском самоуправлении.—Лишение их выборного права на Литве.—Попытки некоторых городов удалить от себя евреев.—Помещики считают себя полновластными господами над живущими на их землях евреями.—Насаждение „ритуальной" литературы. — Первый процесс по обвинению в употреблении крови христиан.

В 1793 г. состоялся второй раздел Польши, и тогда к России перешли земли, из которых были образованы Волынская, Подольская и Минская губернии, а в 1795 г. по третьему разделу, прервавшему самостоятельное существование Польши, к России была присоединена территория, составившая Литовские губернии [1]).

В польских землях, вновь перешедших к России, жизнь евреев протекала, в общем, в таких же условиях, как в Белоруссии. Рассеянные по городам и панским имениям, они занимались торговлей и ремеслами, арендой угодий и шинков, т. е. представляли собою торгово-промышленный класс, в связи с чем и в новом крае должны были стать на очередь старые вопросы: о проживании по деревням, что противоречило русскому закону, запрещавшему купечеству и мещанству жить вне городов, и об участии в общественном самоуправлении, что не допускалось при польском господстве. С другой стороны, евреи, вновь перешедшие в русское подданство, участвовали в религиозной борьбе, служившей звеном, об'единявшим, для коллективных действий, три группы населения, последовательно перешедшие под русское господство: белорусскую, подольско-волынскую и литовскую. В остальном они действовали разрозненно: каждая группа выступала

---

[1]) Минская, Брацлавская и Изъяславская губернии были в 1795 г. преобразованы в Волынскую и Подольскую (Брацлавская существовала недолго).—Слонимская и Виленская слились в Литовскую (1800 — 801 г.г.), а затем образовали Виленскую и Гродненскую.

отдельно в защиту своих прав и не все они достигли одинакового успеха, да и внутреннюю жизнь каждая налаживала самостоятельно.

Во вновь приобретенных областях было санкционировано существование кагала. Официально кагалы не должны были касаться никаких иных дел, кроме «обрядов закона и богослужения» [2]). Но фактически, с ведома администрации, функции его были гораздо шире. Любопытно, что минский кагал послал (1800 г.) своего служащего в Витебск изучить тамошние учреждения [3]); вероятно, имелось в виду ознакомиться с взаимоотношениями между кагалом с одной стороны и администрацией и органами сословно-городского самоуправления — с другой.

Кагал делал раскладку подати и сборов, государственных и городских. В Минске взыскание денег производилось чрез посредство выборных «сотников» (или «десятских»), которые доставляли кагалу сведения о численности населения в околодке; в иных случаях они вносили в кассу кагала сумму, причитавшуюся с сотни, потом взыскивали деньги с членов сотни. К неаккуратным плательщикам применялись принудительные меры, а в крайнем случае прибегали за содействием к администрации [4]). Кагал контролировал передвижение населения: как для водворения иногороднего еврея, так и для отлучки члена общины требовалось разрешение кагала [5]). Кагал являлся представителем населения пред администрацией. Однажды уголовный суд поручил минскому кагалу подвергнуть наказанию провинившегося еврея. Когда потребовалось (1794 г.) определить еврея для присутствия в полиции при судопроизводстве, он был назначен кагалом, а не избран обществом. Такую роль кагал играл и в других случаях. Напр., однажды пред выборами словесных судей кагал и общее собрание, наметив кандидатов в словесные судьи, вменили избирателям в обязанность подавать голоса за них—для евреев, членов словесных судов, была даже выработана кагалом особая инструкция [6]).

В литовских губерниях кагал не пользовался особым вниманием со стороны администрации. Но он и здесь обладал большой властью. В каждой парафии были раввин (утверждавшийся землевладельцем), подрабинок, пятнадцать кагальных и двенадцать ду-

---

[2]) Полное собрание законов, № 17327.
[3]) Брафман. Книга кагала, т. II (изд. 1888), № 141.
[4]) Там же, №№ 45, 46; 480, 504.
[5]) Там же, ряд актов.
[6]) Там же, №№ 226; 23, 200.

ховных судей; «кагал сам, или выбранные от него особы, управляют экономиею целого общества, имеют в ведомстве своем доходы и расходы, налагают или уменьшают сборы, собирают казенные подати и вносят их в казну и, наконец, наблюдают за наружным порядком в их обществе». Раввин, духовный суд и кагал, «сопряженные между собою тесными узами, имея все в своей силе и располагая даже самою совестью евреев, владычествуют над ними совсем отделенно, без всякого отношения к гражданскому начальству»[7]).

Об'единяющими органами в Подолии, Волыни и на Литве являлись уездные и губернские кагалы. Мы увидим в дальнейшем, что, об'явив поход против хасидов, гаон Илия поручил ведение борьбы губернским кагалам, и действительно, губернские кагалы организовали кампанию, ближайший же надзор за действиями против сектантов был возложен на уездные кагалы, которым подчинялись кагалы, входившие в состав уезда[8]). Уездные кагалы выполняли поручения губернского кагала по взиманию сбора на общественные нужды, а городские кагалы являлись господами в отношении прикагалков[9]).

С присоединением Волыни и Подолии был поставлен на очередь, как мы уже отметили выше, жгучий вопрос о проживании евреев в селах и деревнях. Его болезненность вызывалась тем, что, с одной стороны, экономическая обстановка не мирилась с пребыванием чрезмерного числа торгово-промышленных людей среди крестьян; с другой же стороны — сложный узел взаимоотношений между помещиками, крестьянами и евреями грубо разрубить изгнанием последних с насиженных мест было невозможно, не нанеся серьезного ущерба всем трем группам. Вот почему, когда этот вопрос был поднят ранее в Белоруссии, правительство, не видя другого выхода, кроме меры выселения, уклонилось от разрешения тяжелой коллизии[10]). Теперь же, когда присоединение нового края заставило вернуться к ней, был, как могло казаться, найден спасительный исход.

Выселить евреев из деревень в города нельзя было за отсутствием мест. Но имелся Новороссийский край, все еще мало на-

---

[7]) Записка литовск. губернатора Фризеля („Восход", 1895 г., кн. III, стр. 85—86).

[8]) С. Дубнов, История хасидского раскола („Восход", 1891 г., кн. XI). Гаон упомянул губернские кагалы Минска, Могилева, Полоцка, Житомира, Винницы, Каменца-Подольского (Винница—наиболее многолюдный город Брацл. губ.; Житомир не считался губ. городом, но в нем находилось губ. правление). Его же, Историч. сообщения („Восход", 1893 г., кн. VIII, стр. 22—23).

[9]) Брафман, № 339, № 85 (упразднение прикагалка в предместье).

[10]) См. выше, стр. 73.

Число купцов и мещан в губерниях еврейской оседлости

1800 г. Белорусск. губ. (бывш. Могил. и Витебская).		Христиане—купцы.	Евреи—купцы.	Христиане—мещане.	Евреи—мещане.
УЕЗДЫ.	Витебск.	380	40	3219	1251
	Полоцк.	372	54	1831	1968
	Городецкий	48	21	285	426
	Велижский	108	8	2061	381
	Невельский	95	7	982	495
	Себежский	53	10	502	398
	Люцинский	31	9	348	573
	Динабургск.	88	23	295	725
	Сенненский	—	—	—	1612
	Оршанский	4	20	505	1529
	Могилевский	117	61	2818	3613
	Чаусовский	6	38	732	1146
	Мстиславск.	1	50	933	1967
	Чериковский	7	16	680	1572
	Рогачевский	6	43	317	1176
	Белицкий	53	57	895	831
Без'уездн. города.	Дрисса	16	—	173	697
	Режица	29	3	179	534
	Сураж	4	4	420	408
	Климовичи	—	15	419	93
	Копысь	—	91	585	349
	Быхов	—	—	—	1244
	Бабиновичи	5	57	85	938
Всего в губернии.		1423	627	18264	23926
Подати и сборы—в рублях		10962	7710	46573	111734

1800 г, Подольская губ.					
УЕЗДЫ.					
Каменец-Под.		66	46	933	2515
Ушицкий		—	12	862	1734
Летичевский		101	59	868	1691
Проскуровский		—	7	564	2019
Ямпольский		—	—	82	1873
Литинский		32	10	2466	2399
Винницкий		277	13	2454	1661
Брацлавский		23	95	1346	2173
Могилевский		36	39	1136	2774
Гайсинский		—	10	582	1275
Ольгопольский.		72	5	293	1221
Балтский		7	20	11	1259
Всего в губернии		614	316	11597	22594
Подати и сборы		3894	4595	29572	105513

1800 г. Волынская губ.		Христиане—купцы.	Евреи—купцы.	Христиане—мещане.	Евреи—мещане.
УЕЗДЫ.	Новоград-волынский	74	466	603	1934
	Заславльск.	1	14	8	2124
	Острожский	—	45	436	2165
	Ровенский	1	6	3	2144
	Овручский	13	—	388	1034
	Житомирск.	75	35	1004	3130
	Владимир.	—	22	680	1929
	Ковельский.	—	17	1372	816
	Ст. Конст.	—	17	216	2030
	Дубненский	8	43	1671	2794
	Кременецк.	17	33	1604	2400
	Луцкий	3	28	1267	1941
Всего в губернии.		192	726	9252	24441
Подати и сборы.		2595	7426	23592	114139

1800 г. Минская губ.					
УЕЗДЫ.	Минский	56	29	1640	3449
	Борисовск.	24	15	508	840
	Игуменский	—	—	182	852
	Бобруйский	54	50	476	1023
	Мозырский	—	7	878	771
	Пинский	3	8	1368	1596
	Слуцкий	3	47	641	1537
	Вилейский.	—	28	362	900
	Дисенский	86	7	1535	775
	Речицкий	34	14	573	1254
Без уездн.	Давыдгород	—	—	—	143
	Несвиж.	—	—	761	404
	Рокшицы	—	—	296	211
	Поставы	—	—	—	300
Всего в губернии		260	205	9220	14055
Подати и сборы.		2443	4830	23511	66188

1800 г. Курляндская губ.					
УЕЗДЫ.					
Зельбургский		85	9	694	704
Митавский		426	79	3273	814
Гольдингенский		375	39	3692	658
Туккумский		1	17	18	255
Пильтенский		28	14	1441	664
Всего в губернии.		915	158	9118	3095
Подати и сборы.		25827		23250	14453

(таблица составлена по подлинным окладным книгам).

1800 г. Малороссийская губ. (Черн. и Полт.).	Христиане—купцы.	Евреи—купцы.	Христиане—мещане.	Евреи—мещане.
УЕЗДЫ.				
Черниговский	781	—	2232	1385
Нежинский	366	5	2546	30
Золотоношский	8	36	713	135
Новг.-Северский	35	1	1495	161
Полтавский	145	4	981	210
Кременчугский	398	33	1658	429
Стародубский	1263	—	7886	302
Суражский	—	—	149	152
Прочие уезды	1450	—	19563	1430
Всего в губернии.	4446	79	37223	4234
Подати и сборы.	33247	725	94931	19772
1800 г. Киевская губ.				
Киевский	319	11	5394	656
Васильковский	—	18	98	1878
Уманский	6	32	175	3248
Сквирский	—	3	789	1480
Пятигорский	—	4	601	1808
Липовецкий	3	—	5	1082
Махновский	6	5	388	1124
Богуславский	88	—	2910	1938
Звенигородский	8	6	113	1885
Чигиринский	—	10	46	1394
Черкасский	23	15	231	1771
Радомыслъский	—	—	469	1480
Всего в губернии	453	104	11219	19744
Подати и сборы.	4459	3258	28608	92204
1800 г. Новоросс. губ.				
Новороссийский	175	8	1062	144
Новомосковский	43	—	217	9
Павлоградский	47	—	294	10
Бахмутский	147	21	490	106
Ростовский	633	—	1950	10
Мариупольский	50	—	202	—
Елисаветградский.	642	7	3524	397
Ольвиопольский	30	1	302	107
Херсонский	480	38	1601	140
Тираспольский	30	—	109	1
Перекопский	131	6	521	—
Симферопольский (Акмечетский)	926	13	5912	332
Всего в губернии.	3334	94	16184	(?)1306
Подати и сборы.	28371	1638	41269	5865

1797 г. Виленская губ.	Христиане—купцы.	Евреи—купцы.	Христиане—мещане.	Евреи и караимы.
УЕЗДЫ.				
Виленский	—	—	5014	3152
Завилейский	—	—	614	477
Троицкий	—	—	2329	1251
Браславский	—	—	826	446
Ошмянский	—	—	3218	938
Ковенский	—	—	2701	1508
Упитский	—	—	3007	2899
Вильком.	—	—	3527	2827
Тельшевский	—	—	2500	1650
Россиенский	—	—	4305	4247
Шавельский	—	—	3118	2757
Всего в губернии	—	—	31159	22152
Подати и сборы	—	—	67303	95696
1797 г. Слонимская губ.				
Слонимский	—	—	965	1360
Новогородский	—	—	1421	1156
Гродненский	—	—	2608	2282
Волковыский	—	—	1821	1477
Лидский	—	—	807	2060
Брестский	—	—	2170	2313
Кобринский	—	—	1472	1484
Пружанский	—	—	2213	1289
Всего в губернии	—	—	13477	13421
Подати и сборы	—	—	29110	57978

Общая сводка. Губернии.	Христиане—купцы.	Евреи—купцы.	Христиане—мещане.	Евреи—мещане.
Белорусская	1423	627	18264	23926
Подольская	614	316	11597	22594
Волынская	192	726	9252	24441
Минская	260	205	9220	14055
Курляндская	915	158	9118	3095
Малороссийская	4446	79	37223	4234
Киевская	453	104	11219	19744
Новороссийская	3334	94	16184	1306
Виленская	—	—	31159	22152
Слонимская	—	—	13477	13421
Всего	11637	2309	166713	148968

селенный, ждавший живой торгово-промышленной деятельности. И вот, возникла мысль направить туда часть евреев, живших по деревням. Льготы, предоставленные в Новороссии поселенцам, не были способны вызвать среди евреев колонизационное движение. Освобождение поселенцев от подати не казалось заманчивым. Поэтому, чтобы заставить неимущих сдвинуться с насиженных мест, все еврейское население было обложено (1794 г.) податью, в д в о е превышающей ту, которую платили христиане, причем была принята мера с целью удержать евреев от ухода заграницу — покинуть страну они могли лишь по уплате трехлетней двойной подати [11]). С другой стороны, по вновь приобретенным губерниям последовало распоряжение «стараться переселять» евреев из деревень в города. Двойная подать и принудительное выселение должны были, по замыслу правительства, побудить неимущих евреев направиться в Новороссию.

Санкционируя эти меры, Екатерина II повторила, что в отношении выбора на «должности гражданские» для евреев не должно быть никаких из'ятий [12]). Тем не менее, и двойная подать, и стремление освободить деревни от евреев способствовали тому, что христиане, привыкшие в польские времена видеть евреев в бесправии, стали прилагать усилия к тому, чтобы лишить их общественного значения. С другой стороны и позиция правительства в этом вопросе вскоре поколебалась. Предоставив евреям участие в сословно-городском самоуправлении на равных началах с христианами, Екатерина руководствовалась как теоретическим принципом равенства граждан, так и соображением о государственной пользе, ожидавшейся от развития торгово-промышленной деятельности во вновь присоединенном крае, что и побудило ее пойти на-

---

[11]) Указ 23 июня 1794 г. (Полное собрание законов, № 17224). В указе не говорилось о причинах, вызвавших эту меру. Но упомянутый выше Нота Ноткин, хорошо осведомленный в еврейских делах, сообщает, что это, „сколь можно было знать, последовало, дабы принудить из них несостоятельных в платеже сего к переселению на пустопорожние земли") „Евреи в России", стр. 445). О том, что правительство хотело переселить „излишних" евреев в Южную Россию, говорит и один позднейший документ.

Тождественный указ о двойной подати имеется в собрании законов и под 1797 г., когда царствовал Павел I. Но это произошло по ошибке. Среди материалов, на основании которых было составлено собрание законов (Сперанским при Николае I), помимо печатного экземпляра указа, правильно занесенного в собрании под 1794 г., имелась еще рукописная копия указа, в которой „4" превратилось в „7", и таким образом закон 1794 г. был повторен под 1797 г. (Эти бумаги хранятся в архиве госуд. совета). Подробности — см. мою заметку: Об одном указе („Восход", 1903 г., кн. VIII).

[12]) Указ 3 мая 1795 г. (Полн. собр. законов, № 17327). Он говорил о Минской губернии, но касался и прочих вновь приобретенных. 10 июля 1795 г. ген.-губернатор сообщил вслынск. губернатору, что согласно выс. повелению, имеющему силу для всего края, евреи допущены на разные городские должности (архив мин. внутр. дел, департ. полиции исполнит., 1824 г., дело № 325; отношение губернатора от 30 апр. 1824 г.).

перекор желанию христиан, противившихся избранию евреев на городские должности. Но идея о равенстве не владела ею твердо, понятие же о пользе менялось в зависимости от обстоятельств— порою материальной выгоде приходилось отступать пред интересами политического характера. И вот, под напором протестов со стороны польского общества, с которым администрация считалась из политических видов, права евреев, как членов торгово-промышленного класса, были, с ведома государыни, умалены.

Хотя борьба из-за общественного господства и злоупотребления властью со стороны выборных должностных лиц приводили повсеместно в России к конфликтам, которые, принимая порою до дикости резкие формы, затягивались на несколько лет подряд [13]); этим явлениям приписывали в Подольской и Волынской губерниях такой характер, словно они происходили благодаря только евреям. Любопытно, что администрация Подольской губернии доказывала, что общественные дела терпят из-за того, что евреи не знают ни русской, ни польской грамоты, администрация же Волынской губернии была недовольна тем, что дела вершаются одними евреями, благодаря тому, что христиане, занимающие выборные должности, в большинстве неграмотны [14]).

В Подольской губернии евреям предоставили занимать места лишь двух ратманов, остальные места двух ратманов и двух бургомистров (высших должностей) были сохранены за христианами [15]). Евреи стали протестовать и добились успеха. Но не надолго.

В 1802 г. в Волыни и Подолии было окончательно решено, что евреи могут занимать лишь одну треть мест. А вместе с тем было постановлено, чтобы христианское и еврейское общества каждое в отдельности избирало своих представителей.

И эти правила были распространены на всю черту еврейской оседлости.

К худшему результату привела борьба из-за избирательного права на Литве, где русская власть сохранила старые польские порядки и права, и где поэтому евреи продолжали оставаться в

[13]) А. Кизеветтер, Посадские избирательные сходы (исследование доведено до 80-х г. 18 века), журнал „Русское Богатство", 1901 г. кн. 9, стр. 5.

[14]) Архив сената, 1 отд. 3 деп., 1805 г., дело № 562.

[15]) Подробности—см. мой цитированный выше очерк „Обществ. самоуправление". В Подольской губ., там, где были учреждены ратуши, христ. население состояло не из торгово-промышленных элементов, для которых предназначались ратуши, а из хлебопашцев (архив сената, 1 отд. 3 департ. определение 25 янв. 1800 г., № 137).

полной отчужденности от окружающего общества, не допускались к участию ни в сословной, ни в хозяйственной городской жизни.

В ту пору на Литве, особенно в Вильне, религиозная борьба сконцентрировалась вокруг кагальной власти [16]). И вот, группа виленских евреев, с целью сломить кагал, возбудила (1799 г.) ходатайство, чтобы литовским евреям были предоставлены такие же выборные права, как и прочим евреям. Этот шаг был сделан, несомненно, под воздействием литовского губернатора Фризеля (несколько позже выступившего с предложением об уравнении евреев в правах с христианами), который поддержал их просьбу пред правительством и, в ожидании благоприятного разрешения вопроса, заблаговременно добился дозволения устроить магистраты и ратуши в ряде городов [17]). Действительно, ходатайство евреев было удовлетворено. Но затем исполнение этого решения было приостановлено. Об этом позаботился местный торгово-промышленный христианский класс, представители которого пользовались влиянием в правительственных кругах.

А когда приказ о том, что евреи могут занимать лишь одну треть общественных должностей (1802 г.), был ошибочно прислан в Вильно и литовский губернатор воспользовался этим, чтобы привлечь евреев к выборам, что было одобрено министром внутр. дел Кочубеем, известные круги христианского общества пришли в крайнее негодование, сочтя новый порядок оскорбительным для своего национального достоинства. Виленское, гродненское, а затем и ковенское общества выступили с протестами — официального и частного характера. Во главе оппозиции стали виленские представители. 1 февраля 1803 г. здесь было подписано всеподданнейшее прошение о недопущении евреев к занятию общественных должностей. В тот же день виленский президент обратился к министру внутр. дел, к госуд. канцлеру, к министру юстиции Державину с письмами, в коих просил оказать поддержку ходатайству.

Виленские христиане с возмущением указывали в своей всеподданнейшей жалобе, что город «через допущение евреев к должностям, терял бы свою свободу, свои права и прерогативы, и граждане его христиане принуждены были бы современем подпасть под разные, свойственные евреям, происки так, что сии могли бы взять над ними и верх». Отмечая далее, что евреи всегда были ограничены «в рассуждении своего и местопребывания, и образа

---

[16]) См. главу четвертую.
[17]) Архив сената, 1 отд., 3 деп. 1804 г., дело № 400.

жизни», что они лишены права быть свидетелями в судах, что по своей неопрятности бывают причиной заразы, виленское общество заявило: «Ныне же, с прискорбием видя, что евреи смешаны с ними (христианами), стеснен их дух унынием и отнята вовсе из них у каждого охота к принятию публичного служения тогда, когда евреям дана воля возрастать над христианами, а особенно если их начальствование сколько унижает уважение к судилищу, в котором православная религия имеет наиболее влияние».

В жалобе гродненских христиан заключалась та же ссылка на городские привилегии, на некультурность евреев. «Ни мало намерены мы поносить какого-либо рода исповедания и законы, но... поселившийся в Литве за несколько сот лет еврейский народ доселе еще не просвещен, а тем более не знает государственных законов, письмопроизводства и диалекта края, в котором живет; дети сего народа не обучаются нужным наукам»; к тому же евреев и потому нельзя допустить в магистрат, что там хранятся документы, относящиеся к многолетней тяжбе между гродненскими христианами и евреями, которая велась из-за того, что евреи занимались в городе торговлей и ремеслами.

Ковенское общество, уже в течение нескольких лет добивавшееся изгнания евреев из города, выставило новый довод к устранению евреев от участия в органах самоуправления: «Для приведения на верность господу богу и государю к присяге, на судейском столе поставлен крест с изображением распятия Иисуса Христа дает всякому видеть и почитать сие за святость... а еврей себя при сей святой фигуре распятия (от чего их самая религия отвлекает) уповательно, что будучи неверный, не будет на оную смотреть, но противно, по своему обряду, против оной думать, а потому вместо судейской справедливости насмеиваться только будут с христианского закона».

Эти ходатайства привели к тому, что евреи, жившие на Литве, в отличие от прочих, были лишены избирательного права — польская традиция восторжествовала [18]).

---

[18]) См. мою книгу „Евреи в России", стр. 234 и след.—Бершадский, „Восход", 1895 г., кн. 6.—Шугуров, История евреев в России („Русский Архив", 1894 г.). Ср. архив. мин. внутр. дел, департ. вн. дел, 1803 г., дело № 10 (По дворянским и купеческим выборам. По просьбе граждан виленских, гродненских и мест. Докшицы об отклонении евреев в городские должности). Письмо к Державину (без указания адресата) я нашел среди разрозненных бумаг, присланных из сената в рукописное отделенин Росс. Публичной библиотеки. — В 1807 г. гродненская администрация безуспешно пыталась вернуть евреям избирательное право (архив мин. вн. дел, 1807 г. дело № 311 „О выборе евреев в члены магистратов по Литовск. губерниям").

Описанное выступление городских обществ на Литве — далеко не единственное проявление веками укоренившегося отношения местного общества к евреям. Если одни группы считали ниже своего достоинства вступать в гражданское общение с ними, то другие, чтобы избавиться от конкуренции в торговле и ремеслах, готовы были лишить евреев элементарных прав. В некоторых городах—напр., в Вильне—евреям запрещали жить в центральных торговых частях. Но были и такие общества, которые стремились изгнать из города всех евреев.

В Ковне издавна шел спор из-за проживания евреев. Горожане противились их водворению, но староста, владевший Замковой и Повилейской улицами, поселил (1782 г.) их у себя, а затем они постепенно осели и в остальной части города. Но вот, ссылаясь на старинную привилегию, данную польским королем Ковне, некоторые христиане возбудили (1797 г.) ходатайство об изгнании евреев. Так как при переходе Литвы к России за городами были сохранены их давние права, то Павел I повелел выяснить, действительно ли Ковна имеет подобную привилегию, и в утвердительном случае привести ее в исполнение. Надворный суд признал законным проживание евреев на Замковой и Повилейской улицах (запретив, однако, им расширять старые дома или строить новые!) и разрешил им покупать для себя с'естные припасы на рынке, а также торговать на ярмарках. Что касается остальной части города, то она должна была остаться запретной.

В это время подобный же вопрос возник в Каменце-Подольском, причем Павел приказал оставить евреев на месте на таком же основании, на каком они в других городах свободно проживают. В виду этого генерал-прокурор не решился представить государю постановление по ковенскому делу, как стоявшее в противоречии с повелением относительно Каменца-Подольского, и обратился за раз'яснением к литовскому ген.-губернатору. А последний об'яснил, что обыватели Ковны, за исключением небольшого числа иностранных и нескольких польских купцов, находятся в таком жалком состоянии, что удаление евреев опустошило бы город,— утруждавшие государя сами не знали, чего просили, и «следовали только застарелой их, легкомысленной и, так сказать, несмысленной к евреям зависти».

В результате последовал указ (июнь 1798 г.), чтобы евреи были оставлены в Ковне «в спокойном собственностью их владении, невозбранно отправляли ремесла и производили бы торговые дела беспрепятственно».

И киевский магистрат, ссылаясь на то, что польские привилегии города были (1797 г.) восстановлены в своей силе, предложил (1801 г.) выселить из Киева евреев — 11 купцов, 656 мещан с семействами, хотя они поселились здесь на законном основании. Но губернатор Феньш заявил, что в городе среди мещан-христиан нет искусных мастеров, что большинство таковых евреи; христиане-купцы не заботятся о том, чтобы в лавках были нужные товары, городу же необходимы хорошие мастера и купцы,—следовательно, надо оставить евреев. И государь повелел (1801 г.) «евреев никуда не переселяя, оставить на жительстве в Киеве» [19]).

Другим пережитком являлось отношение помещика к живущим у него евреям. В польские времена власть помещика распространялась как на внешнюю, так и их внутреннюю жизнь. Они были как бы его подданными: от землевладельца зависело само проживание евреев на его земле; он налагал и взыскивал подати, творил суд и расправу, вмешивался в религиозные дела. Землевладелец старался извлечь из еврея все, что возможно, не давая ему, однако, погибнуть, дабы не иссяк источник дохода. Жизнь еврея представляла собою, в сущности, беспрерывную оплату подаваемых счетов. По переходе польского края к России помещик должен был потерять власть над евреями, так как, войдя в состав торгово-промышленных классов, они были подчинены соответствующим установлениям. Однако, фактически сохранились прежние условия [20]), хотя правительство боролось с этим явлением. Когда депутация от белорусских евреев указала, между прочим, на притеснения, чинимые владельцами имений, было предписано жалобы евреев рассмотреть «на основании законов и с тем же беспристрастием, с каковым дела прочих белорусских жителей в судах наблюдаются». При восстановлении в Подольской губ. (а также, вероятно, в Волынской и Минской) прежних польских учреждений (1798 г.) было оговорено в отношении евреев, что «при настоящем благоустроенном правлении несовместно уже будет, по прежним того края правам, подвергнуть их земскому суду владельцев» и потому-то за евреями, поголовно приписанными к городам, хотя бы они жили в селениях, было со-

---

19) „Евреи в России", стр. 339—52.

20) Выморочное имущество евреев поступало частью или полностью в пользу помещика. Указ сената 8 авг. 1801 г. по делу Бердичевских евреев (Архив госуд. совета, департ. законов 1835 г., дело № 11).

хранено право на участие в городском самоуправлении, несмотря на то, что это не дозволялось в польское время [21]).

Узнав о притеснениях, которым евреи подвергаются в одном литовском имении, Павел I приказал сенату (1799 г.) рассмотреть дело «немедленно и не в очередь» и чтобы с владельцем имения, если он окажется виновным, «было поступлено по всей строгости законов», чтобы приняты были «всевозможные меры к ограждению... евреев от притеснения» [22]). А вслед затем дошла весть о противозаконных действиях владельца местечка Шклова, бывшего фаворите Екатерины II, генерала Зорича, «против евреев и прочих в белорусской губернии обитающих». Потому ли, что жалобы слишком ярко рисовали произвол Зорича, или в данном случае сыграла роль самая личность Зорича, как фаворита Екатерины II, к памяти которой Павел относился со злобой, для расследования действий Зорича государь командировал сенатора (известного поэта) Державина [23]), который и должен был донести обо всем не только сенату, но и государю. Вслед за тем Павлу I была представлена (1800 г.) также жалоба поверенного еврейского общества м. Соколовки (Киевской губ.) на владельца—Станислава Потоцкого. Она обратила на себя особое внимание: вероятно, помещичий произвол—не случайное явление. И государь велел передать жалобу на рассмотрение сенату «с тем, чтобы так как в губерниях, от Польши к России присоединенных, на таковом, как и проситель, положении находится великое число евреев, собрав все нужные по предмету случаи от начальников губерний, где евреи находятся, с мнением их сделать постановление и внесть на высочайшее его величества утверждение» [24]). Сенат затребовал соответствующие сведения, и тогда правительство узнало, что помещики действительно сохранили за собою ту неограниченную власть над евреями, которою они пользовались с давних пор.

Дело Зорича послужило особенно яркой иллюстрацией. Он «оставался в том мнении, что он с евреями, на его землях живущими, в рассуждении суда и расправы, между его экономиею и крестьянами случающимися, может употреблять власть помещичью над теми и другими...», считал, что евреи для него «меньше, нежели у хозяев слуги». Не говоря о жалобе евреев, что «Зорич

[21]) Определение 1 отд., 3 деп. сената, 7 окт. 1802 г.

[22]) Архив сената, т. 213, лист 169 (в моей книге „Евреи в России", на стр. 368 ошибочно указано т. 216, л. 139). Переписка по этому делу: архив сената, дело министерства юстиции, 1798 г. № 1222.

[23]) Рескрипт Державину от 15 июня 1799 г.—журнал „Будущность", 1900 г., № 2. См. архив сената, именные указы.

[24]) 1800 г. Архив сената, именные указы, т. 233, л. 82.

оставил без платежа один только воздух», нельзя не отметить того, что он принуждал евреев продавать крестьянам определенное количество водки, а когда евреи говорили, что не могут такого числа ведер распродать, да еще по дорогой цене, то Зорич приказывал водку свозить в шинки и, независимо от того, продана ли она или нет, взыскивать с евреев деньги посредством экзекуции. Вообще, дело показало, что Зорич «мыслит, что он, яко помещик, мог, по прежним польским установлениям, простирать власть над евреями, в его селении и на его землях живущими».

Сенат решил, что помещик не имеет права суда и расправы над евреями, а должен обращаться с жалобами в присутственные места [25]).

Чтобы охранить шкловских евреев от поборов, было постановлено, в виде временной меры, чтобы подать уплачивалась ими в средней сумме за последние три года. Но это было незаконно, так как землевладелец пользовался неограниченным правом распоряжаться своим имуществом, т. е. налагать сборы на обитателей его земель.

И, действительно, уже вскоре, при рассмотрении жалобы евреев г. Бердичева на своеволие его владельца кн. Радзивила, сенат принял во внимание, с одной стороны, право помещика распоряжаться своим имением, с другой — независимость свободных людей, живущих по договорам в помещичьих местечках. Евреи жаловались, что Радзивил взыскивал с них деньги при помощи казаков в качестве домашней полиции, что он по старому долгу был обязан уплачивать ежегодно кагалу 150 червонцев, но, вступив в сделку с арендаторами Мошковичем и Лисянским, «сделав их тогда насильниками над кагалом», прекратил делать взносы; «нет такой самой мелочной вещи — жаловались евреи, — которая бы не должна быть оплачена дорогою ценою, и такою, что нередко самая вещь того не стоит, что за нее заплатить надобно»; «религия наша — писали далее жалобщики — состоит у владельца на откупе и мы, чтобы иметь свое богослужение, долженствуем платить деньги тем, коим князь отдает в аренду нашу веру» [26]).

Чтобы выиграть процесс с евреями, Радзивил прибегал к личным протекциям; между прочим местный предводитель дворянства писал одному влиятельному столичному сановнику, что если евреи

[25]) Всеподд. доклад (ноябрь 1800 г.; копия в деле 1 отд. 3 департ., 1800 г., № 325) опубликован С. Бершадским („Восход", 1895 г., кн. IV). Определение 1 авг. 1800 г. по 1 отд. 3 деп. (книга определений № 25, определ. № 18).

[26]) Радзивил предписал в 1794 г. евреям избрать независимый от раввина суд, который и должен был действовать по правилам, установленным Радзивилом. Регесты и надписи, т. III № 2408 (Арх. Юго-Зап. России, ч. 5, т. I, стр. 581).

одержат верх, то в крае начнется множество подобных тяжб. В результате, по постановлению сената, евреям было об'явлено, что если они считают сборы, установленные Радзивилом, обременительными для себя, то могут покинуть Бердичев; при этом им был дан двухгодичный срок для ликвидации своих дел [27]), что явилось как бы уступкой духу времени, — ведь помещик мог их немедленно удалить!

Любопытно, что после решения сената упомянутый выше арендатор Мошкович сделал заявление, в качестве уполномоченного бердичевского купечества и всего местного еврейского общества, что жалобщики, неправильно именуя себя поверенными, взвели неосновательные обвинения на Радзивила, опротестовали решение сената, а потому их следует выслать из Петербурга. Очевидно, Радзивил сумел посеять раздоры в самом еврейском обществе.

Утрата помещиками — вероятно, только формальная — суда и расправы над евреями не принесла последним, надо думать, тех плодов, которые ожидались. Помещики стали вымещать на них свою злобу обременительными поборами. Многие же помещики начали отказываться от услуг евреев, вышедших формально из прежнего подневольного состояния. Евреи оказались менее нужными и потому, что с уничтожением польской независимости, с прекращением недавней бурной политической жизни в Польше, помещики лично занялись усердно сельским хозяйством. И все это привело к тому, что когда правительство потребовало переселения евреев из деревень в города, многие помещики изгнали евреев с насиженных мест. Киевский губернатор свидетельствовал, что евреи у помещиков «как бесполезные и не принадлежащие им, нетерпимы» [28]). А Нота Хаимович Ноткин передает, что хотя администрация делала отсрочки для выселения евреев из уездов, «многие помещики из своих деревень их повысылали, а сии, таскаяся из места на место, в крайнюю пришли бедность».

Из Польши перекочевал в Россию, наряду с другими предрассудками, также миф о преступлениях, будто бы совершаемых евреями с религиозной целью.

---

[27]) Архив сената, канцелярия генер.-прокурора, 1798 г., № 962 „Переписка по поводу дела владельца Бердичева, кн. Радзивила, с евреями".—Архив госуд. совета, деп. законов, 1835 г., № 11: указ сената 8 августа 1801 г. „О даровании евреям, недовольным своим помещиком, 2-х лет сроку для переселения в другое место".

[28]) Архив минист. внутр. дел, департ. полиции исполн., 1802 г. дело № 558 (180).

Насколько известно, впервые дань кровавому навету заплатили ранние последователи христианства. Римские язычники, не исключая наиболее образованных из них, обвиняли ранних христиан, будто на своих собраниях, сопровождаемых свальным развратом, они умерщвляли детей, приносили их в жертву богу, кровь их выпивали, а сердце с'едали. Эти обвинения замолкли лишь тогда, когда христианство, значительно распространившись, стало сильной организацией. Но и сами христиане прибегали к навету в борьбе со своими внутренними врагами. Они утверждали, будто последователи монтанистической секты, возникшей в христианстве во втором веке, носившей аскетический характер, ежегодно к пасхе уколами добывали кровь из ребенка для евхаристии (хлеб и вино при обряде причащения); по словам отцов церкви, гностические христианские секты умерщвляли детей, зачатых при свальных оргиях; защищаться против навета приходилось и средневековым еретикам — кафарам.

Наконец, наступила очередь за евреями. И так как навет около того времени утратил свою силу по отношению к христианам, то он приобрел специфический анти-еврейский характер. Наиболее раннее фактическое известие о навете на евреев, сохранившееся в летописях, относится к 1235 г., когда евреев г. Фульды обвинили в умерщвлении пятерых детей. После этого подобные обвинения стали возникать в различных местностях, причем по словам папской буллы они вызывались желанием воспользоваться имуществом евреев. С течением времени дело навета сосредоточилось преимущественно в руках католического духовенства, которое, превращая тела убитых детей в «мощи», не только порабощало суеверную мысль народа, но также извлекало материальную выгоду, так как мощи, помещенные в церкви или монастыре, привлекали множество богомольцев, которые оставляли в церковной кассе обильные денежные суммы. Пособником же духовенства являлись городские организации торгово-промышленного люда, боровшегося с евреями на экономической почве.

Наиболее пышного расцвета навет достиг в польско-литовском государстве, где особенно болезненно происходили экономические столкновения между христианами и евреями и где католическое духовенство пользовалось чрезвычайным влиянием. Развитию навета способствовала также специальная «ритуальная» литература [29]).

[29]) См. выше, стр. 29, 38.

В конце 16-го века, судя по книге Моецкого «Еврейские жестокости», в польском обществе существовало убеждение, что евреям нужна кровь христианского ребенка: для религиозной цели —кровью смазывают глаза умирающему и пользуются при обряде обрезания; как чародейское средство — кровь примешивают к с'естным припасам (перцу, шафрану) и посылают христианам, чтобы вызвать их расположение; для лечебных нужд — против зуда и проказы.

Все это было не местным поверием, а можно сказать, общеевропейским. И подобные росказни, кочевавшие из страны в страну, переходившие из уст в уста, отнюдь не вызывали сомнения в своей правдивости, так как издавна утвердилось убеждение, что человеческая кровь обладает чудодейственной силою, представляет собою спасительное лечебное и чародейское средство, в связи с чем среди различных народов было широко распространено употребление человеческой крови для указанных целей; чаще всего довольствовались кровью женщин при месячных очищениях (менструации), но порою ради крови совершались преступления. Легенда о том, что евреи употребляют кровь христианских детей, поддерживалась именно тем, что обвинение не представлялось чем-то исключительным. Вместе с тем легенда находила опору в темных предрассудках и суеверных представлениях, безраздельно господствовавших над самыми различными кругами европейских народов. В те века, когда ежегодно тысячи людей — в большинстве женщины — предавались мучительной смерти по обвинению в колдовстве в сношениях с чортом и т. д., самая нелепая выдумка встречала широкое доверие.

Поэтому и легенда о кровавых преступлениях евреев насыщалась самыми невероятными небылицами. Упомянутый выше Моецкий и другие писатели заявляли, что в еврейском народе мужчины, подобно женщинам, имеют месячные очищения и кровью младенцев они останавливают у себя кровотечение! Рассказывалось, что в наказание за издевательства над Христом каждое из двенадцати еврейских колен (хотя в ту пору имелось на лицо лишь два колена) навеки присуждены к страданиям, для избавления от которых нужна кровь христианского ребенка: у евреев одного колена ежегодно в течение четырех дней сочится кровь из ран на руках и ногах; потомки другого колена ежегодно 25 марта страдают от ран во рту; женщины одного колена имеют по ночам живых червей во рту. В праздник «Пурим» нет ни одного

еврея во всем мире, который был бы в здравом уме — все они в тот день «вне рассудка».

В польской книге «Басни Талмудовы», вышедшей в свет в 1758 году, встречается следующий рассказ [30]). Казня неверных евреев, бог каждое 4-ое января ниспускает в их пищу пред восходом капли кровавые, столь вредоносные, что, приняв эту пищу, еврей внезапно умирает; но вот удивительная вещь, достойная неведомых судеб божьих (по свидетельству многих искуснейших евреев) — будучи продана христианам, эта пища уже не вредит последним. И падают кровавые капли из воздуха в особом порядке: две на одном уровне, третья—ниже, а между ними как бы кровавые жилы протягиваются. О таком явлении в книге сообщается еще три раза — в апреле, июле и октябре: ниспадает на евреев кровь очень вредительная и называется она «куфа». В книге отмечается, что евреи спасают себя от этих капель тем, что кладут на пищу железную крышку. Но некий безвестный монах Неофит, автор книжки, вышедшей в 1818 г. на греческом языке, заявляет, что дабы обезвредить кровавые капли, называемые «текифа», евреи кладут на пищу железную вилку, смоченную кровью христианина, а за час или за два до падения капель—время коих отмечено в еврейских календарях! — раввин предупреждает об этом евреев.

Читая эти бредни, христиане не могли, конечно, догадаться, что «текуфа» означает времена года, моменты равнодействия, о наступлении которых еврейское население оповещалось в древние века в целях единообразного календарного исчисления.

Польские «ритуальные» произведения имели целью не только насадить религиозную вражду к евреям. Нет, эти книги служили также своеобразным орудием экономической борьбы. Неоднократно они сопровождались указанием на торгово-промышленную конкуренцию евреев и требовали изгнания их из страны.

Во второй половине 18-го века книгою монаха Пикульского «Злость жидовская» завершилась «творческая» эпоха в истории ритуальной литературы, эпоха его «идеологического» развития. Фантазия перестала вплетать новые красочные подробности в многовековую сказку, последующие писатели стали ограничиваться тем, что пользовались старыми книжками, а порою даже перепечатывали их, заменяли старые обложки новыми.

Однако не все вновь выходящие книги были вполне тождественны с теми, на смену которым являлись. Они несколько видо-

[30]) Цитирую по русскому переводу 1794 г.

крытые». А в 1794 г., вслед за присоединением от Польши к России Волыни и Подолии, книга была переиздана той же Лаврой.

В книге имеется подзаголовок «Обряды жидовские, в каждом месяце обходимые», который уясняет ее внешний облик: здесь по месяцам и дням описываются еврейские религиозные обряды; кое что в описании соответствует действительности, многое в той или иной мере искажено, остальное же представляет собою измышление, на которых лежит печать Серафимовича [32]). Характерной же чертой книжки служат кровавые капли, падающие из воздуха и губящие евреев. Воспроизводя эту небылицу, Почаевская Лавра, очевидно, расчитывала, что кровавые капли посодействуют той цели, которую преследовала книга, а именно — вызвать антиеврейское настроение в русском обществе, как об этом ясно говорится в предисловии. Даже в обычной разрешительной надписи духовной цензуры указывается, что книга представляет собою «обличение христоненавистных людей». В предисловии же говорится, что «лукавый род жидовский Закона Божия послушати не хощет, и самому законоположнику Христу, истинному Мессии не верова»; евреи, сообщается далее, в течение веков составляли Талмуд; недавно появилась секта «от сяпвецпецпуха жидовина» (т. е. Саббатая-Цеви) и эти сектанты «прекословят Талмуду и показывают, что он противен закону божескому и закону человеческому»; после диспута между сектантами и талмудистами «сяпвецпецпуховы» стали называться «контра-талмудистами»; в заключение же заявляется: «Сея ради вины не безместно будет, да православные люди присмотрятся некиим обрядам и обычаям тех талмудистов, всеусердно согласившихся на истреблении имени христианского».

Издание Лавры было, вероятно, предназначено для духовных кругов. Для светских же читателей в Петербурге был издан в 1797 г. частным лицом перевод с польского: «Обряды жидовские, производимые в каждом месяце у сяпвецпецпухов». Тут, как видим, произошло недоразумение. Речь шла об обрядах, узнанных через посредство саббатианцев, заглавие же перевода (а, может быть, и подлинника) гласит, что обряды совершаются у самих саббатианцев, и это дало повод говорить, что если не весь еврейский народ, то одна его секта употребляет кровь.

В «Баснях талмудовых» и «Обрядах» одинаково описываются еврейские обряды по месяцам и числам, приводится легенда об осквернении христианских святынь и об употреблении крови хри-

[32]) См. выше, стр. 38.

стиан для ритуальных целей. Но есть и различие—«Обряды» не упоминают о каплях, падающих из воздуха.

Мы видим, что основой кровавой литературы на русском языке послужили польские книжки — они же сыграли известную роль и в практике навета.

Книжное сообщение о неведомых дотоле на Руси преступлениях, совершаемых будто бы евреями, несомненно встревожило общественную мысль, сдавленную суеверными представлениями, и подготовило почву для возбуждения навета. С другой стороны, произведения ритуальной литературы послужили агитационным средством в руках организаторов ритуальных процессов.

Первый подобный процесс относится к 1799 году. В Сенненском уезде (в Белоруссии) вблизи еврейской корчмы на дороге был обнаружен труп женщины «исколотой» и изрезанной. Нашедшие труп, «имея основанием народный слух, что евреям нужна христианская кровь», бросились в корчму, уверенные, что там произошло убийство. Четверо евреев, заподозренные в умерщвлении женщины, должны были предстать пред магистратом. Но так как среди магистратских членов, избиравшихся местным обществом, были и евреи, то разбор дела перенесли в уголовный департамент главного белорусского суда (в Витебске). Это нарушение судебного порядка говорило о том, что администрация придала делу исключительное значение. И действительно, уголовный департамент поручил своему секретарю Стукову «секретным образом изведать и дойтить, нет ли по народному слуху, засвидетельствованному под присягой многими людьми, в законах еврейских положения, что евреям христианская кровь нужна».

Доказать правдивость слуха вызвался еврей Костинский, незадолго до того времени крестившийся. Он делает выписки из весьма распространенного среди евреев религиозного кодекса Шулхан-Аруха [33]), который был раздобыт Стуковым «из отдаленных от Витебска мест», как будто столь ходкой книги не было в Витебске! А сверх того Стуков представил в департамент п о л ь с к у ю книгу под названием «Открытие таинственных дел еврейских через раббинов, принявших христианский закон». В этом произведении имелась ссылка на книгу «Изыфелев», т. е на ту неведомую книгу «Зивхелев», о которой впервые сообщил Серафимович, из чего надо заключить, что в руки Стукова попала одна

[33]) Кодекс был составлен раввинским авторитетом и кодификатором Иосифом Каро (1488—1575 г.).

из тех польских книг, в которых были использованы показания Серафимовича [34]).

Возбуждение витебским судом вопроса об употреблении евреями крови и поиски книг, предпринятые Стуковым, не могли не обострить в местном обществе интереса к навету. А это внимание должно было достигнуть крайней напряженности, когда в местные толки вмешалась такая важная столичная особа, как сенатор и поэт Г. Р. Державин.

В разгар сенненского дела он приехал в Белоруссию, чтобы расследовать жалобы евреев на владельца местечка Шклова, генерала Зорича. По некоторым соображениям Державин хотел выгородить Зорича, для чего ему необходимо было опорочить свидетельские показания евреев. И вот, узнав о сенненском деле, он посылает Павлу I записку о сенненском событии, составленную Стуковым, с выдержками из упомянутых книг, причем Державин, с своей стороны, добавил, что так как записка обвиняет всех евреев в злобном пролитии крови христиан, то он не считает возможным принять свидетельские показания евреев, пока еврейский народ не оправдается перед государем в «ясно доказываемом общем противу христиан злодействе».

Это обстоятельство должно было взволновать кагалы, и, вероятно, не без их ведома проживавший в Шавлях доктор медицины Авраам Бернгард представил Павлу I записку под названием «Свет во мраке Самогицин» (Самогития — часть Жмуди), в которой, рассказав о средневековых гонениях на евреев и о двух ритуальных процессах, привел в заключение цитаты из еврейской письменности, доказывающие беспочвенность навета.

Записка Бернгарда произвела, как видно, впечатление — Павел приказал Державину предоставить сенненский процесс обычному судебному течению и не связывать его с рассмотрением жалоб шкловских евреев. Это распоряжение, надо думать, отрезвило витебский суд. Не найдя реальных данных для обвинения евреев, заподозренных в убийстве женщины, он их освободил от ответственности [35]).

Несмотря, однако, на благополучный исход, сенненское дело не прошло бесследно в истории навета. Как бы для того, чтобы убедить общественное мнение в прикосновенности евреев к сенненскому убийству, в 1800 г. были выпущены новым изданием

[34]) Наряду с „Изыфелев" упоминается и книга „Рамбам", о которой поведал тот же Серафимович. О ней см.: „Записка о ритуальных убийствах, приписываемая В. Далю, и ее источники" (СПБ. 1914 г.), стр. 55.

[35]) В. И. Даль, Записка о ритуальных убийствах (СПБ. 1913 г.), стр. 55.

«Обряды жидовские», отпечатанные в вблизи лежащем Смоленске, в губернской типографии. С другой стороны, показания Костинского и материалы, раздобытые Стуковым, были впоследствии использованы ритуальной литературой. Наконец, и Державин способствовал распространению навета. Затронув этот вопрос в своем проекте еврейской реформы, так назыв. «Мнении», он заявил, что лично полагает, что если «кровопролития» и бывали где-либо в древности, то лишь по изуверству некоторых фанатиков, но тут же отметил, что эти злодеяния «исполняются или, по крайности, теперь только защищаемы бывают» в кагалах, т. е., что народные представители или сами совершают эти преступления или, по меньшей мере, выгораживают убийц. И чтобы обосновать это утверждение, Державин приложил записку Стукова и другие документы, в том числе и книжку «Обряды жидовские» [36]).

Таким образом, к началу 19-го века русская почва была уже искусственным способом несколько взрыхлена для принятия навета. Нужно было только время, чтобы он пустил корни.

[36]) „Евреи в России", стр. 401 и сл. (по материалам архива сената, дело министр. юстиции, 1799 г. № 1786; старый № 1326). Еврейская энциклопедия, т. IV, стр. 296—297 (о Бернгарде). Архив общей канцелярии министра финансов, мемория „Еврейского комитета" за ноябрь 1826 г.—Академич. издание сочинений Державина, т. VII (1878 г.): „Мнение", стр. 286 (см. подстрочное примечание), записка Стукова с приложениями (стр. 340 и др.); здесь имеется также приложенная к записке Стукова искаженная выписка из известной исторической книги „Schelet Jehuda", повествующей о преследованиях, которым подвергались евреи в разных местностях.—Редактор академ. издания сообщает, что к одному списку „Мнения" была приложена рукописная копия книжки „Обряды жидовские и т. д." (т. VII, подстрочное примечание на стр. 286).—Лживые цитаты Костинского использованы в напечат. в 1844 г. „Розыскании об убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их", к которому мы вернемся во втором томе.

Глава четвертая.

Обострение религиозной распри в конце 18-го века.—Борьба сосредоточивается вокруг кагала.—Призыв виленского гаона выступить против хасидов.—Успехи виленских хасидов и недовольство кагалом в виленской общине.—Виленский кагал ищет поддержки у власти. — Заточение Залмана в Петропавловской крепости. — Признание правительством за хасидами права на существование.—Хасиды овладевают виленским кагалом.—Донос раввина Авигдора и вторичный арест Залмана.—Вопрос о совместном существовании кагала и хасидской секты.

Несмотря на насильственные меры, к которым прибегали раввинисты в борьбе со своими противниками, хасидизм продолжал распространяться, и во многих общинах хасиды стали численно преобладать, а в некоторых — завладели властью, сосредоточенной в кагалах, что явилось чрезвычайной угрозой для раввинско-кагального союза. Повидимому, литовские хасиды и, вообще, недовольные элементы вскоре по присоединении Литвы к России стали, подобно своим белорусским собратьям, выходить из-под власти кагала, обращаясь по судебным делам к магистратам: в 1795 г. виленские и гродненские кагальные старшины сообща просили генерал-губернатора постановить, чтобы споры между евреями разрешались в кагалах [2]). А несколько позже виленские купцы пытались ослабить власть кагалов, как это мы узнаем из дальнейшего. Особенно успешно хасидизм распространился в Минской губернии, где его приверженцев называли «карлинерами», «каролинами», по предместью Пинска, Карлину, резиденции старейшего цадика.

Кагалы старались парализовать хасидское движение. Так, минский кагал постановил закрыть хасидскую молельню, при чем

---

[1]) В основу настоящей главы, помимо трудов С. М. Дубнова по истории хасидизма (появившихся в журнале „Восход“ за время с 1888 г. по 1893 г.), положен мой очерк „К истории религиозной борьбы“ („Восход“, 1902 г. кн. I и II, также в моей книге „Евреи в России“, стр. 143—191), написанный по материалам из архива сената: „По прошению бывшего в Минске обер-раббина Хаима (дело министерства юстиции, 1800 г., № 85). „О каролинской секте“ (дело I отд. 3 департ., 1801 г., № 413); „О виленских каг. старшинах“ (дело I отд. 3 департ., 1800 г., № 328). Документы первых двух дел были напечатаны С. Дубновым, с моего согласия, в „Еврейской Старине“ за 1910 г.

[2]) Акты, изд. Виленской комиссией для разбора актов, т. 29, № 244.

лицам, уполномоченным на это, он предоставил произвести расходы без всякого контроля [3]). Ревностным противником хасидов был пинский раввин Авигдор Хаимович, взявший, с согласия кагала, у владельцев вблизи лежащих мест. Злобина и Столина, а также Добровичей, на откуп раввинские доходы. Он побудил виленского гаона предать публичному сожжению хасидские книги, захваченные Авигдором. Тогда хасиды Злобина, Столина и Добровичей, этих пинских прикагалков, добились того, что Авигдор был лишен раввинских доходов и затем с позором устранен от должности раввина в Пинске. Более того, места судей и старшины в пинском кагале заняли (1796 г.) хасиды.

Эта победа должна была внушить мысль о борьбе с раввинистами на почве общинной (кагальной) власти. Действительно, в Минской губернии хасиды сумели в той или иной мере обезоружить кагалы; несколько лет спустя губернатор свидетельствовал, что каролинская секта «отправляет молитвы свои и прочее без всякого препятствия от древней» (т. е. раввинистов). Пинское событие, вместе с тем, должно было обнаружить пред раввинистами, какую общественную силу они встретили в лице хасидов. И мы видим, что в дальнейшем течении религиозной распри вопрос об общинной власти приобретает важное значение.

Состоявшееся в 1796 г. в Вильне собрание раввинов и представителей кагалов постановило призвать все влиятельные общины Литвы и Белоруссии к борьбе с хасидами. От имени гаона Ильи был разослан циркуляр, призывавший всех бороться с шайкой «людей злых и преступных, именующих себя хасидами». Такой циркуляр был, между прочим, доставлен и в Минск, но здесь хасиды распространили слух, что циркуляр подложен. Тогда последовало второе, еще более суровое послание, обращенное к духовным и светским главарям Литвы, Белоруссии, Подолии и Волыни, требовавшее беспощадной расправы с хасидами при помощи полицейских мер. После этого и минский кагал разослал по губернии от своего имени циркуляр, в котором, между прочим, говорилось: «Приготовьтесь же к борьбе сейчас, и вы будете благословленны! Пусть не щадит никто ни своего брата, ни своего сына (сектанта), пусть скажет отцу и матери — я вас не знаю!.. Каждый уездный кагал должен отдавать приказания в этом смысле окрестным общинам... Ослушников мы в состоянии давить и преследовать, так как мы, слава богу, имеем поддержку со стороны нашего ге-

[3]) Брафман, Книга кагала, II, № 9.

нерал-губернатора, который дал нам полномочия и велел писать евреям в духе божеских и человеческих законов, ибо и (государственный) закон запрещает подобное (сектанство) во Израиле....» [4]).

Возникает сомнение, действительно ли ген.-губернатором была обещана поддержка и не была ли сделана ссылка на него ложно лишь для того, чтобы раввинисты действовали более решительно и открыто. Во всяком случае, администрация не всегда помогала раввинистам. Хасиды также умели приобретать расположение властей. И сами кагалы невольно способствовали этому. Беспорядки и злоупотребления в кагальном хозяйстве, а также обременение населения поборами позволяли хасидам выступать пред администрацией в роли защитников народа, хотя иные цадики сами обирали народ.

В Вильне, в центре литовского края, гнет кагальной олигархии еще в польские времена дошел до крайних пределов. Здесь в течение многих лет тянулась борьба между кагалом и раввином. Представитель простонародья Вильны Шимон Вольфович, попав, по проискам кагала, в тюрьму, обратился с посланием к четырехлетнему сейму о совершенном упразднении кагальной власти [5]). Эти распри уронили достоинство кагала в глазах общества, чем наступление хасидов на кагалы облегчалось.

Когда гаон Илия умер (1797 г.), хасиды, как шла молва, устроили шумный пир. Миснагдим—так стали называть раввинистов, т. е. противников хасидизма—поклялись отметить сектантам. Ведение борьбы с ними перешло в руки «совета пяти мужей», т. е. пяти членов виленского кагала. Среди них наиболее деятельную роль сыграл Моисей Ошерович. Им была вручена вся полнота власти для преследования хасидов.

В один из праздничных дней в виленских синагогах, наполненных молящимися, раздались, во время перерыва богослужения, звуки «шофера», свечи были погашены, и среди мрака и тишины было прочитано следующее постановление кагала: «Если на кого-нибудь будет показано, что он принадлежит к означенной секте..., то такой человек не только отлучается и отвергается от всех и считается чуждым всего святого в еврействе, но вовсе не признается сыном Израиля... Его вино и хлеб запрещено вкушать, он совершенно изгоняется из нашего города, лишается

---

[4]) С. Дубнов, Исторические сообщения, „Восход", 1893 г., кн. VIII.

[5]) С. Бершадский, Литовские евреи, стр. 48 и сл. См. также: Акты, изд. Виленскою комиссией, т. 29.

здесь всякого права владения и подавно не имеет права занимать какую бы то ни было должность в кагале, участвовать в собраниях или в каком-нибудь братстве. Все это делается чрез тайного преследователя... Всякий из нашей общины, который пожелает взять на себя роль преследователя в означенном деле, имеет на то полное право». Иначе говоря,—был провозглашен х е р е м.

Эта исключительная мера заставила хасидов направить свои усилия к тому, чтобы прежде всего лишить кагал возможности об'являть проклятие,—и, действительно, в том же году виленский губернатор Фризель запретил кагалу прибегать к херему. А затем хасиды стали добиваться того, чтобы кагал не решал духовных и гражданских дел, и вот губернское правление. как жаловался Опперович, «запретило нам по нашим духовным законам наказывать евреев, нарушающих обряды религии, позволило каролинам отправлять богомоление не по правилам праотцев наших и не велено кагалу и духовному суду принимать и судить между евреями дел».

Таким успехом хасиды обязаны были не только своим организованным действиям, но и тому, что со стороны миснагдим в религиозных столкновениях принимали участие лишь немногие, близко стоявшие к кагалу; более же широкие круги, повидимому, относились пассивно к междуусобию. Да и иные миснагдим, страдая под гнетом кагала, боролись против него, и тем самым играли в руку хасидам. Так было на Литве.

Группа литовских евреев обратилась в губернское правление с просьбою указать им, каким образом избирать кагальных старшин и членов, так как, мол, не имеется никаких узаконений. Эта мотивировка обнаруживает желание пойти против кагала при содействии власти, так как система кагальных выборов издавна установилась, и если нужны были какие-нибудь изменения, то они должны были быть введены волею еврейского же общества. Правление предложило еврейским к у п ц а м собраться и, пригласив к совещанию нескольких единоверцев, «коих знание, способность и честность известны», сообразно Городовому положению, «не отвергая еврейских постановлений», выработать положение о кагальных выборах. Собрание состоялось, и оно донесло правлению, что старшины кагала и духовного суда избираются ежегодно и что допускается двоякий порядок выборов: парнесовый (?) и гминовый; при первом производят выбор только те, кто купит или иным образом приобретет право голоса от кагала, а при последнем—участвует «и вся чернь без исключений»; на вы-

борах при этих условиях происходят злоупотребления, а потому следовало бы производить впредь выборы по новому порядку, а вместе с тем позволить «выбрать для смотрения за кагалом» трех купцов. Далее, ознакомление с Городовым положением побудило ходатаев просить правительство дать литовским евреям такое же устройство, какое имеют евреи в прочих губерниях, т. е. «по части производства дел, как гражданских, так и уголовных, присоединить (евреев) к магистратам и позволить выбрать в оный (людей) своего закона», что должно было лишить кагал судебных функций [6]).

Видя вокруг себя общее недовольство, виленский кагал все же не хотел выпустить власть из своих рук, и еще с большей энергией пошел против хасидов. И надо думать, что именно из его недр был сделан в 1798 г. донос на главу белорусских хасидов Залмана. Обвинение выставило хасидов не сектантами, а политическими преступниками; говорилось об их действиях, опасных не для еврейского общества, а для государства. В результате— белорусский губернатор получил предписание доставить в Петербург Залмана, а литовский губернатор — произвести расследование и «главнейших здешних сообщников рабина Боруховича прислать за крепким караулом» в Петербург, вследствие чего в Вильне и ближайших поветах было арестовано двадцать два еврея, из коих семерых, признанных «главными сообщниками начальника их», отправили в Петербург [7]). Принятие таких чрезвычайных мер об'ясняется характером эпохи. Еще в 1798 г. литовский губернатор Булгаков уведомил государя, что тамошние обыватели делают «потаенные стачки, неблагоприятные для России, а полезные для французов». Павел I приказал заговорщиков привозить в петербургскую крепость [8]), и миснагдим, повидимому, уже тогда воспользовались тревожными слухами, чтобы представить Булгакову хасидов как политически ненадежных людей, о чем он и дал знать в Петербург [9]).

Когда Залмана допросили в тайной канцелярии, стало ясно, что хасиды — не политическое сообщество, а иноверная секта, и

---

[6]) Архив сената, журнал I отд. 3 департ., 13 августа 1800 г. № 28.—О ходатайстве касательно избрания евреев в магистраты—см. выше, стр. 88.

[7]) Донесение литовского военного губернатора Голенищева-Кутузова от 30 июля 1800 г. С дороги их вернули и освободили.

[8]) Академич. издание сочинений Державина, VI (1876 г.), стр. 708.

[9]) В жалобе Авигдора, о которой речь впереди, говорится: „поступки оной секты, соединенные с вольностью и союзом между собою, усмотрел и бывший в Вильне губернатор, о чем и сюда (Петербург) дал знать".

не усмотрев «в поведении евреев, коих считают в секте той, ничего вредного для государства, ниже развратного в нравах и нарушающего общее спокойствие», государь велел освободить всех заключенных. На этом основании белорусский губернатор дал (15 декабря 1798 г.) знать витебскому земскому комиссару, что «раввин Залман Борухович, по рассмотрении обстоятельств, учинен свободным и секта евреев, каролины именуемая, о с т а е т с я п р и п р е ж н е м е е с у щ е с т в о в а н и и» [10]).

Такие исключительные события 1797—1798 г.г., как херемы, исходившие из Вильны, или заточение Залмана в каземате, должны были остановить на себе внимание и широких слоев общества. Борьба должна была напоминать о себе и благодаря тому, что требовала крупных материальных жертв: враждовавшие стороны добивались содействия местной администрации и сочувствия в столичных канцеляриях, вели пропаганду и т. д., — на все это нужны были большие средства. Можно полагать, что состоявшиеся в Минске в 1796 и 1799 г.г. с'езды представителей от кагалов всего края [11]) имели отношение к междуусобию, и что подобные собрания происходили и в других местностях. Сохранилось известие о с'езде в Остроге представителей Подольской, Волынской и Киевской губерний (1798 г.), который постановил собрать по 15 коп. серебром с души для отправления к государю депутатов «с принесением благодарности за высокомонаршее их покровительство, и с испрошением о даровании им некоторых выгод». Сомнительно, чтобы имелось в виду послать с указанною целью депутацию лично к государю. Вероятно предполагалось послать депутацию, которая хлопотала бы в столичных канцеляриях по злободневному вопросу, а в ту пору религиозная борьба заслонила, кажется, остальные вопросы еврейской жизни. Но так как сбор был подозрителен, то евреи оправдывались тем, что речь идет о депутации к государю [12]) Хасиды были в том крае весьма многочисленны; Залман находился около того времени в заключении, и всей секте угрожал донос из Вильны. Все это позволяет предположить, что собравшиеся в Остроге «старшие рабины» были хасиды. Хасидские источники также сообщают, что особое собрание хасидов постановило собрать

[10]) Из предосторожности за хасидами был установлен надзор: „нет-ли и не будет-ли от них каких потаенных сношений или переписок с развратно толкующими о правительстве и образе правления“ (донесение Голенищева-Кутузова). Эти строки говорят о связи ареста Залмана с брожением в крае.

[11]) Б р а ф м а н, док. №№ 69 и 106.

[12]) Подробности—в моей книге „Евреи в России“, стр. 433—34. Хотя Павел I не любил принимать депутаций, он дозволил упомянутой депутации представиться ему.

деньги для освобождения Залмана, после чего опытные хасиды-дельцы отправились в Петербург, имея при себе шестьдесят тысяч рублей [13]).

Официальное признание за сектой права на существование облегчило ей борьбу с противниками из-за общинной власти. Хасиды успешно выступили против оплота миснагдим—виленского кагала, и виновником этого успеха явился сам виленский кагал, употребляя общественные деньги на преследование хасидов. На 1798 г. подать с евреев Вильны и принадлежащих к ней парафий была назначена в размере 22.000 золотых, между тем кагал, собрав свыше 36.000 зл., в казну внес лишь около 10.000. Принимая во внимание, что казначейские обязанности исполнялись старшими кагальными (роши) и что в «совете пяти мужей», в распоряжение которого была предоставлена касса для борьбы с сектантами, участвовали некоторые старшие кагальные — среди них Ошерович, — не трудно понять, на что уходили общественные средства. И вот хасиды, дав обещание исходатайствовать, чтобы казенные недоимки были уплачены старшинами, а не населением, купили если не активное содействие, то пассивное отношение виленского общества к перевороту, который они задумали произвести в кагале. 4 февраля 1799 г. власти арестовали членов кагала, а бумаги, принадлежащие как кагалу, так и его членам, опечатали; в тот же вечер представители власти явились в сопровождении хасидов в синагогу и об'явили, что члены кагала и духовного суда смещаются. Через два дня состоялись новые выборы, и хотя хасиды численно уступали миснагдим, в кагал вошли восемь хасидов. Из отрешенных восьми членов кагала — среди коих был и Ошерович,—только трое, вероятно, заведывавшие финансами кагала, продолжали в дальнейшем действовать сообща с Ошеровичем; остальные не поддержали его; кое-кто из них указал даже на то, что одна запись в кагальной книге фальшива.

Ошерович, от имени отрешенных старшин, обратился с жалобой к царю, а одновременно, донеся ген.-губернатору обо всем происшедшем, просил: «возвратить прежнему кагалу свое существование купно с духовным судом»; вновь выбранных восемь человек удалить; «с каролинами для изыскания истины назначить в Литовской губернии суд»; запретить каролинам «выдумывать новую секту и обряды». Тогда же другой устраненный член виленского кагала обратился к властям с просьбой о возвращении ка-

[13]) С. Дубнов, Религиозная борьба—„Восход", 1893 г., кн. IV.

галу судебных функций по гражданским делам. Но просителям было об'явлено, что «секта каролинская должна быть терпима и что кагал долженствует заниматься единственно делами обрядов закона и богослужения, не вмешиваясь в гражданские дела, для коих установлены законом особенные места».

Однако, отрешенные старшины не сложили оружия. Сам Ошеровичуже не мог открыто выступать и его заместил известный нам Авигдор Хаимович, шпицкий раввин, смещенный хасидами. Он приехал в столицу и здесь составил обширную записку,—донос на хасидов,—которая и была представлена государю [14]). Авигдор составил записку дипломатически; имея в виду, что секта каролинов была признана терпимой, он ни разу не упоминает этой клички, довольствуясь выражением «новая секта». Правительство так и предположило, что речь идет о новой секте; когда же позже обнаружилось, что Авигдор жалуется на каролинов, дело уже нельзя было приостановить, и Авигдор в дальнейшем не стеснялся называть своих противников «каролинами».

Авигдор утверждал, что его преследователи принадлежат к секте «Шабзус-Цвинкус», т. е. к секте франкистов [15]), которых народ называл «шабсицвинниками» (саббатианцами). Быть может он потому связал хасидов с сектой франкистов, что в то время правительство имело случай заинтересоваться ею.

В начале 1800 г. из-за границы получились письма на древне-еврейском языке по адресу кагалов Волынской, Подольской и Киевской губерний. Это были однородные послания увещательного характера, имевшие целью привлечь евреев к секте. Франка уже не было в живых, но чтобы придать значение посланию, франкисты присоединили к нему воззвания самого Франка, выпущенные в 1767 и 1768 г.г. Послания были написаны красными чернилами, так как красный цвет имел для секты символическое значение [16]). Перехваченные 24 экземпляра были переслапы в Петербург. В них не было найдено «ничего возмутительного или к нарушению тишины клонящегося» [17]), тем не менее

---

[14]) В начале 1800 г. Архив сената, 1800 г., дело минист. юстиции № 85 (напечат. в „Еврейской Старине", 1910 г., вып. I, стр. 90—109).

[15]) См. о них выше, стр. 43—44.

[16]) Послания хранятся в Государственном архиве. Там же и переписка по поводу их (дело № 3460). Ср.: М. Вишницер, „Послание франкистов 1800 г." (Записки академии наук, по историко-филологич. отделу, т. XII, № 3). Указанное дело хранилось в свое время в тайной канцелярии, при чем письма были вынуты и спрятаны в отдельном пакете. Позже они были положены на место. Снимки с писем—см. первое издание настоящей книги (1916).

[17]) Перевод был сделан „надворным советником" Бениомоном Шпейером.

государь повелел наблюдать за евреями, не скрывают ли они «под видом закона иных вредных сношениев» [18]).

В доносе Авигдора говорилось, что сектанты распространяют «вольные злодеятельные сочинения» против священного писания, что они не проникнуты должным уважением к богу; искажая толкование хасидами одного псалма, на основании которого они считали возможным нарушать мелкие обряды, Авигдор утверждал, будто сектанты позволяют нарушать заповеди — не кради, не божися ложно; сектанты «в собраниях своих не иное что делают, как хорошо пьют и едят, то и побуждает их сие к особенным вольностям, чрез которые они между собою учреждают тайные союзы, что может подать повод к величайшим продерзостям и злодеяниям»; сектанты «не имеют пред начальником никакого страха», каковое обвинение не могло не обратить на себя особого внимания правительства.

Но наиболее характерно предложение Авигдора, чтобы члены духовного суда не избирались, а назначались правительством.

Авигдор усердно доказывал библейскими цитатами, что государи могут разрешать спорные дела даже без свидетельских показаний, «по благоугодности своей», дабы «народы оказывали страх и повиновение». Однако Павел I не пожелал решить дело по собственному усмотрению. Прошение Авигдора было послано литовскому военному губернатору Голенищеву-Кутузову. Но в том крае ничего не было слышно о секте «Шабзус-Цвинкус», а потому, так как Авигдор жил в Пинске, прошение было переслано минскому губернатору Карнееву. Здесь дело приняло оборот, неблагоприятный для Авигдора. Об'яснив, что секта, «по ученому Шабсус-Цвинкус, а попросту называемая Китаевою» — это хасиды, Карнеев, возмущаясь желанием Авигдора уничтожить их, сообщил, между прочим, что «секта сия, равно древней их, существуя по городам Минской губернии, ведет себя покойно и все государственные подати платит равно с другими», и высказался против удовлетворения просьбы Авигдора. Голенищев-Кутузов присоединился к этому мнению и представил довольно подробный доклад о хасидах [19]). Заметив, что секта «ничего противного не

[18]) В Петербурге о „красных" письмах узнали в марте 1800 г.; в это время Авигдор и появился в столице; его жалоба была передана для расследования в апреле 1800 г., а не в феврале, как напечатано в „Евр. Старине".

[19]) Голенищев-Кутузов указал, что слово „каролины" произошло от города Карлины и что в Минской губ. их также называют китаевцами, т. к. „ученнейшие между ими, по особому правилу, не могут носить иного платья, как из бумажной материи, и потому носят обыкновенно китайчатое". По словам Ошеровича сектантов назвали каролинами „по их сумасбродству". А Залман заметил, что Авигдор называет хасидов каролинами „по ненависти".

токмо правительству, но и самой их религии в себе не заключает, кроме отриновения ими некоторых заблуждений, помещаемых в последней», он вместе с тем представил Илию гаона человеком, который добился своего положения не только ученостью, но будто бы и «пронырством». Донесения Карнеева и Голенищева-Кутузова были, несомненно, инспирированы хасидами, и это свидетельствует о влиятельном положении, занятом хасидами в то время на Литве. «Дело», образовавшееся из доноса Авигдора, поступило в сенат, который в то время был занят рассмотрением ряда вопросов, касавшихся евреев в России вообще. Однако Авигдору не улыбалось, что решать вопрос будет сенат. Он добился аудиенции у государя [20]) и попросил вытребовать Залмана в Петербург.

Вскоре после этого Залмана вновь арестовали и доставили в столицу. Авигдор полагал, что Залман был обязан своим вторичным арестом исключительно его ходатайству. Так думал и сам Залман. Но могло сыграть роль и одно побочное обстоятельство.

В 1800 г. в Белоруссию был командирован, в качестве сенатора, поэт Державин, чтобы исследовать причины свирепствовавшего там голода, а также составить «мнение» о вреде, который причиняли евреи крестьянам. Но Державин расширил свои задачи, задумав произвести реформу еврейской жизни, и вступил в личные сношения с некоторыми евреями. Этим и воспользовались миснагдим, чтобы очернить хасидов в глазах сановника, как об этом свидетельствует резкий отзыв Державина в «Мнении» о хасидах и самом Залмане [21]). Возможно, что белорусские миснагдим сообщили об этом Авигдору, и он постарался, чтобы в столице было обращено внимание на доклад Державина. Об этом мог позаботиться, конечно, и сам Державин. Во всяком случае, Державин вольно или невольно способствовал тому, что Залман был арестован: 26 октября 1800 г. Державин представил генерал-прокурору свое «Мнение», а четыре дня спустя ген.-прокурор послал приказ об аресте Залмана. Любопытно и то обстоятельство, что в официальной переписке о сектантах встречалось до тех пор лишь наименование «каролины», а не «хасиды»; последнее название ген.-прокурор впервые узнал от Державина и он потребовал ареста «начальника каролинской секты или хасидов».

---

[20]) О том, что Авигдор беседовал с государем, имеется известие в хасидских источниках. Об аудиенции говорит и сам Авигдор: „И так как я понравился государю Павлу, как это всем известно, то я...". („Евр. Старина", 1910 г., вып. II. стр. 275–277).

[21]) О Державине см. ниже.

В столичном судилище Авигдор стал пред'являть Залману обвинения. Когда Залман ответил на первые два пункта, Авигдору было велено письменно изложить обвинения, так как судьи не понимают еврейской речи. Тогда Авигдор выставил еще 17 пунктов, и Залман ответил на них письменно, после чего эти документы были переведены на русский язык. Залман был оправдан [22]).

Но если стало очевидно, что деятельность Залмана не таила в себе никакой опасности для государства, то что же представляла собою в глазах правительства борьба Авигдора с Залманом? Правительство поняло, что идет борьба хасидизма с кагалом. Кагал, крепкий своей вековой организацией, представлявший собою материальную, физическую энергию, стал по пути юного хасидизма, мощного своим религиозным возбуждением и представлявшего собою духовную силу. Чтобы положить конец междуусобию, надо было согласовать эти две враждующие силы. Предоставление кагалу права заниматься религиозно-обрядовыми и богослужебными делами противоречило требованию правительства, чтобы кагал терпел хасидскую секту, ибо хасидизм олицетворял собою протест против его религиозно-бытового уклада, который так зорко оберегался кагалом. И потому правительство вынуждено было взяться за разрешение этой задачи. Последовало повеление «дело между евреями Авигдором Хаимовичем и Залманом Боруховичем, касающееся до их религии и прочего, в сенате рассмотреть и учинить положение, на каком впредь основании быть секте хасидов и кагалам».

Это дело рассматривалось в течение нескольких лет в связи с другими вопросами еврейской жизни [23]). Тем временем междуусобие не прекращалось. Но так как хасиды находили защиту у власти, то их противникам пришлось перенести борьбу как бы в подполье. Между прочим, миснагдим ополчались против хасидских книг [24]). Вообще, в годы религиозной борьбы возникло много типографий — обе стороны нуждались в печатном слове [25]).

---

[22]) Обвинительные пункты приведены в моей книге „Евреи в Росси", стр. 181—184. Перевод составили Лейба Невазович, с которым мы еще встретимся, и Юда Файбишевич. Сообщение об освобождении Залмана—см. сборник „Пережитье", II, стр. 289. Сохранилось своего рода политическое „пророчество", принадлежащее перу Авигдора или Залманам—см. „Евреи в России", стр. 170, подстр. примечание; „Евр. Старина", 1910 г., стр. 280—1, 427—8.

[23]) См. ниже.

[24]) См. „Евреи в России", стр. 187—8 (подстр. примеч.) и 409—30.

[25]) А. Гаркави, „Из истории культуры русск. евреев" (Сборник в пользу начальн. евр. школ, 1896). Ю. Гессен. К истории евр. типографий („Евр. Старина". 1909 г., вып. IV).

Глава пятая.

Ремесленный труд.—Торговая деятельность стесняется существованием „черты оседлости".—Земледелие.—Подати, сборы и повинности.—Самообложение для оплаты внешних налогов и для покрытия общинных нужд.—Коробочный сбор.—Бедственное состояние массы.—Свидетельства современников.—Возобновление попытки переселить евреев из уездов в города.—Отрицательное отношение властей и польских дворян к поголовному выселению.

Евреи занимались ремеслами, крупной и мелкой торговлей, арендовали различные отрасли помещичьего хозяйства и продавали водку.

«Все купечество и все ремесла в польских губерниях большею частью наполнены евреями» [1]). «В здешних городах, а паче в местечках, большая часть ремесленников суть евреи»—читаем мы в современном описании жизни евреев на Литве, и узнаем, что «рукоделия, коими они наиболее занимаются, суть те, которые меньше требуют силы и трудов, как-то: портное, сапожное, золотых дел мастерство, резьба на камне и на металлах и другие легкие; те же ремесла, которые тяжелы, как-то: кузнечное, плотническое, слесарное, столярное, каменного дела, горшечное, кожевенное и тому подобное, между евреями неупотребительны». При этом отмечалось, что «учась какому-нибудь ремеслу, они никогда своей науки не оканчивают; едва только начинают сами как-нибудь работать, тотчас делаются мастерами и заводятся своим хозяйством», что можно об'яснить ранними браками; христиане же более основательно изучали ремесло [2]). В Киеве, по словам губернатора, «из мещан христианского закона нет никаких хороших искусных мастеров и художников (ремесленников),

[1]) Доклад Комитета о евреях 1809 г. „Русский Архив", 1903 г., кн. II, стр. 265.
[2]) С. Бершадский, Положение о евреях 1804 года („Восход", 1895 г., кн. III).

а находятся разные из таковых большею частью евреи» [3]). Отсутствием конкуренции об'ясняется, что в Киеве многие евреи занимались сапожным мастерством. В Минске, где имелись искусные сапожники среди поляков, было мало евреев-сапожников (см. таблицы на стр. 116).

В 1801 г. поверенный белорусских евреев-мастеровых возбудил ходатайство о дозволении им заниматься ремеслами внутри России на общих основаниях (по справке оказалось, что в ту пору в Петербурге во временных цехах записаны были трое евреев). Это вызвало протест: ведь в 1727 г. состоялось повеление о недопущении евреев в Россию! Впрочем, в докладе государю эта ссылка на закон 1727 г. не была повторена, а было сказано, что по повелениям Екатерины II евреи могут жить только в пределах известных губерний. При этом было отмечено, что устав о цехах никого не устраняет—кто «какого бы рода, веры и поколения не был», но царь все же не согласился на удовлетворение просьбы евреев [4]).

Евреи занимались и фабричным производством, но в точности определить число фабрикантов не возможно, так как их порою причисляли к ремесленникам. Можно, однако, привести некоторые отрывочные данные. В Минской губернии, охватывавшей в то время некоторые местности, вошедшие впоследствии в пределы Виленской губернии, евреи содержали (около 1808 г.) следующие фабрики на помещичьих землях: в мест. Илии пять евреев — стеклянный завод; в Городке с 1805 г. двое — кожевенную фабрику; в мест. Друе с 1786 г. двое — мыльный завод; там же трое имели с 1804 г. бумажную фабрику; в мест. Бобовне трое владели с 1799 г. суконной фабрикой [5]). В 1806 г. в пределах Подольской, Минской и Литовской губерний евреям принадлежали семь шерстяных фабрик. В Витебской губ. некоторые евреи делали вату. В Полтаве пятеро занимались изготовлением «иртути, калия, индикта». Кроме того, в разных местностях встречаются «поташники», мыльники и другие, занятие коих приближается к фабричному производству.

Что касается торговли, то в бывших польских губерниях она в значительной части сосредоточивалась в руках евреев. Подоль-

---

[3]) „Евреи в России", стр. 360 (архив сената, дела мин. юстиции 1801 г., дело № 35 „О переселении евреев из Киева").

[4]) Архив сената, дела мин. юстиции, 1801 г., дело № 362.

[5]) В книге „Евреи в России", стр. 360, я дал преувеличенные цифры, неправильно поняв рукописное сообщение (Архив сената, 1 департ., 1804 г., дело № 423)

(1802 г.) Ремесленники в Минске [8]).

	Христ.	Евреи.		Христ.	Евреи.
Портные	4	160	Стопяры	10	2
Скорняки	5	16	Плотники	25	1
Шмуклеры	—	18	Стекольщики	—	4
Позументщики	—	4	Переплетчики	—	2
Ювелиры	2	2	Свечники	—	3
Часовщики	2	2	Токари	—	2
Цырульники	2	10	Кузнецы	12	3
Сапожники	135	2	Мельники	1	3
Овчинники	15	—	Прочих ремесл.	12	—
Белильщики тканей	—	8			
Живописцы	4	6			
Каменщики	30	—	Всего	259	248

(1807 г.) Евреи-ремесленники [9]).

	Киевская губ.	Минская губ.	Екатериносл. губ.		Киевская губ.	Минская губ.	Екатериносл. губ.
Портные	955	686	109	Гребенники	2	—	—
Шапочники	—	80	—	Шлюфари	5	7	—
Сапожники	279	94	15	Мыльники	—	6	—
Серебрянники и золотари (злотники)	102	102	22	Делающие ковры	5	—	—
Медники и котляры	136	57	—	Клейщики	—	5	—
Стекольщики	24	47	—	Маляры	1	—	—
Цырульники	40	115	—	Кожевенники	3	5	—
Шмуклеры	52	86	—	Бондари	1	—	—
Резчики	—	34	—	Плотники	1	12	5
Оловянишники	3	2	—	Войлочники	1	—	—
Кушнера	173	67	—	Бляхари	2	46	—
Ткачи	9	4	—	Овчинники	—	3	—
Винокуры	—	4	5	Красильщики	1	64	—
Столяры	12	15	—	Музыканты	2	33	—
Токари	3	20	—	Перчаточники	—	5	—
Олейники	—	3	—	Селитренные маст.	9	—	—
Часовые мастера	12	30	—	Делающие:			
Переплетчики	8	32	—	пергамент	1	14	—
Мельники	—	6	—	хлопч. бумагу	—	15	—
Гомбары	4	—	—	Колесники	2	1	—
Поташники	—	8	—	Кузнецы	3	4	—
Седельники	2	1	—	Свечники	—	4	—
				Каменщики	—	7	—
				Набойщики	—	2	—

[8]) Из рукописного сборника Росс. публичной библиотеки, F II 195. В городе было: шляхтичей—458, купцов: хр. 56, евр. 29; мещан: хр. 1175, евр. 2689. Среди евреев-мещан: 248 ремесленников, остальные факторы и шинкари. Среди мещани-христиан—кроме ремесленников—поденщики.

[9]) Архив сената, 1 деп., 1804 г., дело № 423. Сохранены наименования подлинника.

ские маршалы так и заявляли, что «большей частью в промысле и руках сего народа состоит коммерция и чрез них только знатный вывоз краевых продуктов производится, откуда коммерческий прибыток, чрез них удерживаемый, к землевладельцам и дворянству переходит» [6]). О торговле евреев в Белоруссии бегло упоминает Державин; впрочем, он замечает, что она едва ли полезна государству и казне. Относительно же Литвы имеется свидетельство, что заграничная торговля евреев вообще [7]) довольно «знатна», но большинство евреев торгует в кредит и они часто делаются банкротами [10]). В черте оседлости евреи «отправляют важнейшую часть торговли». В купечество вступали лишь более крупные торговцы; но и значительная часть мещанства вела коммерческую деятельность, торгуя на ярмарках, обходя с товаром дома и т. д.

Отдельные группы христианского торгово-промышленного класса настаивали, чтобы «внутренние» губернии были закрыты для евреев. Но это противоречило интересам широких кругов христианского населения, и вот почему запрет не всюду осуществлялся в полной мере. Когда в 1800 г. еврейским купцам первых двух гильдий запретили производить в Петербурге оптовую торговлю, здешние купцы-христиане откровенно заявили, что готовы разрешить евреям вести в Петербурге оптовую торговлю, но только «чрез приказчиков или комиссионеров из русских купцов, дабы чрез то воспользовался жалованьем или некоторой частью барыша россиянин, а не еврей». Правда, сенат нашел, что подобный мотив «не может почесться основательным», что нельзя стеснить за пределами черты оседлости оптовую торговлю евреев, несущих общие обязанности и платящих к тому же двойную подать. Но вскоре это право было у них отнято тем же сенатом. Когда белорусские купцы-евреи выступили (1802 г.) с жалобой на стеснения в Москве, сенат, сославшись на злоупотребления со стороны евреев в торговле (контрабанда), а также на существование черты оседлости и двойной подати, признал, что они могут временно пребывать во внутренних губерниях и в столицах «для доправления старых долгов, хождения по тяжебным делам и для общественных их нужд», но не заниматься там торговлей.

---

[6]) и [7]) „Восход", 1895 г., кн. I, стр. 96; кн. III, стр. 88.

[10]) В ту пору банкротство было повсеместным явлением в России. В 1797 г. было постановлено: сдавать злостных банкротов в крепостные работы (архив сената, дело мин юстиции 1797 г. № 279).

Это решение, направленное к охране выгод русского торгового класса путем уничтожения конкуренции, подверглось резкой критике в Государственном совете, некоторые члены которого указывали, что если Городовое положение поощряет оптовую торговлю иностранцев, то «кольми же паче не можно воспретить подданным российским, не маловажную часть населения составляющим и еще двойную подать платящим»; что касается контрабанды, «то частные злоупотребления не могут быть основанием правил на целое состояние»; было также отмечено, что запрещением евреям вести оптовую торговлю внутри России поведет к тому, что торговая связь между губерниями черты оседлости и прочими окажется разорванной; стеснение в торговле отнимет у евреев «важный способ существования, и праздность, их будет только бременем, отягощающим государство» [11]). В результате— Положение 1804 года предоставило фабрикантам, купцам и ремесленникам приезжать по делам на время, с семьями, во внутренние губернии и столицы. Любопытно, что когда в 1802 г. бухарские евреи запросили шкловскую общину о положении евреев в России, шкловитяне ответили, что «всем купцам разрешено теперь торговать и раз'езжать по всей стране, и вы также можете приезжать сюда по своему желанию» [12]).

От землевладения евреи были устранены. По закону 1784 г. не-христиане не могли иметь крепостных христиан, в условиях же того времени крупное землевладение предполагало наличность крепостного труда: до 1800 г. русские купцы и мещане не могли владеть даже незаселенными землями. Случалось, однако, что евреи — под видом аренды — владели землями и пользовались крепостным трудом [13]). Кое-где евреи лично обрабатывали собственные земельные участки, но это были исключения.

---

[11]) „Евреи в России", стр. 356 и след. Журнал Совета от 9 июня 1803 г. Архив Госуд. совета, т. III, ч. II, ст. 739—743. В своих прежних работах я ошибочно отмечал Салтыкова и гр. Воронцова среди сторонников расширения евр. торговли. Воронцов уже и ранее высказывался против расширения торговых прав евреев. Сергей Румянцев считал, что только тогда, когда удастся обратить евреев „к исправлению хлебопашества и всяких обществу полезных работ" в черте оседлости, „можно будет с надлежащими предосторожностями допустить их даже и до повсеместного в России обитания" (Записка о евреях, напечатанная в „Историч. Вестнике". 1881 г., кн. XI, была составлена не министром коммерции Н. П. Румянцевым, как сказано там, а Сергеем Румянцевым).

[12]) Сборник „Пережитое", т. II, стр. 279.

[13]) „Евреи в России", стр. 360 и след.

Как было уже указано, евреи в первое время облагались податью в размере, установленном специально для них; войдя же в состав торгово-промышленного класса, они стали платить те же суммы, что и прочее население: купцы—один процент с об'являемого ими «по совести» капитала, мещане — поголовную подать; купцы уплачивали еще 12 коп. почтового сбора, а мещане, помимо подушной подати в «сорок алтын» и 12 коп. почтового сбора, уплачивали еще по 2 копейки с каждого рубля подушной подати. С 1794 г. евреи вынуждены были платить сборы, подушные подати и налоги, а позже также наследственные пошлины, в двойном размере [14]). Подобно христианским купцам, евреи-купцы и мещане были обложены взамен натуральной рекрутской повинности сбором в 500 рублей за рекрута. Сверх того они уплачивали городские и другие местные налоги, а жившие на помещичьих землях несли еще ряд повинностей в пользу землевладельцев. Наконец, они оплачивали свои общинные расходы.

Значительная часть населения не выдерживала такого налогового бремени, и поэтому кагалу приходилось прибегать к раскладке, т. е. обязывать более состоятельных уплачивать за неимущих. Знакомый нам устав Петровического кагала гласил: «...сбор поголовного и пропинации (т. е. за право выделки и продажи крепких напитков) взимается так: одна половина по числу душ, а для восполнения другой половины повысить сбор с мяса, а если все-таки не хватит, то недоимки с несостоятельных обывателей следует разложить на прочих»; подобным же образом поступали и со сборами в пользу помещика: «все, что следует дать в пользу двора, взимается: половина по числу домов, а другая половина по раскладке, или посредством учреждения нового коробочного сбора, как это делают в других общинах». В Витебске «богатые» платили сбор за пять душ местного населения, «средние»—за три души; кто платил меньше — считался «бедным».

Раскладка сборов иногда поручалась кагалом самому обществу. Так, минский кагал постановил избрать баллотировкой «пять шамоим из высшего, среднего и низшего сословий и поручить им составление раскладки на жителей города» для пополнения суммы, потребовавшейся по случайному поводу [15]). Порою раскладка происходила в кругу небольших общественных групп.

---

[14]) „Евреи в России", стр. 363 и след.

[15]) Брафман, Книга кагала, докум. № 97. Это был, вернее, не сбор, а внутренний заем,—постановление гласило, что „сумма, которая каждым лицом будет внесена по этой раскладке, вычтется ему из первых его взносов по коробочному сбору".

Непосильное обременение населения различными налогами заставляло кагалы прибегать к коробочному сбору, который имел то преимущество, что он уплачивался небольшими суммами, так сказать, изо дня в день, являясь преимущественно косвенным, а не прямым налогом.

Коробочным или кружечным сбором издавна, повидимому, назывались в польско-литовском еврействе налоги, взымавшиеся путем не прямого обложения (подушного с личности, оценочного с имущества), а косвенного. Этот сбор существовал уже в первой половине 17-го века и уже тогда вызывал недовольство в некоторых общинах. Первоначально он служил для покрытия общинных долгов, а затем его стали предназначать и для других целей. Сперва коробочный сбор представлял собою налог на предметы первой необходимости (мясо, молоко, хлеб и др.), но постепенно он был распространен на различные профессии и стал подоходным [16]). Коробочные сборы не всюду существовали (кое-где они устанавливались лишь на время ярмарок), и многие кагалы, уже находясь под русским господством, стали вводить коробочный сбор, испрашивая на это разрешения администрации; некоторые же малолюдные общины так и не установили его у себя.

В Литве значительная часть коробочного сбора употреблялась на уплату старых общинных долгов. В Витебске он был обращен на погашение кагального долга. В других местностях сбором покрывались и прочие кагальные расходы: напр., по Брестскому уезду «расходы на внутренние кагалов надобности» (около 1805 г.). Встречались общины на частновладельческих землях, которые отдавали сбор помещикам в счет причитавшихся повинностей. Иногда сбор обращался то на одну, то на другую цель. Так, минский кагал ввел (1795 г.) коробочный сбор «для покрытия известных долгов»; два года спустя сбор был обращен (быть может, частично) на уплату государственных повинностей, а затем коробочный сбор с торговых предприятий был обращен на уплату податей за неимущих и на покрытие расходов кагала вообще (однажды были истрачены сто золотых на покупку сахара и кофе для начальства). Вообще коробочные сборы шли на самые разнообразные нужды: на содержание духовенства, молитвенных домов, училищ, больниц, общественных бань, на пособие неимущим вдовам и сиротам, погребение бедных: на эти же сборы со-

[16]) История еврейского народа (изд. „Мир"), т. XI, стр. 153.

держался кагал, выполнялись общественные наряды — исправление дорог, наем помещения для полиции и для воинских команд; в отдельных местностях уплачивались подати и повинности за неимущих, увечных и др., производилась уплата процентов по вечным долгам, поземельной подати во владельческих местечках.

Некоторые владельцы городов и местечек брали себе часть коробочного сбора, а иные всю сумму, и в этих случаях для покрытия общинных расходов производилась складка.

Не было общины, которая, пользуясь сбором, не облагала бы им убоя скота и резки птиц; в большинстве это были единственные статьи обложения. Но нередко сбором облагались: продажа кошерного мяса (а иной раз и некошерного), отдельные части животного, водка, соль, хлеб, крупа, пшеничная и ржаная мука, свежая и иная рыба, льняное и конопляное масло, сало, свечи, смола, деготь, дрова, сено, выделанная и невыделанная кожа, листовой табак, «шабашные» свечи, мука, употребляемая в Пасху, бани; сбор взимался и с приезжих торговцев за покупку или продажу товаров. Коробочным сбором облагались также шкуры с волов, коров, телят, козлов и коз. Отдельные кагалы пользовались не всеми этими сборами, а некоторыми из них. Наприм., в конце 18-го века шкловский кагал взимал сбор с мяса и водки а также, повидимому, с капиталов, позже—также с соли.

Весьма разнообразным представлялся сбор по Гродненской губернии. Помимо указанных выше предметов, сбор взимался с с'естных припасов, привозимых иногородними евреями и продаваемых в разнос местными евреями, при чем в последнем случае, как и в некоторых других, сбор определялся с «уторгованных злотов»; сбор взимался также: с суммы денег, на которую приезжий еврей приобретал товар; с заработка местного ремесленника, извозчика, мелкого лавочника, содержателя шинков: с продажи и покупки разного товара; с доходов от сдачи внаймы домов и амбаров; с «авантажа с бильярдов»; с обмена товаров (наприм., пивного солода на ячмень, водочного солода — на рожь); с сплавляемого леса и мног. друг. При этом были таксы: для зажиточных хозяев, для хозяев «посредственного состояния» и для неимущих. Сбор уплачивали также: «имеющие право употреблять к убою скота нож», с каждой штуки скота; цырюльники (каждую пятницу); духовный суд (бес-дин) — с производимых им дел; погребальные братства за вынос тела и погребение; сбором оплачивались: приданое (с каждых ста золотых); свечи, зажигаемые в до-

мах (хозяева делились на указанные выше три группы) и в синагогах по пятницам и праздникам; сбор взимался при расторжении браков (три группы по имущественному состоянию), а также при совершении обряда венчания (только с зажиточных хозяев). Такса по этим сборам, обязательным для всех кагалов Гродненской губернии, не всюду была одинакового размера; города и местечки губернии были распределены на четыре группы в зависимости от численности местного еврейского населения; многолюдные общины уплачивали сбор по более высокой таксе, чем малолюдные.

В большинстве обществ коробочный сбор отдавался на откуп тому, кто предлагал высшую плату; в отдельных общинах, где сумма сбора была незначительна, а потому не было желающих взять его на откуп, сборы взимались непосредственно кагалом или старшинами, специально для этой цели избиравшимися. Арендаторами сбора могли быть и христиане. В договоре, заключенном в 1789 г. витебским кагалом с несколькими евреями о передаче им аренды сбора по окончании срока договора с христианином, было сказано: «Так как арендаторы сами евреи, то они должны собирать коробочный сбор согласно правилам о сборе коробочном, если даже в этом контракте не все было предусмотрено». В некоторых губерниях к району каждого коробочного сбора присоединялась пятиверстная полоса от города или местечка, и все жившие здесь евреи подлежали сбору в пользу данного откупщика; если же между двумя местечками было менее десяти верст, т. е. на каждого из двух соседей-откупщиков приходилось менее пяти верст, пространство делилось между ними поровну.

В иных местностях торги производились администрацией, в других — кагалом; в некоторых губерниях откуп производился поуездно, в других — по каждому обществу отдельно. В незначительных общинах общество или кагал отдавали откуп без торгов данному лицу, иногда даже не заключая особых условий: все ограничивалось тем, что обыватели обязывались покупать у последнего определенные припасы по несколько повышенной, а порою даже по обычной цене.

Коробочные сборы в иных обществах поступали в кассу кагала, в других — в городские думы, магистраты или ратуши; порою в земские или уездные суды, а по некоторым городам непосредственно в уездные казначейства в счет недоимок или податей, причитавшихся с общества; случалось, что откупщик обязывался

расплачиваться с кредиторами общества (казной, частными лицами), а в конце года передавал обществу остатки [17]).

Налоговое бремя, упадавшее чрез посредство коробочного сбора и на беднейшие слои населения, отягчалось злоупотреблениями кагалов. Значительная часть сбора оставалась в руках старшин. Яков Гирш из Могилева сообщает, что из тридцати тысяч рублей, собиравшихся по могилевскому наместничеству, лишь десять шли на общественные нужды. «Остаток же теряется без истинной пользы в руках надсмотрщиков, в которые избираются в могилевском наместничестве ежегодно 41 человек с жалованием в сто рублей. Но как ежегодный выбор сих людей зависит почти единственно от голосов самых богатых евреев каждого места, то сии пособляют чрез то бедным своим свойственникам, которые в тот год службы своей умеют неправедным образом снискать столько имения (состояние) и друзей, что не опасаются уже ни счета (отчетности), ни наказания. По прошествии года избираются на место их другие, которые по примеру первых следуют». Раввин Іуда Леб Марголиот говорит о кагальных, заведующих взиманием подати, которые и открыто, и тайно набивают свои карманы и все тяготы возлагают на неимущих. Вероятно, в связи с кагальными хищениями находится любопытный факт, что шкловские евреи, вопреки желанию кагала, обратились (1786 г.) к владельцу местечка с просьбой взять в свое распоряжение коробочные сборы, освободив население, взамен того, от налога с домов [18]). Надо, однако, отметить, что кагальные старшины нередко вынуждены были прибегать к репрессивным мерам при взыскании сборов, так как за недоимки администрация карала самих членов кагала.

---

[17]) См. мой очерк „К истории короб. сбора в России" („Еврейская Старина", 1911 г., вып. III и IV; отд. издание СПБ., 1912 г.). При составлении означенного очерка, в той его части, которая относится к настоящему изложению, мною использованы — указы сената: 17 июня 1808 г. (разослан 19 апр. 1809 г.), 21 сент. 1817 г., 10 окт. и 10 дек. 1823 г., 7 июля 1825 г., 17 марта 1831 г. (копии в архив гос. совета, деп. законов, 1835 г., дело № 11, стр. 272, 324, 378, 381, 452, 547); указ 12 мая 1826 г. (в нем ссылка на указ 10 окт. 1825 г.); определения 1 департ. сената, 1816 г., № 205/42, 1822 г. № 157/6, 1825 г. № 51/32; из архива общей канцелярии министра финансов, 1823 г., № 36 (559) „О короб. сбор и о способе взыскании податей с евреев"; 1833 г., № 16/262 „О короб. сборе"; 1836 г. № 43 „Положение о короб. сборе".

Ср. также: Регесты и надписи, № 2358. Сборник материалов для истории просвещения в России (СПБ. 1893 г.), т. I, ст. 6—7 (сообщение Гирша из Могилева).

Приведенные здесь данные не все относятся к описываемому времени, но общая картина не страдает от нарушения хронологич. последовательности.

[18]) Евреям гор. Луцка, пострадавшим от пожара, была выдана казною ссуда под обеспечение коробочного сбора (архив минист. внутр. дел, департам. полиции, 1808 г., дело № 205).

Еще тогда, когда состоялся первый раздел Польши, материальное положение белорусских евреев было печально. Могилевский губернатор Каховской, изобразивший в мрачных красках нравственный облик евреев, констатирует, что они бедствовали; торговый класс ничего не имел, кроме чужих денег или товаров, и неудивительно, что евреи-торговцы приводили обывателей «обще с собою» в убожество. Ничего утешительного не представляла собою экономическая жизнь в бывшем польском крае и в позднейшие десятилетия. Внешние неблагоприятные условия — попытки выселения из деревень, двойная подать, помещичьи поборы, — а, с другой стороны, злоупотребление кагалом своей властью, достигшее особых размеров в годины обострения религиозной борьбы, привели к тому, что широкие массы бедствовали. Современники единогласно говорят о нищете, особенно шинкарей, которых так охотно обвиняли в эксплуатации крестьян. Литовский губернатор Фризель заявлял, что в корчмах сидят женщины, а не мужчины, которые «выходят на другие промыслы, поелику доход с шинка часто бывает недостаточен на их содержание». Державин сообщал, что белорусская масса влачит свое существование «в крайнем изнурении и нищете, каковых суть большая часть». О печальном положении особенно ярко свидетельствует доклад киевского губернатора Панкратьева [19]). Из числа почти 20.000 евреев-мещан не менее $^2/_3$ находится в таком состоянии, что не только платить не могут казенных податей, но «с величайшим усилием находят они теперь дневное пропитание». В виду этого Панкратьев ходатайствовал, чтобы евреи уплачивали обычную подать, а не двойную. О том же говорит и Нота Хаймович Ноткин — «от наложения платить двойную подать за прошедшие годы накоплялись большие недоимки; ибо бедные, лишившись способа к жизни, и самые нищие и увечные, находясь не в состоянии оную платить, то к очистке таковых недоимок члены кагалов, к коим все евреи приписаны, быв строго от начальства понуждаемы не только секвестром имения, но и содержанием под арестом, располагали оные на зажиточнейших; из сего произошло, что в несколько крат, а не двойную подать принуждены были платить. К времени от времени число бедных размножается, кои к поправлению своему способов не имеют, а зажиточные неминуемо в худое приходят состояние и раззоряются» [20]).

---

[19]) Архив минист. внутр. дел, департ. полиции исполн., дело 1802 г. № 558 „Об освобождении евреев от двойной подати".

[20]) „Евреи в России", стр. 445 (рукописный сборник Публичной библиотеки).

Однако, власти и окружающее общество игнорировали тяжелое положение еврейского населения. Стремясь, с одной стороны, к заселению и развитию городов, а с другой — к освобождению крепостного крестьянства от соседства евреев, считавшихся виновниками его бедственного положения, правительство упускало из виду, что сами евреи, проживавшие среди крестьян, влачили жалкое существование; оно не хотело отказаться от мысли об удалении евреев из деревень в города, хотя малонаселенные, бедные города, как было указано выше, не могли дать пропитание новым пришельцам, — ведь и без них в городах было более, чем достаточно, ремесленников и мелких торговцев, причем значительную их часть составляли евреи.

Мы уже знаем, что в 1795 г. последовало по вновь приобретенным губерниям распоряжение «стараться переселять» евреев в города, и в том же году тождественное распоряжение было отдано и по Белорусским губерниям [21]). Белорусская администрация тотчас принялась за дело. Но это встревожило владельцев местечек, так как уменьшение местечкового населения грозило им убытком, и повидимому последнее обстоятельство побудило администрацию (1796 г.), оставив евреев в местечках, ограничиться выселением их только из деревень и из корчем, расположенных у дорог. Однако и это оказалось невыполнимым [22]). В это время местечки были приравнены к городам, и таким образом запретными остались только деревни и села.

Выселению из деревень евреи подлежали в качестве членов торгово-промышленного класса. Против них, как особой народности, не выставлялось никаких специфических обвинений. Но вскоре вопрос о евреях, проживавших в уездах, был превращен в «еврейский вопрос», и тогда широкое общественно-экономическое явление стало рассматриваться с точки зрения грубых предрассудков [23]).

В 1797 г., в виду сильного голода, поразившего Минскую губернию, Павел I потребовал, чтобы местные власти совместно с дворянством выяснили причины несчастья и указали, какие меры могли бы смягчить его. Дворяне — вернее, маршалы, т. е. предводители дворянства, нарисовав мрачную картину крестьян-

---

[21]) Соответствующие выс. указы на имя Тутолмина, ген.-губернатора Минской, Волынской и Подольской губерний, 3 мая 1795 г. (Перв. собрание законов, № 17327) и Пассека, белор. генер.-губернатора, в сентябре 1795 г. („Восход", 1895 г., кн. VI, стр. 38—39) последовали по представлению обоих ген.-губернаторов.

[22]) С. Бершадский, „Восход", 1895 г. кн. VI, стр. 39—41.

[23]) Ю. Гессен, Закон и жизнь.

ской жизни, указали на ряд причин — невежество и незнание сельскохозяйственного дела, невзгоды, связанные с тревожными политическими событиями, частые неурожаи на песчаной и низкой почве, падежи скота, «неспособность в некоторых местах к торговле», отсутствие путей сообщения. Но маршалы умолчали, что основным злом крестьянской жизни являлась крепостная зависимость. А так как перед стихийными бедствиями обычные административные распоряжения были бессильны, с другой же стороны, в виду разразившегося голода, требовалось принятие мер, которые хотя бы внешним образом свидетельствовали, что помещики озабочены улучшением положения крестьян, то маршалы и постарались найти виновников крестьянских бед.

В первую очередь был выдвинут еврей: при всех отмеченных невзгодах «вящшею еще причиною суть евреи, на арендах и шинках владельцами удерживаемые... которые, без собственного труда проживая с немалыми семействами в селениях, и последнее с крестьян разными сведомыми им средствами высасывают»... Далее последовали священники всякого исповедания, вымогательствами приводящие крестьян в крайнюю бедность. Наконец, были привлечены также дворяне, удерживающие евреев на арендах и шинках, притесняющие крестьян и разрушающие сельское хозяйство тем, что сдают свои земли в краткосрочную аренду, побуждающую арендаторов вести интенсивное, хищническое хозяйство, обессиливающее землю. И маршалы постановили: положить предел вымогательствам со стороны священников: запретить краткосрочные аренды; напомнить помещикам, что они не смеют облагать крестьян противозаконными сборами; дозволить крестьянам вывозить свои продукты и продавать их по своему усмотрению, не придерживаясь прежнего «неистового» обыкновения продажи одному только арендатору: запретить винокурение «евреям и прочим арендаторам» [24]); они могут лишь торговать помещичьей водкой, не давая ее, однако, в долг крестьянам под заклад вещей, хлеба и проч.

Павел I предписал минскому губернатору, впредь до выяснения вопроса, принять меры в соответствии с постановлениями маршалов: ограничить права евреев, разоряющих крестьян, и духовенства, притесняющего их, и упорядочить сельское хозяй-

[24]) Винокурни поглощали много дров, и арендаторов упрекали в том, что они хищнически вырубали помещичьи леса; предполагалось что помещики более бережливо обращались бы со своим лесом.

ство путем продления срока аренд [25]). Но когда затем постановление маршалов поступило на рассмотрение сената, ответственность за бедственное состояние крестьян легла уже всем бременем на евреев.

Заявив, что поселяне находятся в крайней бедности «не столько от ежечасных там неурожаев, сколько от того, что владельцы держат в селениях своих евреев на арендах и шинках», сенат умалил значение стихийных бедствий, поражавших крестьян, затушевал деятельность христиан, подобно евреям занимавшихся содержанием шинков, обошел молчанием предложение маршалов, чтобы начальство оказывало кресьянам защиту от жадных помещиков; с другой же стороны сенат напомнил, что закон требует переселения евреев из деревнь в города. И такая постановка вопроса должна была получить тем большее значение, что, задумав ввести однообразные порядки во всех бывших польских губерниях, сенат потребовал мнений от губернаторов и дворянства прочих польских губерний, причем, разослав им копию постановлешя минских маршалов, высочайше одобренного, он предуказал характер ответов.

Никто из властей и маршалов не сказал, будто евреи — хотя бы наряду со священниками — в действительности являются главными виновниками бедствий крестьян. Вообще маршалы отметили различные причины и различных виновников крестьянского кризиса. Действительно, в отношении шинка и аренд евреи не могли быть признаны единолично ответственными, так как шинкари и арендаторы творили волю помещика, и в их числе были не одни евреи, но и христиане. Мы видели, что минские маршалы, добиваясь того, чтобы винокурение фактически оставалось в руках лишь дворян, ополчались не только против евреев, но также и против христиан, занимавшихся содержанием аренд и шинков. То же было и в других польских губерниях [26]). Тем не менее, среди шумной тревоги, вызванной ужасом голода, громче всего произносилось слово «еврей»! Из трех общественных групп,

[25]) Минский губернатор Захар Карнеев считал главной причиной экономического кризиса краткосрочную аренду. Что касается евреев и священников, то он нашел достаточным опубликовать постановления маршалов, которые должны были избавить крестьян „от многих притеснений, наносимых необузданным нравом евреев и попов" (Архив сената, I отд. 3 деп., 1797 г., дело № 64 „Об утверждении мнения двор. маршалов Минской губ. об ограничении прав евреев").

[26]) Подольские маршалы просили, чтобы винокурение не было отдаваемо в аренду не имеющим на то права „не только евреям, но и христианам"; подобное же заявление сделал начальник Минск. Вол. и Под. губерний: винокурение должно быть запрещено „евреям и другим состояниям, не имеющим на то права".

окружавших крестьянина,—помещиков, священников и евреев—фигура еврея представлялась наиболее рельефной. С ним—как могло казаться — легче всего было расправиться. Упускалось из виду, что помещики, евреи и крестьяне были связаны тяжкой цепью взаимной экономической зависимости, и насилие над одним из невольных союзников должно было отозваться и на других.

Считаясь с требованиями векового экономического строя в бывшем польском крае, ни местные власти, ни дворянство не поддержали идеи о поголовном удалении евреев из селений; но, чтобы численность еврейского населения в деревнях не превышала экономических сил крестьян, как производительного класса, было предложено лишь разредить евреев в уездных селениях, т. е. излишек разместить по городам, а также по пусторожним землям для сельскохозяйственного труда [27]).

Полная невозможность осуществить меру выселения стала вскоре общепризнанной. Даже немногочисленные христиане-мещане, жившие в деревнях, не подчинились указу о выдворении оттуда всех вообще мещан. Поэтому в 1801 г. был повсеместно вновь разослан указ — удалить непременно мещан в города.

Это распоряжение должно было, между прочим, распространиться также и на Белоруссию. Но поверенные «белорусского еврейского общества» выступили с прошением, в котором указывали, что подобное общее требование не может иметь силы для Белоруссии, где действуют особые местные постановления, предоставляющие помещикам по своему усмотрению отдавать винокурни и корчмы на откуп евреям, и сенат, сославшись на свой прежний указ [28]) о том, чтобы белорусских евреев не принуждали переселяться в города, удовлетворил ходатайство белорусского еврейского общества [29]). Евреи остались на своих местах.

---

[27]) Материалы, опубликованные С. Бершадским („Восход", 1895 г.) были проверены и дополнены мною по делу архива сената I отд. 3 департ., 1797 г. № 64, См. также мою книгу „Евреи в России", стр. 18 и след., 298 и след. (первоначально в журнале „Восход", 1903 г., кн. IV и V). В названном исследовании имеются кое-какие неточности, но они не представляют, впрочем, чего-либо серьезного.

[28]) Указ 1786 г. См. выше, стр. 73.

[29]) Определение I отд. 3 деп. сената, 27 января 1802 г. „О нечинении евреям в Белоруссии в промыслах и жительстве стеснения" (напечатано в моей книге „Евреи в России", стр. 455—456). В это время новороссийское губ. правление обратилось в сенат (с хоцатайством, чтобы евреев не выселяли из уездов, так как „нет следов заключить, чтобы те еврии составляли какое-либо для крестьян отягощение". Архив сената, I отд. 3 деп., 1800 г. дело № 317. „О переселении евреев Белорусской губ. из уездов в города".

Глава шестая.

Взгляды передовых кругов на обновление народного быта.—Призыв к просвещению и производительному труду.—Реакционный и либеральный проекты реформы еврейской жизни.—Учреждение комитета из высших чинов для разработки еврейской реформы.—Участие передовых евреев и кагальных депутатов в совещаниях комитета. Их взаимоотношения.—„Вопль дщери иудейской".

Видя пред собою печальную картину экономического и морального упадка народа, более вдумчивые евреи находили, что для его возрождения необходимо насаждение общего образования и производительного труда. Но это дело, требовавшее наличности творческих сил и денежных средств, представлялось особенно трудным среди народа, с одной стороны, ограниченного в праве передвижения, а, с другой, порабощенного господствующим классом, поддерживавшим предрассудок, будто усвоение светских знаний равносильно измене религии и народу, а физический, в особенности земледельческий, труд—является неприличествующим.

В своем месте мы упомянули о проекте Якова Гирша создать сеть общеобразовательных школ, чтобы помочь «невежеству и следственно бедственному и презрительному состоянию несчастных соотчичей». В чем же заключалось это «невежество» по мнению просвещенных евреев, критически относившихся к окружавшей их действительности. Об этом мы узнаем из записки «Может ли еврей стать хорошим и полезным гражданином?», составленной врачем Ильей Франком, получившим медицинское образование в Берлине и практиковавшим в местечке Креславке (Двинского уезда).

Только хороший человек, говорилось в записке, может быть хорошим подданным; одни только добрые нравственные убеждения создают гражданскую добродетель; между тем нравственный характер евреев в последние века изменился к худшему и вследствие этого они стали вредными подданными; однако, есть возможность их исправить; еврейская религия в своей первоначальной чистоте покоится на требованиях строгой морали: но позднейшие

еврейские народные учители исказили истинный дух вероучения, путем «мистико-талмудических лжетолкований» библии, извратили понятие о правде и неправде и, руководимые личными выгодами, они, «чтобы держать народ в стороне от просветительных стремлений, ввели строгие законы, с целью обособить евреев от остальных народов, внушили евреям глубокую ненависть ко всякой другой религии» и возвели стену из суеверных представлений, отделившую еврея от окружающего населения; с другой стороны, христианское общество позволяло евреям добывать средства к жизни только такими способами, которые лишали их нравственного достоинства: торговля и ростовщичество питали мелкие эгоистические страсти и низменные побуждения, убивали порыв к великим деяниям и к нравственному усовершенствованию; таким образом, чтобы нравственно и политически возродить евреев, их нужно вернуть к первоначальной чистоте их религии. Евреи не уклонились бы от истинного духа религии, если бы, зная хорошо еврейский язык, могли читать и понимать библию; как только еврей ознакомится с еврейским языком — «с его глаз падает повязка, он ясно видит тогда глупости Талмуда, спешит неудержимо к своему нравственному возрождению»; таким-то путем знаменитый Мендельсон просветил самого себя и своих немецких единоверцев; поэтому реформа еврейского быта должна начаться с открытия общественных школ, в которых молодежь обучалась бы русскому, немецкому и еврейскому языкам; правда, при такой системе — говорит Франк — только будущее поколение просветится, и государство увидит пользу от еврейских подданных спустя лишь долгое время, после значительных затрат; но никакая другая, быстрая и насильственная, реформа не сможет внести прочное улучшение.

Быть может Франк и не имел единомышленников в мрачной оценке нравственного состояния народа; возможно, что резкий отзыв Франка о современном еврейском обществе был вызван известной озлобленностью, душевной неудовлетворенностью образованного человека, заброшенного слепою судьбою в захолустье. Но нет сомнения, что все — повидимому, немногочисленные — передовые евреи разделяли мнение, что путь к моральному обновлению народа лежит через общеобразовательную школу. Такое значение школе придавал и упомянутый выше Нота Хаимович Ноткин [1]). Однако, он не считал, что ее одной достаточно

[1]) Юл. Гессен, К биографии Ноты Хайм. Ноткина (еженед. „Будущность, 1901 г., № 45). Также в книге „Евреи в России", стр. 40 и след.

для возрождения народа. Он придерживался того мнения, что спасение народа — в производительном труде.

Когда в связи с голодом в Минской губернии на очередь должен был стать старый вопрос о проживании евреев в деревнях, Ноткин не последовал установившемуся обыкновению хлопотать в таких случаях об оставлении евреев на местах. Сознавая, что чрезмерное скопление евреев в деревне не соответствует ни их интересам, ни общему местному экономическому положению, Ноткин задумал часть евреев из деревень направить на юг России с целью привлечь их там к производительному труду, чем было бы достигнуто не только улучшение экономического состояния евреев, но и поднятие их духовного уровня. Воспользовавшись знакомством с генерал-прокурором А. Б. Куракиным, Ноткин передал ему для представления государю соответствующую записку. Вегло рассказав о том, как помещики в польские времена склоняли евреев к винокурению, как экономическое положение евреев в Белоруссии ухудшилось благодаря тому, что их лишили права заниматься винокурением, стали выселять из деревень и обложили податью в двойном размере, Ноткин предложил водворить (очевидно, на средства казны) часть еврейского населения колониями на юге, у Черного моря, где поселенцы на землях, отведенных казною, могли бы заниматься размножением овец, насаждением виноградных лоз, разведением шелковичных червей и проч.; для того же, чтобы развить ремесла, наиболее необходимые государству, Ноткин проектировал учредить вблизи черноморских портов суконную, прядильную, канатную, парусную и др. фабрики, на которых евреи обучались бы этим производствам; особая комиссия [2]) имела бы право определять евреев обоего пола на фабрики, с тем, однако, чтобы они не были обращены в крепостную зависимость. Этим путем Ноткин надеялся создать более благоприятные экономические условия и для тех, кто останется на старых местах.

Возвысив голос в пользу привлечения евреев к физическому труду, Ноткин выступил против предрассудка, будто подобный род занятий непристоен [3]); предложив же, чтобы физическим трудом занялись не только мужчины, но и женщины, Ноткин, можно

[2]) Рукописное отделение Российской Публичной библиотеки, F II 195. В рукописи утрачены четыре страницы, благодаря чему многое в проекте неясно.—„Евреи в России", стр. 443—446. См. также мою статью: „К материалам по истории Положения для евреев 1804 года" („Книжки Восхода", 1900 г., кн. VI).

[3]) По свидетельству Державина, белорусские кагалы высказались против земледельческого труда, заявив, что „евреи способности и привычки к хлебопашеству не имеют и в законе своем находят к тому препятствие".

сказать, выступил в роли бунтаря против давнего общественного уклада. Но, помимо этого идейного значения, записка Ноткина не осталась без известных практических результатов. Его мыслью о привлечении масс к производительному труду воспользовался Державин в своем проекте еврейской реформы, а оттуда она пошла дальше.

Державин написал этот проект в 1800 году, когда он был командирован в Белоруссию в виду голода, поразившего местных крестьян, которым помещики «из безмерного корыстолюбия» не хотели оказать помощи в тяжелую годину [4]). Можно думать, что Державин занялся еврейским вопросом, надеясь стать во главе проектированного им особого ведомства по еврейским делам [5]).

Однако, было и другое обстоятельство, заставившее его сосредоточить свое внимание не на помещике и не на крестьянине, а только на еврее. Державин имел случай убедиться, что даже желая улучшить материальное положение крестьян, правительство ни в каком случае не согласится на умаление власти помещика над крестьянами, а этим подрывалась возможность заставить помещика облегчить условия экономической жизни крестьян. Когда в 1799 году Павел послал Державина в Белоруссию, чтобы расследовать жалобы на владельца Шклова, Зорича [6]), угнетавшего как евреев, так и крестьян, Державину было поручено оказать защиту всем тем, «кои притеснение претерпели». Но уже вскоре последовало раз'яснение, что жалобы крестьян не должны быть им принимаемы — подобный пример мог бы «произвести волнование» [7]). И об этом Державин не мог не вспомнить, когда он вторично прибыл в Белоруссию, чтобы выяснить причины голода и принять меры к предотвращению подобных несчастий.

Экономическое положение Белоруссии предстало пред Державиным в самых темных красках. По его словам, поляки-поселяне «ленивы в работах, чужды от всех промыслов, нерадетельны в земледелии, не заботятся о будущем, но ищут как бы прогулять время и отлынять от трудов»; помещики, за небольшими исклю-

---

[4]) См. выше, стр. 112.

[5]) Ср. мою книгу „Евреи в России", стр. 32—34 (также: „Записка" Державина, как историко-общественный памятник", сборник „Будущность", 1900 г.). Указанные там документы, напечатанные в академич. издании сочинений Державина, имеются также в рукописях в архиве сената: дело минист. юстиции, 1800 г. № 251 (новый № 2379

[6]) См. о нем выше, стр. 92—93.

[7]) Архив сената, дело минист. юстиции, 1799 г., № 1326. „По имянному указу о командировании в Белор. губернию сенатора Державина для разбора жалоб, на отст. генер.-лейт. Зорича вступаемых". См. „Евреи в России", стр. 34 и след.

чениями, «не суть домостроительны»; свои доходы они извлекают преимущественно из куренья водки; сдавая имения в аренду, они не охраняют крестьян от притеснений, заставляют их продавать продукты своих трудов арендатору и у него же покупать все необходимое и т. д. Однако Державин не осмелился предложить меры к обузданию помещичьего произвола — напротив, он говорил, что за помещиком нужно сохранить полноту власти над крестьянином; с другой стороны, свое неблагоприятное мнение о самих крестьянах он высказал в таких выражениях, которые не шли бы вразрез с официальной версией, что первоисточником экономического распада крестьянской жизни являются евреи, так как, не имея возможности коснуться взаимоотношений между помещиком и крестьянином, Державин должен был направить свое внимание исключительно на еврея, который только один и мог стать об'ектом самых суровых правительственных распоряжений.

И Державин занял такую позицию, несмотря на то, что он вовсе не считал евреев главным виновником тяжелого положения белорусских крестьян.

Из одного письма, в котором Державин откровенно высказался о положении дел в Белоруссии, мы узнаем, что об'явив евреев в официальной записке главными виновниками бедствия крестьян, Державин был далек от искренности. Вот что он написал генерал-прокурору Обольянинову: «Трудно без погрешения и по справедливости кого-либо строго обвинять. Крестьяне пропивают хлеб жидам и оттого терпят недостаток в оном. Владельцы не могут воспретить пьянства для того, что они от продажи вина почти весь свой доход имеют. А и жидов в полной мере обвинять также не можно, что они для пропитания своего извлекают последний от крестьян корм. Словом, надобно бы всем сохранить умеренность и через то воспользоваться общим благоденствием. Но где же, и кто таков, кто бы в полной мере соблюл оную? Всяк себе желает больше выгод» [8]).

Высказав подобный взгляд, Державин, повторяем, все же счел себя вынужденным направить главный удар на евреев, представлявших собою среднее звено в той экономической цепи, тяжело-лежавшей на всем крае, на концах которой стояли помещик и крестьянин. И вот почему свою записку о голоде в Белоруссии он озаглавил «Мнение сенатора Державина об отвращении в Бе-

[8]) Дело минист. юстиции, 1800 г., № 251 (№ 2379).

лоруссии недостатка хлебного обузданием корыстных промыслов евреев, о их преобразовании и о прочем» [9]).

«Корыстными промыслами» являлось фактически одно лишь посредничество между помещиком и крестьянином. А в этом, в сущности, не было вопроса специально о евреях; сам Державин имел в виду устранить всякого посредника, — будь то христианин или еврей — который в качестве шинкаря и арендатора нередко пользовался теми правами над крестьянами, которые принадлежали помещику. Подобно минским и другим маршалам, Державин предлагал аренду дворянских имений купцам и мещанам, «христианского ли они закона или жиды, вовсе запретить, дабы люди несвойственными своему состоянию упражнениями не занимались», чтобы винными промыслами не смели заниматься «окольная шляхта, нищерные бояре и жиды». Несмотря, однако, на это, фигура еврея все же выросла под пером Державина до таких размеров, что заслонила собою и самих крестьян, и помещиков, и христиан-арендаторов.

Все зло заключалось, по его словам, в том, что евреи при своей многочисленности «не пахивают для себя хлеба, а достают оный от крестьян». Это замечание было, в известной мере, правильно; но скопление евреев на помещичьих землях, являвшееся одним из результатов общественно - хозяйственных отношений в крае, отнюдь не служило источником всех бед.

Возникал вопрос, что же делать с массою евреев, подлежавших удалению из деревень? На этот вопрос и ответил Державину Нота Ноткин, представив ему [10]) упомянутый выше проект о переселении евреев на юг колониями. И Державин, поняв, что прежние распоряжения о выводе евреев из деревень не могли быть осуществлены, так как «средства к тому подано не было» [11]), не была облегчена возможность перехода шинкарей к другим занятиям, — воспринял мысль о привлечении евреев к производительному труду.

---

[9]) Оригинал „Мнения" находится в рукописном отделении Росс. Публ. библиотеки (F II 195). Напечатан в академич. издании сочинений Державина, т. VII (1878 г.); в сокращенном виде—в „Архив историч. и практич. сведений" (Спб., 1862 г.), кн. IV, стр. 60—84.

[10]) При письме от 30 авг. 1800 г. Из рукописн. сборника Публ. библиотеки F II 195 („Евреи в России", стр. 443—444, подстр. примечание). Сославшись на записку Ноткина, Державин приложил ее к „Мнению".

[11]) Письмо Державина к Обольянинову. Дело минист. юстиции, 1800 г. № 251. „Евреи в России", стр. 453—454. Державину потому, между прочим, так улыбалась колонизация евреями южного края, что оттуда было далеко до „внутренности России". Он даже особо оговорил, что евреев-купцов не следует пускать за черту оседлости.

В этом заключалась экономическая реформа. На ряду с ней Державин выдвинул вопрос о «нравственном» преобразовании евреев.

Отчасти под воздействием польской агитации, а вместе с тем в силу, якобы традиционного, решения, что Россия не должна терпеть у себя евреев, многие русские люди утвердились во взгляде, что во имя экономического господства христианского населения должны быть приносимы в жертву самые элементарные права и насущнейшие нужды евреев, причем для верного успеха таковая экономическая борьба нередко переносилась искусственно на религиозную почву: стеснение в правах (жительства, занятий и др.) мотивировалось тем, что еврей чужды христианской морали, а потому их общественно - экономическая деятельность направлена, мол, во вред христианам, и в этих случаях ритуальный навет служил порою лишней аргументацией.

Мы видели выше, как пытался Державин использовать кровавое обвинение. Он же содействовал распространению веры в навет [12]) и взгляда на евреев как на заклятых врагов христиан. Он старался доказать, что еврен — враги христиан не только в вопросах религии, но и в повседневных отношениях; даже в обычных привычках и в их житейских действиях будто бы скрывается злобный умысел.

Это убеждение было внушено ему, между прочим, и известным нам Ильей Франком, который составил для него ту записку «Может ли еврей стать добрым и полезным гражданином?», которая приведена выше. Услышав из уст Державина многообещающие слова: «Раз промысл сохранил этот маленький рассеянный народ, то и мы должны позаботиться об его сохранении» (повторенные в «Мнении»), Франк, в уверенности, что видит пред собою просвещенного сановника, проникнутого желанием приобщить евреев к общей культуре, поведал ему то, что не могло быть правильно воспринято Державиным, не знакомым с жизнью евреев, не питавшим ни малейшего доброго чувства к ним [13]).

Державин воспользовался этой запиской, как палитрой—он нашел на ней краски, пригодные для того, чтобы нарисовать

---

[12]) См. выше, стр. 101—102.

[13]) Франк послал записку Державину 6 сент. 1800 г. из Креславки (Krashlau) Дело минист. юстиции, 1800 г., № 251 (2379). См. „Евреи в России", прилож. № 2. См. мою статью „Из прошлого. Еврей — вдохновитель Державина" (еженед. „Восход". 1903 г. № 10). В письме к Обольянинову от 26 окт. 1800 г. Державин указывает, что мысль о нравственном возрождении евреев заимствована им „из рассуждений некоего просвещеннейшего немецкого еврея" и он приложил записку Франка („Евреи в России", прилож. № 5).

мрачную картину еврейской жизни. Многие слова Франка рассыпаны в «Мнении» — там, где говорится о низком уровне нравственного состояния евреев. Но, вместе с тем, Державин воспринял мысль Франка о приобщении евреев к просвещению, которое в итоге установит братское единение между ними и христианами. И эта мысль легла в основу культурной реформы, предложенной Державиным: еврейские дети обязывались посещать школы с общеобразовательной программой. Духовно возродить евреев—эта задача показалась заманчивой Державину. Однако, его озабочивала мысль не столько о благе самих евреев, сколько о том, чтобы сделать их безвредными для христиан; когда распространение просвещения среди евреев «даст плоды, приятные христианству», тогда только, не ранее, «развращенные евреи, если переменят свои суеверные обычаи, будут российского престола прямыми подданными»; до наступления же этого будущего надо парализовать не только господство евреев над окружающим населением, но даже обычное житейское сближение с ним. И вот, ставя себе теоретически задачей просветить евреев и, «истребив в них ненависть к иноверным, сблизить их с ними», Державин пока-что кладет преграды для общения между евреями и христианами, запрещая, напр., евреям пользоваться услугами христиан, требуя, чтобы евреи жили во владельческих местечках обособленно от христиан, на особых улицах, и предлагая — в угоду белорусскому торгово-промышленному классу — устранить евреев от участия в общественном самоуправлении [14]).

Отдалить евреев от крестьянской массы и приобщить их к окружающей культурной жизни — таков был лозунг, продиктованный на пороге 19 века запутанными общественно - экономическими отношениями в бывшем польском крае. Те явления, которые побудили Державина выдвинуть вопрос об изменении экономического быта евреев и о приобщении их подрастающего поколения к общему просвещению, были присущи не одной лишь Белоруссии, но всему бывшему польскому краю. Вот почему начала, на которых выросло «Мнение», служили основанием и для других проектов еврейской реформы, выработанных в ту пору.

Таковым был и проект, составленный литовским губернатором И. Фризелем (1800 г.), хотя и внутренняя цель, которую преследовал Фризель [15]), и средства, помощью которых он хотел

[14]) Подробности—см „Евреи в России", ч. I, гл. II и III. Также: „Записка Державина, как истор.-обществ. памятник" (еженед. „Будущность", 1900 г.).

[15]) Проект Фризеля (архив сената, I отдел. 3 департ., 1797 г., дело № 64; опубликован Бершадским—„Восход", 1895 г. кн. III) поступил в сенат в апреле 1800 г.

ее осуществить, в корне отличают его проект от «Мнения» Державина. Все зависело от того, рассматривалась ли еврейская жизнь с точки зрения общегосударственных интересов, включающих в себе элементарные нужды всего населения, или же с точки зрения интересов только определенных групп христиан.

Крепостная зависимость крестьян, помешавшая Державину подойти к корню зла, заставила и Фризеля разрешить экономическую проблему по трафарету. Он смелее, чем Державин, указывал на своеволие помещиков и на необходимость оберегать крестьянина от их безграничной власти. Все же сколько-нибудь серьезно изменить положение крестьян нельзя, «так как — указывал Фризель — приведение в действие сего намерения может иногда сей непросвещенной части народа внушить более покушений искать себе свободы, нежели дозволить ему можно пользоваться оною». Поэтому и в проекте Фризеля ближайшей осуществимой мерой к поднятию благосостояния крестьян является устранение евреев от питейного промысла и привлечение их к производительному труду. Однако, на ряду с этим, Фризель выдвинул и такие меры, которые были подсказаны заботой о нуждах самих евреев, — предложив уравнять литовских евреев (не пользовавшихся участием в сословном самоуправлении) в правовом отношении с прочим населением, он тем самым открывал пред ними некоторый путь к улучшению их экономического положения.

Гражданское равенство вместе с общеобразовательною школою должно было, по мысли Фризеля, также ослабить фанатизм, вылившийся в ту пору на Литве в крайне уродливые формы благодаря обострившейся религиозной борьбе между хасидами и раввинистами, и вообще очистить еврейскую жизнь от пережитков. Раз евреи, в качестве купцов, ремесленников и земледельцев, были бы уравнены в правах и обязанностях с соответствующими христианскими классами, прекратилось бы собирание казенной подати чрез посредство кагалов: кагал утратил бы также значение судебного учреждения, так как «всякий класс имел бы свое судилище», и в результате «уничтожились бы кагалы, а с ними и тысячи несправедливостей», т. е. случилось бы то, чего желали[16]) и многие евреи (остался бы один лишь духовный суд).

---

16) Державин, предлагая упразднить кагал, имел в виду не избавить еврейское население от кагального гнета, а охранить христиан от опасности, которою, будто бы, кагалы им угрожали.

Державин и Фризель — это были два голоса [17]), звавшие правительство в противоположные стороны: Державин — во имя частных интересов отдельных групп христианского населения — на путь общественного унижения евреев, ограничения их в правах; Фризель же, веря в живую силу гражданской свободы, предлагал, для общего блага, сбросить с евреев те путы — наследие отошедших веков, — которые не соответствовали новым условиям государственного быта.

Благодаря, очевидно, личным связям Державина (ставшего вскоре министром юстиции) его записке было отведено первенствующее место среди документов, собранных к тому времени по вопросу о евреях [18]) правительством.

В середине 1802 года, когда в государственном совете шли споры о праве торговли евреев за пределами черты оседлости, граф Кочубей, сопровождавший государя в путешествии по России, сообщил, что по возвращении в столицу государь учредит комитет, который мог бы «представить виды для общего положения о евреях»; при этом, как об'яснил Кочубей, «разные обстоятельства до них (евреев) относящиеся, самому государю в проезд чрез польские губернии представившиеся, и разные представления о положении их меру сию его величество нужною почитать заставляют» [19]).

Согласно указу 9 ноября 1802 г. учрежденному «еврейскому комитету» было поручено войти в ближайшее рассмотрение проекта Державина, касавшегося белорусских евреев, и «распространить благоустройство евреев и в прочих приобретенных от Польши, а равно и в полуденных губерниях» [20]).

Личный состав комитета заслуживает внимания. Молодой Александр I не сразу отрекся от либеральных идей, которыми он увлекался в те дни, когда был наследником престола. Воцарившись, он предоставил бюрократическому механизму действовать в прежнем направлении, но, тем не менее, не переставал раз-

[17]) В то время с проектами евр. реформы выступали лица, принадлежащие к разнообразным классам. Некоторые из проектов (из рукоп. сборника Росс. Публичной библиотеки) разобраны в моей книге „Евреи в России", стр. 98—108 (еженед. „Будущность", 1900 г. №№ 24 и 25 „К обывательской литературе конца 18 и начала 19 в.").

[18]) Генерал-прокурор Обольянинов испросил у государя (10 дек. 1800 г.) разрешения внести „Мнение" в сенат, где уже были собраны материалы по евр. вопросу; 23 июня 1802 г. сенат постановил приобщить все эти материалы к „Мнению".

[19]) Архив госуд. совета, том III, ч. II, стр. 743.

[20]) Архив сената, именные указы, т. 253, л. 206 (напечатан у Бершадского, кн. Голицына, в моей книге „Евреи в России", стр. 74).

мышлять о коренном преобразовании государственного устройства. Не поверяя своих мечтаний правительству, он делился ими в интимном кругу своих личных друзей. Некоторые члены этого как бы «тайного совета» постепенно заняли видные должности.

И вот двое из них — министр внутренних дел граф Виктор Кочубей и товарищ министра иностранных дел кн. Адам Чарторыйский — вошли в состав комитета об устройстве евреев; членом комитета был назначен также близкий государю граф Северин Потоцкий. Но наряду с ними в комитет вошел представитель старого режима министр юстиции Державин. Управление же делами комитета было поручено известному впоследствии государственному деятелю Сперанскому, уже тогда быстро выдвигавшемуся [21]).

Комитет решил привлечь евреев к участию в его совещаниях. Было постановлено вызвать депутатов от губернских кагалов. Кроме того, каждому члену комитета государь разрешил пригласить, по личному выбору, к участию в совещаниях по одному «из просвещеннейших и известных в честности евреев».

Учреждение комитета вызвало переполох в кагалах. Им не трудно было предусмотреть, что будет поставлен на очередь вопрос о проживании евреев в селах и деревнях; быть может, стало известно и о том, что имеется в виду приобщить подрастающее поколение к общему просвещению; и вообще недавняя поездка государя по западным губерниям, во время которой созрела мысль о созыве комитета, должна была взволновать кагалы, так как очевидно было, что государя поразило то, что он увидел в пределах черты оседлости.

Еще до того, что кагалам было предложено прислать в столицу депутатов для участия в комитете, в Минске состоялось (в декабре 1802 г.) чрезвычайное собрание кагала в присутствии многих виднейших обывателей, на котором было принято следующее постановление: «Вследствие распространившихся неблагоприятных слухов из столицы Петербурга о том, что дела, касающиеся всех евреев вообще, переданы ныне в руки пяти сановников с тем, чтобы они распоряжались ими по своему усмотрению, необходимо поехать в столицу С.-Петербург и просить Государя нашего, да возвысится слава его, чтобы они (сановники) не делали у нас никаких нововведений».

---

[21]) Державин был вынужден покинуть комитет до завершения комитетом своей работы. Членом комитета состоял также Валериан Зубов, но он, повидимому, был малоактивен.

Так как хлопоты требовали больших расходов, то с согласия собрания было решено установить особый сбор с жителей всей губернии [22]). Минский кагал чрезвычайно торопился сбором денег, чтобы отправить в Петербург ходатаев, угрожая неисправным плательщикам суровой карой. Вместе с тем, кагал об'явил трехдневный пост (понедельник, четверг и следующий понедельник) для мужчин и женщин, причем в эти три дня в городе «не должна быть открываема ни одна частная молельня, и каждый обязан непременно являться в большую синагогу для общего соединения и усиления молитв к богу».

Тревога разлилась, как видно, по всей черте оседлости. Кочубей сообщил губернаторам (21 января 1803 г.) циркулярно высочайшее повеление обратить внимание на толки, волнующие еврейское население, а «кагалам и прочим еврейским обществам» об'явить, что у правительства нет намерения стеснить евреев или умалить «существенные их выгоды»; напротив, оно желает «доставить им лучшее устройство и спокойствие», а потому пусть не прислушиваются к ложным слухам «в твердой уверенности к правительству, пользу их назидающему» [23]).

Поездка депутатов в столицу требовала значительных сумм— помимо их личных расходов предстояли еще расходы в столичных канцеляриях [24]). Возможно, что из-за финансовых затруднений не все губернии прислали депутатов: в Петербург прибыли представители — большею частью купцы первой гильдии — только от Минской, Подольской, Могилевской и Киевской губернии [25]). «Продолжался их с'езд, явки и представления во всю почти зиму» — сообщает о них Державин. «Сегодня во вторник 15 тамуза 563 (1803), — записано на еврейском языке в книге братства петербургской еврейской общины — заношу на память, что в сем году были здесь уполномоченные от евреев всех губерний (называемые по-русски депутатами) для содействия комитету, учрежденному по высочайшему повелению Государя нашего Александра I для устройства быта евреев» [26]).

---

[22]) Брафман, Книга кагала, ч. II (изд. III, Спб., 1886), №№ 335, 339 и др.

[23]) О беспокойстве среди евреев сообщил Кочубею Ноткин (Сборник Публ. библиотеки F. II 195. „Евреи в России", прилож. 4).

[24]) Уездным кагалам Минской губернии было предписано доставить в Минск по рублю с каждой души, а минчан обложили 1/2% с капитала и другими сборами.

[25]) Академич. издание соч. Державина, т. VI (1876 г.), стр. 761, примечание.

[26]) В начале 19 века еврейск. община в Петербурге состояла из нескольких десятков душ; у них не было кладбища, и первых трех покойников они похоронили на иноверческом кладбище, но затем община приобрела у совета евангелическо-лютеранской церкви землю в районе Волкова кладбища (Л. Гордон. К истории поселения евреев в Петербурге, «Восход», 1881 г., кн. 1 и 2).

Минский депутат обязывался следовать инструкции, которая будет дана ему кагалом [27]). Действовать по указке кагала были, конечно, вынуждены и прочие депутаты, прибывшие из провинции.

В ином положении оказались евреи, приглашенные членами комитета, — они могли свободно выражать свои мысли. Державин особым льстивым письмом предложил участвовать в комитете Ноте Хаимовичу Ноткину [28]). Что касается остальных приглашенных, то их следует искать среди немногих образованных членов столичной общины.

Наиболее видным, влиятельным из них был известный откупщик, подрядчик по кораблестроению и финансист Абрам Перетц, получивший при Павле I звание коммерции советника. Ведя открытый дом, принимая у себя «весь город», Перетц был близок со многими высшими бюрократами. Тесная дружба связывала Перетца со Сперанским, что так не нравилось Державину. Вместе с Перетцем в Петербург приехал его бывший учитель Лейба Невахович. Исполняя деловые поручения Перетца, Невахович, имея влечение к самообразованию и литературной деятельности, отдавал свои досуги любимым занятиям. Быть может, Невахович занимал в столице официальную должность переводчика. В доме Перетца проживал и еврейский писатель Мендель Левин (Сатановер), один из ранних ратоборцев за распространение просвещения между евреями, состоявший воспитателем сына Перетца. Живя в местечке, принадлежавшем Адаму Чарторыжскому, Мендель Левин преподавал ему математику и другие науки. Должен быть отмечен также Леон Элкан (род. в 1759 г.). Ученик Мендельсона, он состоял членом научного общества «Меасеф». По завершении образования в Кенигсбергском университете, Элкан, в качестве преподавателя, жил некоторое время в Риге, а потом в Петербурге, где состоял наставником в русском доме. В 1798 г. он стал в Риге цензором еврейских книг, а в 1802 г. назначен на службу в сенат, по департаменту герольдии, и в это время, судя по его дальнейшей карьере, он сблизился с графом Севериным Потоцким [29]).

---

[27]) Об избрании депутата в Минске—см. Брафман, Книга кагала, № 353.

[28]) Архив сената, дело министр. юстиции, 1802 г. № 170. („Евреи в России", стр. 83—84). Впоследствии Державин пытался запятнать память Ноткина (Академ. издание соч. Державина, т. VI, стр. 763 и след.). Ср. также: „Евреи в России", стр. 454 и „К биографии Ноты Хайм. Ноткина"(„Будущность", 1901 г., № 45).

[29]) Сын Перетца, Григорий, был замешан в деле декабристов; сын от второго брака (с христианкой) Егор был государств. секретарем. О Перетце см.: Л. Гордон, К истории поселения евреев в Петербурге („Восход", 1881 г., кн. II); Ю. Гессен, „Евреи в России", стр. 78—81, 85—87, 91, 138—139, 162—163; Н. Голицын, История

Можно думать, что если не все упомянутые лица принимали официальное участие в совещаниях комитета, то частным образом они влияли на его членов. Некоторые черты законодательного акта, выработанного комитетом, свидетельствуют, что члены комитета усвоили взгляд на еврейскую реформу, который разделялся образованными евреями. Возможно, что сами просвещенные евреи указали правительству на необходимость пригласить их на заседания комитета, дабы создать оппозицию провинциальным депутатам, ставленникам кагала и раввината.

Кипучую деятельность проявил в это время Нота Ханмович Ноткин: он обращался к правительству с ходатайствами по разным еврейским делам. Но главная его работа — это составленный им для комитета (май 1803 г.) новый проект преобразования быта евреев. Подвергнув в этой записке более широкой разработке те вопросы, которые были затронуты в первоначальном проекте, Ноткин касается, вместе с тем, и других сторон жизни евреев, обращает особое внимание на поднятие их умственного развития [30]).

А Невахович, чтобы воздействовать на русское общественное мнение, выпустил в 1803 г., в разгар деятельности еврейского комитета, «Вопль дщери иудейской», первое по времени русско-еврейское произведение.

«Но что сетуешь ныне, дщерь Иаковля? — так начинается книжка Неваховича. — Чего тебе недостает? Возвести! Не созерцаешь ли ты того же солнца, как и иноплеменные? Стопы твои не попирают ли ту же злачную землю, как другие? Не пользуешься ли ты тем же воздухом, той же жизнью, тем же общежитием, как и иные обитатели полупара земного? — Возвести! — Ах, нет, не сие смущает меня. — вопиет дщерь Иаковля, — увы! Я упадаю духом, я уничижена пред лицом земли, я исключена из той связи, каковою пользуются другие подсолнечные обитатели: я теперь себя не узнаю!» — Книга Неваховича направлена к тому, чтобы вызвать гуманные чувства к евреям, напомнить, что евреи лишены общественного уважения, внушить русским людям, что евреи их

русск. законод. о евреях, 929—31, 987—988; Корф, Жизнь и деятельность Сперанского. П. Берлин, Банкир Перетц („Новый Восход", 1913 г., № 1).—В 1809 г. Невахович указан среди подписчиков журнала „Меасеф" в звании „секретаря сената" (?).—Ср. С. Станиславский, Мендель Левин, „Восход", 1881 г., кн. III. Еврейск. Энциклопедия, XIV т., стр. 29—31.—Об Элкане, ставшем позже директором гимназии, и об его сыне, см.: С. Штрайх, Еврей Элкан, директор одесской гимназии („Новый Восход", 1913, № 31); Ю. Гессен, „Евреи в России", 413—415, 421, 423, 427; его-же, заметка в Евр. Энциклопедии, т. XVI, ст. 232—233; Ленц, Учебно-воспитат. заведения, из которых образовался Ришельевский Лицей, 108—9, 279—82, 285, 349, 384—5; Н. Л., Прототип Загорецкого („Русск. Старина", 1908, XII).

[30]) В акад. издании соч. Державина (т. VI, стр. 353—355) напечатан „экстракт" этого нового проекта. См. „Евреи в России", примечание на стр. 43—44, 69—73.—

«с о о т ч и ч и». Последнее является основной темой сочинения. Неваховичъ словно не замечаетъ нищеты и безправія евреевъ, его душа лишь «уничижается прискорбіемъ единоплеменниковъ, отверг аемыхъ отъ с е р д е ц соотчичей», и именно въ этомъ отношеніи онъ пытается вызвать сочувствіе въ читателе, привлечь его вниманіе къ нравственно-страдающему еврею. Поставивъ решеніе вопроса главнымъ образомъ въ зависимость отъ победы гуманныхъ чувствъ надъ нетерпимостью, разсудка надъ предубежденіями, Невахович не требуетъ въ категорической форме гражданскаго равноправія, а лишь апеллируетъ к с е р д ц у христіанскаго населенія. Предразсудки и нетерпимость, внушаемые путемъ воспитанія въ раннемъ возрасте, съ трудомъ искореняются — вотъ что глубоко огорчаетъ Невахович, и онъ пытается реабилитировать еврейскій народъ въ глазахъ христіанъ, стараясь разбить ложныя сужденія о немъ. А воспхваливъ еврейскій народъ, высказавъ надежду на полученіе гражданскаго равенства, Невахович посвящаетъ остальные строки выраженію такихъ чувствъ, которые въ ту пору могли разделить лишь немногіе евреи; любя Россію съ какой-то страстной гордостью, съ другой же стороны, не находя уже никакой культурной связи со своимъ отсталымъ народомъ, Невахович жаждалъ, чтобы русское общество — уж если еврейскому народу суждено влачить жалкое существованіе — признало хотя бы за отдельными представителями еврейства, наиболее образованными, право считать себя русскими [31]).

Невахович и Ноткинъ не выступали самостоятельно и разрозненно: ихъ деятельность была об'единена какъ нужно полагать, въ лице Перетца. То обстоятельство, что «Вопль дщери иудейской» посвященъ гр. Кочубею, а еврейскій переводъ «Вопля», принадлежащій перу того же Неваховича, посвященъ «коммерціи советнику» Перетцу и «защитнику своего народа» Ноткину, бросаетъ светъ на роль Перетца. Вспомнивъ, что гр. Кочубей чрезвычайно благоволилъ Сперанскому, можно уловить связь между деятельностью комитета и книгой Неваховича: Перетцъ — другъ Сперанскаго и Неваховича — явился, вероятно, связующимъ звеномъ въ этой цепи взаимныхъ отношеній.

---

[31]) „Вопль дщери Иудейской" перепечатанъ въ сборнике „Будущность" за 1902 годъ. Содержаніе „Вопля" въ моей книге „Евреи въ Россіи", стр. 91 и след. См. также мою брошюру „Сто летъ назадъ" (1900 г.); первоначально въ еженед. „Будущность", 1900 г. №№ 10, 11, 12 и 14.

Петербургские евреи, надо полагать, приняли участие в первых же заседаниях комитета. Что касается кагальных представителей, то пока происходили выборы их, комитет успел составить «Главное начертание начал». Благодаря этому, одни лишь приглашенные евреи, как видно, получили возможность воздействовать на выработку этих начал.

Глубокое различие во взгляде на реформу разделяло приглашенных петербургских евреев и кагальных представителей. Если просвещенные евреи, последователи Мендельсона, клали краеугольным камнем нового здания еврейской жизни — просвещение, то кагалы, оберегая неприкосновенность внутреннего быта, тех его условий, с которыми связывались экономические интересы господствовавшего класса, отрицательно относились к вопросам культуры. Один только Ноткин мог, как кажется, до известной степени об'единять в общей работе столь различных деятелей.

Анонимная записка, представленная правительству несколько позже одним просвещенным евреем [32]), указывала, что в ту пору было очень мало евреев, которые имели бы представление о необходимой реформе, а еще менее таких, которые имели бы понятие об истинном народном благе; но если бы такие люди и могли сыскаться, то их образ мыслей не согласовался бы с общим мнением их единоверцев, которые «не имеют прямого понятия о вещах»; состоявшийся выбор кагальных депутатов «руководим был одним суеверием и страстью богачей, которыми порабощена воля собратий», — общественные заправилы держат массу в своей власти благодаря торговым отношениям, а также раскладке податей; духовно-религиозные потребности равным образом отдают массу в зависимость от них, потому что «богачи — по родственной связи их с суеверными учеными (т. е. раввинами), имеющими самый сильный перевес между евреями», а раввины «по нужде своей» в богачах, имеют друг на друга «величайшее во всем влияние»; но если бы среди кагальных депутатов и нашелся просвещенный человек, он не мог бы принести никакой пользы, так как депутаты, имея инструкцию от своих кагалов, могли говорить не то, что мыслили, а лишь то, что им было поручено; что касается просвещенных евреев, приглашенных членами комитета, то, получа образование в Германии, они «не могли равным образом правильно судить о тех евреях, кои, живучи в бывшей Польше,

---

[32]) Архив министерства земледелия, дело 1808 г., № 15063: „Некоторые замечания касательно благоустройства евреев".

совершенно отличны от германских евреев как образом мыслей, так и обстоятельствами».

Кагальные представители, как было сказано, не решались выступать самостоятельно. Когда комитет сообщил им главные основания реформы, они «после долговременной нерешимости»— по словам комитета — отозвались, что не могут «без кагалов их поступить на какие-либо по сему делу заключения» и просили дать им для совещаний полгода. Тогда главные статьи проекта были сообщены чрез губернское начальство кагалам с тем, чтобы, «не делая в статьях их никакой отмены, представили ответы свои к дополнению их новыми средствами». В ответ на это кагалы заявили, что вообще реформу нужно отложить на пятнадцать-двадцать лет.

Глава седьмая.

Что думали и как действовали члены комитета.—„Положение о евреях 1804 года" приносит насущные интересы евреев в жертву домогательствам других общественных групп. — Принудительное удаление евреев из деревень. — Преобразование внутреннего быта и просветительная реформа.—Взгляд русских людей на новый закон.

Сохранилась записка, составленная одним из членов комитета об устройстве евреев, по всей вероятности — Потоцким, из которой можно узнать, как думали и действовали члены комитета, подходя к еврейскому вопросу и разрешая его [1]).

Нам предстоит заняться судьбой семи-восьми сот тысяч людей — так начинает автор записки. Каковы бы они ни были, ответственность перед богом, обществом и нами самими слишком велика, чтобы не вооружиться полным беспристрастием. Преследуемые в течение более восемнадцати веков, устраненные почти от всех честных промыслов, обремененные налогами, обреченные на ненависть народов, евреи не могли не заразиться пороками, которые признавались, быть может, прирожденными. Эти пороки должны были усилить всеобщее презрение, а оно, в свою очередь, способствовало развитию пороков. Нельзя от себя скрывать, что прежде, чем будет достигнуто заметное улучшение, надо будет преодолеть тысячи препятствий, сломить тысячи предрассудков,

---

[1]) Сборник Публичной библиотеки F II, № 195. Записка на французском языке: „Vues préliminaires sur les juifs". Автор заявляет: „Я кончаю на этом свой предварительный очерк..., не сделав, в сущности, почти ничего иного, как проредактировав результаты наших бесед". Автором записки, ценившим просвещение и чуждым религиозных предрассудков, следует считать Потоцкого, индивидуальная печать которого лежит на записке, хотя записка и отображает мнение всего комитета. Автор ссылается на свой 20-ти летний опыт, что мог сделать только Потоцкий, старший из прогрессивных членов комитета. Хлопоча о награждении Элкана (о нем см. выше), Потоцкий писал: „кажется, что вера его нисколько не может препятствовать в таком его производстве". Повидимому, Потоцкий воспринял то, что говорили ему просвещенные евреи в Петербурге и Берлине (Потоцкий, подробно описавший еврейские благотворительные учреждения в Берлине, вероятно, близко познакомился с тамошней евр. общиной). Влияние на него оказала и известная книга Христиана Дома, друга Мендельсона, „Ueber die bürgerliche Verbesserung der Juden" („О гражданском улучшении евреев").

согласовать, наконец, тысячи мнений, потому что кто же не считает себя вправе высказываться о евреях? Им приписывают всяческие пороки и недостатки. Эти различные обвинения — говорил автор — в большей своей части, к сожалению, справедливы, но, следует отличить пороки, вызванные положением, в котором находится еврейский народ, от тех, которые свойственны ему наряду с прочими людьми.

Евреи — лживы, плутоваты, хитры. Но если хитрость служит единственным и последним оружием против притеснителя, то можно ли признать ее за несомненное преступление? — Евреи занимаются ростовщичеством. Эта так, и если и не без исключения, они превосходят остальных своей алчностью. Впрочем, они делаются ростовщиками, главным образом, там, где цехи выталкивают их из мастерства, где обработка земли им воспрещена и где даже торговая деятельность стеснена. Всякий знает, что в Польше дворянство и монастыри давали евреям деньги в рост, и оттого так велика задолженность кагалов [2]), не говоря уже о задолженности отдельных лиц. Евреи обманывают в торговле. Кому же обманывать, как не мелкому торговцу, почти всюду всегда стесненному? А еврейский мелкий торговец платит тройную подать [3]), подвержен многим незаконным поборам; занимающиеся же крупной торговлей лучше выполняют свои обязательства, чем другие. Евреи склонны к вредным занятиям. Это — частое явление, в виду уменья евреев обходить закон. Нужно воспретить им питейную продажу под каким бы то ни было предлогом, иначе они никогда не перестанут вовлекать мужика в пьянство и распутство. В этом отношении недопустимы никакие послабления, кроме двухгодичного срока для полного прекращения этого промысла. Евреев обвиняют в том, что они предпочитают легкие занятия, что они ленивы. Это неверно. Подобно другим, они стремятся нажить побольше, работая возможно меньше; но ведь все, от высшей власти до последних чиновников, самых маленьких помещиков и магистратов, считают себя в праве требовать от евреев всего, что заблагорассудится. Если евреи и не бывают кузнецами, каменщиками, то среди них много пекарей, портных, сапожников и других, столь необходимых в больших городах. Приучить евреев к земледелию очень трудно. Но разве это единственный способ сделать их по-

[2]) Русские суды неоднократно рассматривали такие дела по искам католич. организаций к кагалам. Напр., определение 1 отд. 3 деп. сената 1801 г. (январь, № 91) по делу браиловского кагала с монахами.

[3]) Т. е., двойную государственную подать и подать, взимавшуюся помещиком.

лезными для государства? Следует ли игнорировать фабриканта и ярмарочного торговца, который собирает зерно, воск, коноплю и др. продукты, чтобы отправить их за границу? Этим человеком в наших польских губерниях является еврей, и он тем более пригоден к такому занятию, что, живя крайне скромно, он продает дешевле товар. Вражда к христианам. В этом — говорит автор — я убежден. Но кто же отдает себя в рабство, в тиранию, доходящую до бесчеловечия? Евреи безмерно плодятся. Пусть подобные опасения возникают в странах, где мало свободных земель, где города заселены, но в России с ее обширными степями, при почти полном отсутствии среднего сословия в южных провинциях, с быстро растущим населением, следует ли больше бояться одного или двух миллионов евреев, чем соответствующего числа калмыком или армян?

Высказав эти соображения, автор вдруг встревожился, что его заподозрят в пристрастии к евреям, и чтобы рассеять это представление, он заявляет: «мое резко высказанное мнение об их вредоносных занятиях достаточно, чтобы меня оправдать».

Далее автор указывал, что евреи имеют несколько вредных промыслов и много полезных, а потому надо в корне вырвать первые, чтобы развились вторые. Если евреи слишком многочисленны в местах их нынешней оседлости, им следует дать возможность сжиться южный край, но переселение должно произойти спокойно, чтобы они не погибли от нищеты там, куда бессознательный росчерк загнал бы их. Раз евреи отчуждены от окружающего общества, нужно открыть им, хотя бы в отдаленной перспективе, возможность приблизиться к обществу, которое их отталкивает от себя, и следует избегать всего того, что отделяет их от прочего населения. Надо приобщить их к общей культуре — посылать детей в правительственные школы или в особые еврейские, где бы преподавались и общие предметы; евреев следует «приучить к замене традиционной одежды так называемым немецким платьем; привычка к одежде, обреченной на презрение, усугубляет привычку к самому презрению». Нужно облегчить евреям возможность развить свою торгово-промышленную деятельность и смягчить стеснения в праве передвижения и жительства. Но это не значит, что всем должно быть дозволено водвориться во внутренних губерниях: при известных ограничениях и условиях можно было бы разрешить «хотя бы временное пребывание нескольким купцам первой гильдии и ремесленникам с правом занятия своей профес-

сией»; вместе с тем не следует покушаться на привилегии некоторых губерний и городов, которые не пожелали бы принять евреев.

Таково в общих чертах содержание записки Потоцкого. Мы видим, что поскольку речь носила отвлеченный характер, автор проявлял благожелательность к евреям, как бы хвастал справедливым отношением к их жизненным нуждам, находил даже оправдание их отдельным отрицательным чертам. Но едва только наступала очередь для разрешения реальных экономических вопросов, автор, как носитель идеи социальной справедливости, тотчас исчезает, и еврейский народ приносится в жертву материальным интересам окружающего населения: тяжкий и сложный вопрос о винокурении разрешается требованием ликвидировать эти промыслы в течение двух лет, требованием, угрожавшим жизни сотен тысяч людей; существование черты оседлости, препятствовавшей экономическому развитию еврейской массы, почти неощутимо смягчается дозволением лишь горсти евреев временно появляться во внутренних губерниях, и при этом за отдельными местностями сохраняется право не допускать их к себе.

Подобное противоречие между отвлеченными гуманными взглядами и преклонением пред свободной человеческой личностью, с одной стороны, и применением на практике репрессивных мер по отношению к слабой части населения, с другой, обнаруживается также в словах и в действиях комитета.

В одном из журналов комитета мы читаем: «Лучше и надежнее вести евреев к совершенству, отворяя только путь к собственной их пользе, надзирая издалека за движением их и удаляя все, что с дороги сей совратить их может, не употребляя, впрочем, никакой власти... Сколь можно менее запрещения, сколь можно более свободы. Вот простые стихи всякого устройства в обществе!.. В исчислении вероятностей, определяющих действие человека, первым основанием должно всегда полагать частный прибыток, сие внутреннее начало, нигде и никогда не престающее, и от всех законов ускользающее, когда сии законы для него стеснительны... Везде, где правительства мнили приказывать, везде являлись одни только призраки успехов, кои, подержась несколько времени на воздухе, исчезали вместе с началами, их родившими. Напротив, во всех учреждениях, кои заводились нечувствительно, образовались частным прибытком, поддерживались свободою и были только покровительствуемы правительством, была видима вну-

тренняя сила, их утверждающая... Все сии уважения заставляют и в образовании евреев предпочесть средства тихого ободрения, возбуждения их собственной деятельности и пресечения только тех препятствий, кои зависят непосредственно от правительства и сами собой пресечься не могут» [4]).

И позже, завершив работу, комитет в докладе государю высказался в пользу постепенных мягких мер. И он был уверен, что выработанные им постановления «не что другое суть, как приложение сих способов тихих, умеренных, постепенных, на личной пользе евреев и на усовершении политического бытия их основанных» [5]).

Но многое из того, что комитет занес на бумагу, оказалось лишенным всякого реального значения.

Глубокая пропасть лежала между «Мнением» Державина и запиской Потоцкого; Державин злобно клеветал на евреев, требовал стеснения их в гражданских правах, обособления их от христианского населения; Потоцкий же старался облегчить тяжесть обвинений, которые столь щедро пред'являлись еврейскому народу, не говорил о новом ограничении в правах, желал сблизить евреев с христианским населением в общей культурной жизни. Но оба автора почти одинаково далеко стояли от Фризеля, который, сходясь с Державиным и Потоцким в иных принудительных мерах, опередил их тем, что потребовал гражданского равенства евреев. И хотя Потоцкий и его товарищи по комитету были, по своим социальным идеалам, более родственны Фризелю, нежели Державину, они в своем проекте еврейской реформы подошли ближе к Державину, чем к Фризелю.

Результатом деятельности комитета явилось издание первого по времени систематически разработанного законодательства о евреях в России — «Положения о евреях» 1804 года [6]).

---

[4]) Журнал 20 сент. 1803 г.; эта цитата извлечена из доклада комитета, учрежденного в 1809 г. для рассмотрения евр. дел („Русский Архив", 1903 г., кн. II). Делопроизводство комитета 1802 г. в большей своей части погибло при пожаре 1862 г. в департаменте духовных дел, куда в 1818 г. было передано из минист. вн. дел (см. описи архива министерства: 1818 г. № 332 „О передаче евр. дел в департ. дух. дел"). Часть делопроизводства в 1887 г. поступила в Публичную библиотеку, — сборник F II № 195 (ср. „Отчет" библиотеки за 1887 г., стр. 142—148). Список дел комитета имеется в архиве сената: дела минист. юстиции, 1804 г., № 89. Из них мне удалось найти лишь немногие.

[5]) Подлинник доклада: архив сената, именные указы, т. 275, кн. 54—86; копия — архив сената, 1-й департ., дело № 423 „О евреях".

[6]) Первое полное собрание законов, № 21547. — Ср.: Архив государств. совета, т. III, ч. 1 (Спб., 1878 г.), стр. 841—42 (обсуждение закона в госуд. совете).

В указе об издании Положения было сказано, что оно вызвано многократными жалобами «на разные злоупотребления и беспорядки во вред земледелию и промышленности обывателей в тех губерниях, где евреи обитают, происходящие». Благодаря этому реформа — хотя в том же указе и утверждалось, что она соответствует благу самих евреев — получила характер меры, направленной не к улучшению условий, в которых жили евреи, а к устранению тех явлений еврейской жизни, которые признавались вредными для прочего населения.

Из всех моментов еврейского быта, подлежавших рассмотрению комитета, наиболее важное значение как в глазах правительства, так и для самих евреев имел вопрос о проживании в деревнях, где они занимались преимущественно винными промыслами. Учреждая комитет, правительство, зная, что от скопления евреев в уездах страдали крестьяне, находилось в неведении относительно того, как отражалось это обстоятельство на материальном положении самих евреев. Ненормальные условия хозяйственного быта в крае являлись в глазах правительства исключительно вопросом крестьянской жизни, и только с точки зрения ее интересов проживание евреев в деревнях стало предметом внимания правительства, стало основным вопросом е в р е й с к о й реформы. Но сам-то комитет мог убедиться из собранного им материала и из об'яснений, представленных еврейскими депутатами, что не одни крестьяне страдали от создавшегося положения. Если обвинение евреев в причинении вреда крестьянству и не было ложным, то, во всяком случае, они делали это не по злой воле: винные промыслы не спасали их от тяжелых материальных условий — проживая в деревнях [7]), они влачили нищенское существование. Однако, выступив против пребывания евреев в деревне, комитет оставил без всякого внимания их безотрадное положение. И это потому, что «комитет в постановлениях своих должен был иметь в виду главнейше предохранение крестьян от разорения» [8]).

Об'явив евреев виновниками убожества деревни, комитет признал нужным не только устранить их от винных промыслов [9]) и

---

[7]) См. выше, стр. 124.

[8]) Архив госуд. совета, т. IV (департ. экономии), ч. II, стр. 694 (записка товарища мин. внутр. дел, представленная в 1810 г.).

[9]) Закон 1803 г. об отдаче казенных земель в аренду требовал, чтобы поссессор не отдавал евреям винной продажи (Первое собрание законов, № 20801).

аренд в деревнях, но и совершенно удалить в течение трех лет все еврейское население из деревень [10]). Возможно, что это было вызвано требованием государя покончить с вопросом, который угрожал осложнениями, опасными для помещиков. Но помимо такого влияния извне, комитет должен был пойти по стопам других авторов проектов еврейской реформы, даже благожелательно относившихся к евреям и все же требовавших удаления их от винных промыслов (как, напр., Фризель). Тут играли роль два обстоятельства.

Об одном уже говорилось: всякий, подходивший к роковому вопросу, должен был остановиться пред тупиком — заявить, что ответственность за бедствия крестьян падает на дворян-помещиков, значило итти против основ государственного строя, а потому, как уже было отмечено выше, приходилось тяжесть вины возлагать на евреев. Второе обстоятельство заключалось в наивном взгляде на природу экономической жизни народа — общее мнение было таково, что экономические явления можно видоизменять чисто механическим способом, путем приказов. А в данном случае поголовное выселение оправдывалось еще тем, что одновременно предлагались будто бы положительные меры.

«И в протчем — говорил комитет — можно ли назвать меру сию для них стеснительною, когда, вместе с тем, открывается евреям множество других способов не только содержать себя в безбедном состоянии, но делать приобретение—в земледелии, фабриках, ремеслах, когда вместе с сим открывается им способ даже владеть землею в собственность [11]). Каким образом ограничением одной ветви промышленности может быть стеснен сей народ в таком государстве, где тысячи других для него отверсты», где имеются удобные к хлебопашеству земли в губерниях плодородных и малонаселенных, где «отечественные произведения призывают только руку деятельности и трудолюбия, чтобы основать фабрики».

Но все это было эфемерно: как будто было достаточно одного разрешения покупать земли и строить фабрики, чтобы нищая масса тотчас превратилась в земледельцев и фабрикантов....

---

[10]) В гос. совете было предложено запретить промыслы винные и в местечках, так как там вред наиболее ощутителей, но это не было принято.—В городах и помещичьих местечках евреи могли заниматься винн. промыслами; помещикам было запрещено переименовывать деревни в местечки или устраивать новые местечки без разрешения высшего начальства.

[11]) Положение 1804 г. разрешило приобретать лишь незаселенную землю, т.-е. подтвердило постановление сената 4 апреля и 5 мая 1801 г. (1-ое отд. 3 деп., книга № 33, ч. I, № 82).

Нота Ноткин, в предвидении грядущих бедствий, убеждал комитет оставить евреев на местах, приняв лишь меры против возможных злоупотреблений с их стороны; он указывал, что во многих местностях, где проживают евреи, крестьяне пользуются достатком, а там, наоборот, где евреев нет, крестьяне терпят нужду. Вообще, он стоял за то, чтобы евреи обратились к земледелию, но это должно быть достигнуто мерами поощрения, а отнюдь не принуждения. Депутаты, присланные кагалами, также, конечно, просили не лишать евреев средств к существованию удалением из деревень.

Двести-триста тысяч людей, подавляющую часть которых составляли бедняки, должны были перейти в города, не имевшие места для изгнанников [12]). Нужна была помощь. Но о действительных мерах к экономическому возрождению евреев никто не думал серьезно. Правда, было обещано отвести известное количество казенной земли для тех, кто пожелает заняться хлебопашеством, и оказать им денежную ссуду, но это намерение оказалось невыполнимым. Еще была обещана льгота поселившимся на арендованных и казенных землях, но обратиться к незнакомому земледельческому труду могла лишь незначительная часть населения. Еще меньшее число лиц могло расчитывать на получение от казны некоторого пособия на устройство фабрик [13]). В массе же — евреи, в силу векового уклада своей жизни, должны были обратиться к ремесленному труду и мелкой торговле. Обещание оказать ремесленникам денежную помощь также обречено было остаться лишь платоническим пожеланием. Впрочем, шагом вперед явилось то, что цехам, не принимавшим евреев в свою организацию, было запрещено препятствовать евреям заниматься ремеслами, не записываясь в цех, что ранее не дозволялось. Было также обещано освободить евреев от двойной подати, когда они возьмутся за новые занятия [14]).

Новый закон — надо отметить — расширил черту оседлости, дозволив евреям приобретать земли также в губерниях Астрахан-

---

[12]) Ср. выше, стр. 63. Это сознавалось и современниками: см. представление минских маршалов („Восход", 1895 г., кн. III, стр. 76).

[13]) Ноткин проектировал, чтобы „всякое общество евреев каждой губернии" имело свои фабрики, которые считались бы общей собственностью; доходы обращались бы на общественные нужды.

[14]) Когда именно двойная подать была уничтожена—с точностью нельзя сказать. Из закона от 1824 г. (Полное собрание законов, № 30004) вытекает, что отмена состоялась в 1807 г; есть указание, что это относится к 1805 г. (архив мин. вн. дел, департ. полиции исполн. 1832 г. дел. №. 376, в записке департ. полиции от 5-го января 1833 г.); из доклада комитета Попова («Русский Архив», 1903 г., кн. 11) можно заключить, что около 1809 г. двойной подати уже не существовало.

ской и Кавказской — но этот отдаленный край не мог привлечь к себе изгнанников [15]). С другой же стороны, Положение сохранило в силе привилегии, предоставлявшие некоторым городам право не допускать к себе евреев или же дозволять им жить лишь в определенных участках, так как, умолчав об этих привилегиях, новый закон дал им право на дальнейшее существование.

В одном лишь отношении закон 1804 г. пошел навстречу экономическим потребностям евреев; было подтверждено, что фабрикантам, купцам и ремесленникам разрешается выезжать с семьями на время по делам за черту оседлости. Этим правом фактически могли воспользоваться лишь немногие; но все же оно дало евреям возможность осесть постепенно, небольшими колониями, во внутренних губерниях и столицах [16]), чем вообще были облегчены торговые сношения.

Такова была экономическая реформа. Предстояло еще произвести культурный переворот.

Низкий уровень нравственного состояния евреев комитет об'яснял как широко распространенными винными промыслами, так и оторванностью от окружающего общества, недостатком просвещения и различием в языке; с другой стороны, из-за отсутствия образования было трудно «привести политическое бытие их в некоторое согласие и соответственность с другими состояниями». Чтобы приобщить евреев к общей гражданской жизни, было задумано «привести в надлежащие пределы особенное внутреннее их управление и соединить их пользы под одно управление, всем подданным общее». И таким образом, возник вопрос о согласовании кагальной организации с государственными установлениями, а в связи с этим, и об участии евреев в сословно-городском самоуправлении.

Так как с предоставлением еврейскому населению гражданских прав кагал должен был утратить роль представительного учреждения, а между тем участие евреев в сословно-городском самоуправлении было ограничено одной третью голосов и запрещением занимать некоторые должности (а в Литве их совершенно лишили соответствующих прав), то приходилось сделать

---

15) Положение не упомянуло Курляндии, где евреи имели давнюю историю. Ср. мой очерк „Евреи в Курляндии 16—18 в.в." („Еврейская Старина", 1914 г. вып. II, III—IV), составленный на основании моего обширного исследования (еще не опубликованного), основанного на архивном материале.

16) В 1812 г. в Петербурге насчитывалось 116 евреев, живших здесь с семьями; было велено выслать их, но колония продолжала существовать (Журналы комитета министров, т. II, Спб., 1891 г., стр. 419).

выбор: или укрепить внутреннюю организацию, представленную кагалом, или же восстановить право на участие в сословно-городском самоуправлении. Но не решаясь итти против домогательств христианских обществ, комитет не отважился вернуть евреям прежнее равноправное положение в сословно-городском самоуправлении; санкционировать же ограничения комитету было неудобно, как противоречившие поставленной им себе задаче, и он просто обошел вопрос молчанием, благодаря чему не только прежние ограничения остались в силе, но постепенно были установлены и новые [17]). С другой же стороны, без значительных изменений была сохранена и кагальная организация.

Мы знаем, что кагал в своей старой форме, не гармонировавшей с потребностью времени, являлся поработителем народа в материальном и духовном отношении. Часть еврейского общества стремилась к сокращению функций кагала. Но правительство укрепляло его, предоставляя ему (из фискальных соображений) собирание подати. Тому, кто всматривался в еврейскую жизнь, было ясно, что мощь кагала таится в собирании подати и в его союзе с раввинатом, державшим народ в повиновении помощью мер религиозно - общественного характера. И потому люди, различно относившиеся к еврейской реформе, единодушно высказывались за то, чтобы собирание подати и некоторые административные функции, связанные с этой обязанностью, были поручены общим государственным установлениям, а религиозные дела принадлежали ведению специальных духовных судов, не облеченных никакими административными полномочиями. При таких условиях кагал перестал бы существовать [18]). Но и намереваясь подвергнуть еврейский быт коренной реформе, сознавая, что собирание подати служит в руках кагала страшным орудием для порабощения массы, правительство, в интересах казны, решило не подрывать власти и значения кагала.

Комитет все же наметил меры с целью обуздать кагально-раввинский союз: кагальные старшины должны быть утверждены администрацией, кагалы не смеют вводить новые сборы, раввинам запрещается прибегать к наказаниям религиозного характера, а особливо — к херему. А чтобы лишить кагал возможности угнетать сектантов, закон 1804 г. постановил: если в какой-либо

---

[17]) Ссылаясь на Положение 1804 г., евреев устранили от участия в городских выборах по Таврической губ. и в Киеве (архив министерства народн. просвещения, дело № 47505, стр. 75).

[18]) Фризель и Державин высказались за уничтожение кагала.

местности «возникнет разделение сект и раскол простреться до того, что один толк с другим не захочет быть в одной синагоге, — в таком случае позволяется одному из них построить свою синагогу и выбрать своих раввинов; но во всяком городе кагал должен быть один».

Под защитою такого закона хасиды могли впредь открыто следовать своему учению. Кагальная власть, будучи даже всецело в руках миснагдим, не могла, как прежде, угрожать сектантам, и это должно было устранить в хасидских кругах агрессивное стремление к общинной власти; да и миснагдим имели теперь меньше основания противиться избранию хасидов на кагальные должности.

К тому же смягчить их взаимную вражду могло появление общего недруга — просвещения, возвещенного Положением 1804 года: «Все дети евреев могут быть принимаемы и обучаемы, без всякого различия от других детей, во всех российских училищах, гимназиях и университетах».

Не говоря уже о причинах, таившихся в глубине религиозно-бытового уклада еврейского народа, правовые ограничения также побуждали еврейское общество усматривать в просветительных мероприятиях правительства какие-то опасные замыслы; к тому же, живя сплоченной массой, евреи обходились в повседневном быту еврейским языком и теми знаниями, которые они приобрели в еврейской школе. Правда, правительство заверяло, что никто из детей не будет в школах «ни под каким видом отвлекаем от своей религии, ни принуждаем учиться тому, что ей противно и даже несогласно с нею быть может» [19]); новый закон даже пообещал, что евреи, «кои способностями своими достигнут в университетах известных степеней отличия в медицине, хирургии, физике, математике и других знаниях, будут в оных признаваемы и производимы в университетские степени». Но такими постановлениями нельзя было прорубить в еврейской жизни окно в Европу.

Кагальные представители, заседавшие в комитете, не могли, разумеется, высказаться в пользу каких бы то ни было мер культурного, просветительного характера. Иначе отнеслись к этому вопросу петербургские деятели. Ноткин указывал на необходи-

---

[19]) Потоцкий предложил: не крестить евреев моложе 20 лет, но в Положении этого нет. Случалось, что еврейских детей насильственно крестили. См. „Будущность". 1901 г., №№ 32 и 33 (на основании дела из архива сената, по минист. юстиции: 1801 г., № 283): „Об обольщении и удержании мстисл. иезуитским кляштором двух евр. мальчиков". Ср. указ сенату 21 авг. 1801 г. (архив госуд. совета, департ. законов, 1835 г., № 11) и определение сената 1 отд. 3 департ., 25 сент. 1801 г. — против насильственного крещения.

мость обратить особое внимание на образование юношества, так как евреи не радеют о воспитании детей; он советовал учредить во всех местечках общественные еврейские школы, куда принимались бы дети как состоятельных, так и бедных евреев, потому что нельзя ожидать, чтобы евреи добровольно отдавали детей в общие школы; в еврейских школах следовало бы преподавать не только русский, но и другие языки. Вероятно, к этому мнению присоединились и прочие петербургские депутаты, так как в ту пору и в Пруссии, и в Австрии передовые евреи и правительства считали необходимым устраивать специальные еврейские школы, дабы устранить опасения, что общая государственная школа будет стараться обращать еврейских детей в христианство.

Однако, правительство не приняло этого плана, быть может потому, что учреждение еврейских школ требовало денежных средств, а также активной деятельности со стороны русской администрации; возможно, впрочем, что в данном случае сыграла роль также оппозиция со стороны кагальных депутатов. Было решено ограничиться предоставлением свободного доступа во все правительственные школы. Если же — предварял закон — евреи не захотят посылать подрастающее поколение в общую школу, тогда на их средства будут учреждены специальные еврейские училища.

В целях приобщения евреев к общей культуре считалось необходимым, чтобы они усвоили язык данной местности (русский, польский, немецкий), переменили свой внешний вид, — традиционная одежда, ермолка и пейсы производили на русских отталкивающее впечатление [20]). Поэтому закон 1804 г. потребовал, чтобы на должности в городском общественном управлении и в кагале, а также в раввины избирались только знающие одну из грамот — польскую, русскую и немецкую, чтобы члены магистрата носили обычное в данной местности платье и проч. Вместе с тем, новый закон (по примеру прусского регламента) обязал евреев присвоить себе фамильные имена.

Характерная черта нового закона — готовность жертвовать правами и нуждами евреев в угоду окружающему обществу—особенно рельефно сказалась при разрешении вопроса о помещичьей власти. Несмотря на то, что правительство, как мы видели выше, одно время стремилось освободить евреев от произвола помещика, новый закон упрочил эту зависимость, принудив

[20]) Минские маршалы указывали, что еврейское платье „сверх того, что для недостаточных убыточно, по неопрятности евреев внушает к ним сильное отвращение". То же самое говорили Фризель и Державин.

евреев отдавать помещику отчет в своих общественных расходах, что облегчало ему возможность вторгаться (вопреки этому же закону) в их внутреннюю жизнь, и обязал их при переходе на новое место представлять удостоверение помещика, что они выполнили по отношению к нему все свои обязательства [21]).

Комитет был доволен результатом своей работы. Вглядываясь в окружающую русскую жизнь и учитывая то, что было сделано для евреев в других странах, он верил, что, «судя по местным обстоятельствам, нигде не было употреблено к сему средств более умеренных, более снисходительных и с пользами их теснее соединенных». Действительно, сравнивая Положение 1804 г. с прусским регламентом 1797 г., служившим комитету как бы образцом, мы видим, что в России не были установлены ограничения в праве вступать в брак (имущественный ценз и возраст), не было нарушено внутреннее самоуправление. С другой стороны, евреи пользовались личной свободой, которой не знало крепостное крестьянство. И это позволяло не только творцам нового закона, но и другим либерально настроенным русским людям смотреть сквозь розовые стекла на предпринятую реформу. Новый закон знаменовал в их глазах торжество гуманности и либерализма в эпоху, когда могло казаться, что Россию ждет культурно-общественное обновление.

В наиболее распространенном в ту пору журнале «Вестнике Европы» появилась статья, восхвалявшая Положение. В ней указывалось, что царь даровал евреям «бытие политическое». Вопреки «всем усилиям здравой философии, предрассудок против сей нации тирански господствует над умами простолюдинов, и даже таких людей, которые не считают себя принадлежащими к низшему классу народному; господствует — и справедливость, любовь к человечеству, политика долженствуют молчать перед заблуждением». Отметив, какие обвинения служат обычно предлогом, чтобы подвергать евреев стеснениям, автор заявляет: «Александр знает, что пороки, еврейской нации приписываемые, суть необходимые следствия сего закоренелого угнетения, которое давит их в продолжение многих столетий». Цель нового закона — дать государству полезных граждан, а евреям — отече-

[21]) Любопытен в бытовом отношении указ сената от 7 янв. 1807 г. по делу кн. Яблоновского с евреями (и христианами) гор. Острога о взимании с них владельческих сборов (архив госуд. совета, департ. законов, 1835 г., дело № 11).

ство. «Сами благомыслящие евреи признаются, что многие из их собратий не имеют понятия о внутреннем достоинстве человека и совсем не знакомы с моралью; но надобно ли страсть к обманам и корыстолюбие некоторых мелочных торгашей почитать свойственными целой нации?» [22]).

Статья выражала пожелание таких людей, которых было немного. Большая часть общества неспособна была проникнуться подобными взглядами: его совесть и мысль были подавлены как крепостничеством, лежавшим в основе всей государственно-общественной жизни, так и привычкой побеждать экономического соперника законодательным ограничением в гражданских и политических правах.

Что касается петербургских еврейских деятелей, то при всем своем оптимизме они вряд ли могли надеяться, чтобы новый закон улучшил условия жизни евреев. Нота Хаимович не дожил до тех дней, когда начались ужасы выселения евреев из деревень. Невахович и Перетц, видя, что борьба, которую они вели, проиграна, перешли в христианство. Если на «Вопле дщери иудейской» красуется «Лейба Невахович», то на дальнейших его произведениях еврейское происхождение автора затушевывается: на книжке «Человек в природе» (1804 г.) и на «Примечаниях на рецензию касательно опыта Российской Истории» (1806 г.) значится «Л. Невахович», а на драме «Сулиоты» (1810 г.) появляется уже новое имя—«Лев Невахович» [23]).

---

[22]) „Вестник Европы", 1805 г., кн. 10—„Об узаконении для блага евреев, обитающих в Империи Всероссийской"; автор скрылся под буквой „Ч". В 1805 г. в Бреславле вышла брошюра „Verbesserter Zustand der Ebräer in Russland" (aus dem „Freimüthigen" № 62). Напечатана на средства „eines Freundes der guten Sache".

Истории Положения 1804 г. посвящена первая часть моей книги „Евреи в России" (на еврейском языке напечатана в Вильне в 1910 г.); см. также мою статью „К столетию Положения 1804 г.", „Книжки Восхода", 1904 г., XI и XII.

[23]) См. „Евреи в России", стр. 137-8 (подстр. примечание). Есть указание, что около 1797 г. одна петербургская масонская ложа приняла в свою среду еврея (Ю. Гессен, Евреи в масонстве, 1903 г., стр. 47). Возможно, что этим масоном был Невахович, более, чем другие петербургские евреи, вращавшийся в русских интеллигентных кругах.

Глава восьмая.

Тяжелые годы.—Правительство не в силах дать приют выселенцам.—События во Франции служат внешним поводом для пересмотра закона о выселении.—Обращение правительства к еврейским депутатам.—Их пожелания.—Единодушное мнение властей о невыполнимости меры выселения.—Указ 1808 г. о приостановлении выселения.—Образование комитета (1809 г.) для разрешения вопроса о выселении и для рассмотрения ходатайств еврейских депутатов.—Комитет высказывается (1812 г.) против выселения.

Наступили тяжелые годы. Удалить евреев из деревень — такова была главная задача, поставленная себе правительством. В зародыше погубить намеченную культурно-просветительную реформу — к этому направились старания господствовавшего еврейского класса. Обе силы — правительство и кагал — шли, каждая к своей цели, не считаясь с условиями окружающей действительности, и этим надолго задержали экономическое и духовное развитие народа.

Для выселения шестидесяти тысяч семейств был назначен всего трехлетний срок. Немедленно началось принудительное удаление евреев из деревень—«Их выпроваживали под конвоем крестьян и даже солдат!.. Их загоняли, как скот, в местечки и городишки, и там, на площадях, под открытым небом, оставляли размышлять о превратностях судьбы!..» Они молили о безотлагательном переводе их в земледельцы [1]). А между тем тотчас обнаружилось, что правительство не в силах оказать даже ту поддержку, которую обещало. Ходатайства евреев о предоставлении им земельных участков в губерниях, где они жили, были отвергнуты в виду отсутствия свободных земель; просьбы о переселении в качестве земледельцев на Кавказ также не были удовлетворены, — поток будущих земледельцев должен был быть направлен в пустынную Новороссию. Но это оказалось непосильным для слабых рессурсов страны, и правительство было вынуждено начать ставить преграды стихийному стремлению к переселению.

---

[1]) В. Никитин, Евреи-земледельцы (Спб. 1887 г.).

Ввели очередь для переселенцев; только небольшие партии отправлялись. А между тем продолжалось изгнание из деревень. Если некоторые кагалы, опасаясь расстройства общинной жизни, убеждали изгнанников не уходить в далекую Новороссию, то другие кагалы, по мере сил, предоставляли местным властям материальные средства для оказания помощи переселенцам[2]). Но это была капля в море.

Среди изгнанников между тем появились болезни, усилилась смертность. Возникло опасение эпидемий.

Гр. Кочубей лучше всех сознавал необходимость приостановить массовое изгнание из деревень, но могло ли правительство выразить на это свое согласие и тем нанести, как обычно думали в таких случаях, ущерб престижу власти? Выйти из запутанного положения помогло побочное обстоятельство.

В это время Наполеон созвал в Париже Синедрион, о чем должны были быть оповещены все синагоги Европы для присылки депутатов. Это вызвало в Петербурге к себе внимание как со стороны печати, так и со стороны правительства, которое решило созвать (август 1806 г.) особый комитет для обсуждения того, не требует ли это обстоятельство принятия особых мер относительно русских евреев. Был, повидимому, поднят вопрос об отсрочке выселения из деревень. В состав комитета вошли министр иностранных дел гр. Будберг, Кочубей, Чарторыжский[3]).

Вскоре последовал манифест о войне с Францией, а вслед затем о составлении милиции. Русское общество не было в то время проникнуто воинственным возбуждением. И вот, чтобы поднять общественное настроение, была сделана попытка внушить населению, что война ведется во имя православной церкви. При этом случае не преминули вспомнить о евреях. Синод разослал (декабрь 1806 г.) «об'явление», рисовавшее Наполеона богопротивником. Обвинив Наполеона в том, будто в Египте он проповедывал коран и проч., послание гласило, что к посрамлению христианской церкви «созвал во Франции иудейские синагоги, повелел явно воздавать раввинам их почести и установил новый великий сангедрин еврейский, сей самый богопротивный собор, который некогда дерзнул осудить на распятие господа нашего и спасителя Иисуса Христа,—и теперь помышляет соеди-

---

[2]) Там же.

[3]) С. М. Гинзбург, Отечественная война 1812 года и русские евреи (Спб., 1912 г.), стр. 14 и след. Академич. издание сочинений Державина т. VI (изд. 1876 г., 761—подстр. примечание). И. Оршанский, Русское законодательство о евреях, стр. 271, 272.

нить иудеев, гневом божиим рассыпанных по всему лицу, и устремить их на ниспровержение церкви христовой и, (о, дерзость ужасная, превосходящая меру всех злодеяний!) на провозглашение лжемессии в лице Наполеона...».

Подобное об'явление выпустил и митрополит римско-католических церквей в России. Печать также распространяла представление о Наполеоне как о лжемессии. Это преднамеренное искажение действительности нашло свою оценку в исторической литературе: «Войну, предпринятую единственно ради спасения погибавшей Пруссии, чтобы не дать этому государству исчезнуть с карты Европы, превращали в народную войну, направленную против гонителя православной церкви, мечтавшего, при содействии иудеев, провозгласить себя Мессией!». С другой стороны, на призыв государя оказать содействие добровольными приношениями устройству ополчения откликнулись и евреи. В «С.-Петербургских Ведомостях» печатались списки жертвователей, среди которых часто упоминаются кагалы, еврейские общества и частные евреи, причем этим спискам предшествовало об'явление, что государь повелел «предать во всенародное известие и в память потомству» имена жертвователей [4]).

Члены комитета 1806 г. различно отнеслись к созыву синедриона. Будберг заявил, что евреев во что бы то ни стало надо выселить из деревень. Но Кочубей, мнение которого разделялось и Чарторыжским, представил государю (10 февр. 1807 г.) записку, в которой, соглашаясь, что правительство «всеми мерами должно удерживать постановления свои», все же обращал внимание на то, что «нельзя отрицать, чтобы оно (правительство) не могло найтись в необходимости отступить иногда от правила сего», и потому предлагал дать отсрочку к выселению, «поставив вообще нацию сию в осторожность против намерений французского правительства» [5]).

Ссылка на французские намерения должна была лишь замаскировать (в глазах главным образом Александра) действительное положение вещей. В записке Кочубея были приведены более веские мотивы к отсрочке выселения, ничего общего с Францией не имевшие: евреи могли бы быть частью переведены в города и местечки, но в иных из них нет никаких «способов к пропита-

---

[4]) К. Шильдер, История Александра I (т. II, стр. 155—157, 352—361). С. Гинзбург, Отечеств. война 1812 г., стр. 32 и др., 36 и след.

[5]) Эти строки, в виде цитаты, имеются в докладе комитета, образованного в 1809 г.; см. „Русский Архив", 1903 г., кн. II, стр. 258. См. также: Оршанский, Русское законодательство о евреях, стр. 272.

нию», другие выгорели, и их жители-евреи, не допускаемые в деревни, бродят и скитаются; что касается евреев, желавших заняться фабричным трудом, то казенных фабрик вовсе нет, а частных слишком мало; переселение же на казенные земли невозможно из-за отсутствия денежных средств. «Вообще, ни сами они (т. е. евреи) не могут иметь способов, оставив нынешние жилища по селам, деревням и корчмам, найти оные себе в иных местах, ни правительство не может в том им подать никакого пособия» [6]).

Эта записка была утверждена Александром I. Но неудовлетворенная жажда действовать в пользу крестьян заставляла его быть исключительно настойчивым в отношении евреев, которые представлялись ему главным виновником крестьянских бед: он готов был бы смягчить меру выселения, но никак не отказаться от нее [7]).

Для разрешения вопроса о выселении был вновь образован комитет, в который, кроме Кочубея, Чарторыжского и Будберга, вошли бывшие члены комитета, выработавшего Положение 1804 г., Лопухин и Северин Потоцкий, а также гр. Чацкий и Новосильцев [8]). Одновременно сенатору Алексееву было поручено изучить вопрос на месте и выяснить — следует ли действительно отсрочить выселение.

Тогда же правительство решило выслушать мнение еврейских депутатов. 19 февраля 1807 г. последовал следующий высочайший указ на имя начальников западных губерний [9]): «От Еврейского Виленского кагала принесено нам прошение, в коем, между прочим, из'ясняются разные затруднения, предстоящие в исполнении Положения, в 1804 г. о евреях изданного. Желая дать подданным нашим еврейского народа новое доказательство попечения нашего о их благосостоянии, мы признали за благо дозволить всем еврейским обществам... избрать депутатов и представить, посредством их, начальникам тех губерний, где они живут, о способах, кои сами они признают более удобными к успешнейшему исполнению мер, в Положении 9 декабря 1804 г. изобра-

[6]) Эти строки заимствованы мною из позднейшего доклада кн. Куракина, заместителя Кочубея, но, как сообщает доклад комитета 1809 г., Куракинские мотивы в пользу отсрочки выселения „суть почти все те же", на какие указал Кочубей.

[7]) Юлий Гессен, Закон и жизнь (Спб. 1911 г.), стр. 48.

[8]) См. цитированный выше доклад комитета 1809 г. — Оршанский полагает, что это был тот самый комитет, созванный в 1806 г., который рассматривал вопрос о Синедрионе (Русское законодательство о евреях, стр. 277). Повидимому, комитет 1806 г. был пополнен в 1807 г. новыми членами, что было, вероятно, вызвано несогласием государя с Кочубеем в вопросе о выселении.

[9]) Архив сената, I департ., 1804 г., дело № 423 „О евреях", стр. 165, 167 и др.

женных, и о средствах, каковые приняты быть могут, без отмены сего Положения, к лучшему их устройству на будущее время...»

Как видим, готовясь смягчить меру выселения, правительство не сослалось на фактическое положение вещей, препятствовавшее ее выполнению. А воспользовавшись ходатайством виленского кагала, оно хотело придать пересмотру вопроса о выселении характер милостивого акта по отношению к еврейскому населению.

В западных губерниях состоялись выборы еврейских депутатов, и их об'яснения, касавшиеся не только выселения, но и других сторон еврейской жизни, затронутых Положением 1804 г., были препровождены, с отзывами губернаторов, в Петербург.

Депутаты, конечно, высказались за то, чтобы выселение было отложено на долгий срок. Некоторые губернаторы, по словам Алексеева, присоединились к этому пожеланию. Сенатор Алексеев не воспользовался предоставленным ему правом предписать губернаторам немедленно осуществить меру выселения [10]). А комитет, признав невозможным переселить евреев в короткий срок, указал на те печальные последствия, к которым это привело бы [11]). Он, как видно, считал нужным совершенно отказаться от выселения, но не смел высказать это открыто и потому предложил лишь некоторую отсрочку. Был издан указ — 19 октября 1807 г. [12]) — который, сославшись на условия военного времени и на ходатайство еврейских депутатов, потребовал, чтобы с января 1808 г. «без отлагательства малейшего и послабления» началось переселение частями, с таким расчетом, чтобы в течение трех лет оно было завершено; было предписано учредить в губерниях комитеты из дворян, которые предлагали бы кагалам делать денежные складки для переселения, побуждали бы помещиков основывать на своих землях еврейские колонии, поощряли бы богатых евреев устраивать фабрики, а равным образом заботились бы об отпуске казною средств для переселения неимущих.

---

[10]) Архив сената, I деп, 1804 г., № 423, стр. 170 (рескрипт Алексееву). Командированье Алексеева, снабженного полнотой власти, чтобы осуществить меру выселения, в известной степени осужденную Кочубеем и Чарторыжским, дает основание полагать, что требование о выселении не было выставлено самим комитетом 1802 г., в котором участвовали Чарторыжский и Кочубей, а было введено в Положение 1804 г. под влиянием извне.

[11]) Журнал комитета от 19 сентября 1807 г., приведенный в докладе комитета, образованного в 1809 г.—Гр. Чацкий определил число выселенце в в 60 тыс. семейств.

[12]) Первое полное собрание законов, № 22651—указ на имя каменец-под. губернатора; подобные же указы последовали и на имя других губернаторов; см. Никитин, Евр. земледельч. колонии, „Восход", 1881 г., кн. I, стр. 98.—В указе 29 дек. 1808 г. (Первое собр. зак. № 23424) упоминается указ 19 окт. 1807 г. на имя могил. губ-ра.

Во всем этом не было ничего реального. Дворянские комитеты не проявили никакой деятельности. Беспочвенными являлись также надежды на помощь со стороны кагалов, так как еврейские общины были бедны. Когда могилевский губернатор сообщил, что многие общества согласны обложить себя сбором, лишь бы выселенцы были водворены в Новороссии, министр внутр. дел Куракин отказался от этого именно в виду бедности евреев [13]). Лишь одно стало реальным: евреев каждой губернии в отдельности разбили на три части, и первую очередную часть стали изгонять из деревень.

Между тем был получен и рапорт сенатора Алексеева [14]). Повторив то, что многие говорили о невозможности выселить евреев в короткий срок, он указывал, что если это все же состоится, то последует большое несчастье. К тому же, возросшая среди еврейского населения бедность привела к увеличению преступности среди него.

Выселенцам негде было преклонить голову, и они молили, чтобы их поселили поскорее в Новороссии. Но новороссийская администрация отказывалась от принятия новых поселенцев, и министру внутренних дел Куракину, подобно его предшественнику Кочубею, приходилось убеждать бесприютных изгнанников запастись терпением и заняться, пока физическим трудом [15]), чтобы подготовиться к будущей деятельности хлебопашца!

Сотни семейств бродили, ища хлеба. Бедствие, выпавшее на долю евреев, стало превращаться в общее несчастье. Тогда, наконец, Куракин решился высказать то, что всеми сознавалось, но о чем не смели говорить.

Повторив то, что было сказано два года назад Кочубеем, Куракин заявил, что евреев необходимо оставить на старых местах, «пока они были бы постепенно переселены на казенные земли, к чему потребно несколько десятков лет, по чрезмерному их количеству», и предложил образовать новый комитет для рассмотрения злосчастного вопроса [16]).

---

13) Никитин, назв. сочинение.

14) Сборник историч. материалов из архива собств. е. и. в. канцелярии (1889 г.), вып. II, отд. II, стр. 337—344.

15) Никитин, Евр. зем. колонии.—В 1810 г. переселение евреев в Новороссию было прекращено за недостатком средств у казны; половина ассигновок была употреблена на посторонние расходы (Первое полное собр. законов, № 24185а. Положение комитета министров от 6 апреля 1810 г.).

16) Содержание записки Куракина приведено в докладе комитета, образованного в 1809 г.; как тождественная во многом с представлением Кочубея, записка Куракина изложена мною выше. Ср. акад. издание сочинений Державина, т. VI (1876 г.), стр. 762, подстр. примеч.

Это привело к тому, что указом 29 декабря 1808 г. государь приостановил выселение впредь до повеления и предписал «войти в особенное и окончательное» рассмотрение вопроса, каковая задача, указом 5 января 1809 г.[17]), была возложена на видного деятеля того времени сенатора В. С. Попова. Он был назначен председателем вновь образованного комитета в составе знакомых нам Северина Потоцкого и сенатора Алексеева, а также товарища министра внутренних дел Козодавлева, писателя, просвещенного человека, который в качестве сенатора разрешал разнообразные вопросы еврейской жизни; позже в комитете принял участие бывший минский губернатор масон Карнеев, близко знакомый с положением евреев в деревнях. Комитету было поручено рассмотреть не только вопрос о выселении, но также просьбы депутатов касательно отмены различных постановлений Положения 1804 г.

По требованию указа предстояло изыскать меры, чтобы евреи, будучи удалены от винных промыслов, могли «себе доставлять пропитание работой»[18]). Но в чем же могли заключаться такие меры, когда, по словам того же указа, невозможность переселения «не от чего иного главнейше происходит, как только от того, что евреи, по нищете их, не имеют сами способов, оставив настоящие их жительства, устроиться и обзавестись в новых состояниях. Правительство равным образом не может принять на себя водворение всех их на новых местах».

После трехлетней работы комитет Попова изготовил (17 марта 1812 г.) всеподданнейший доклад[19]), главное значение которого заключается в том, что он представляет собою результат коллективной мысли: комитет не привел новых фактов и не пришел к новым выводам; он лишь подвел итог старым материалам и выводам. Ознакомившись с документами, собиравшимися в течение 25 лет, служившими полным отражением сложной действительной жизни в западных губерниях, комитет пришел к необходимости повторить то, что до него говорили многие представители местной власти, помещики и евреи. И этим он рассеял легенду о еврее, как о виновнике крестьянских бед.

17) Первое полное собрание законов, №№ 23424 и 23435.

18) В 1809 г. в Кременчуге была устроена, на средства казны, „училищная фабрика для евреев" для обучения их сукноделию. Попытка не имела успеха, и фабрика была вскоре упразднена. См.: И. Павловский, Кременч. фабрика сукноделия для евреев в начале XIX в. (Полтава, 1915 г.); также в сокращенной редакции: „Голос Минувшего", 1913 г., кн. X(см. „Еврейская Старина", 1916 г., стр. 345—351. Рецензия). Подобную фабрику было предположено устроить также в Чернигове. См. Журналы комитета министров (1888 г.), т. I, стр. 233 — 234 (адмирал П. Чичагов предсказал неуспех), 249, 255[2], 285. Также: Архив Госуд. совета, т. IV (департ. экономии), ч. II, стр. 1401—1403.

19) Некоторые данные о появлении доклада в печати—см. в моей книге „Евреи в России" (стр. 335—337, подстр. примеч.), а также в „Восходе", 1903 г., кн. V.

«Доколе у белорусских и польских помещиков будет существовать теперешняя система экономии, основанная на продаже вина, — заявил комитет, — доколе помещики не перестанут, так сказать, покровительствовать пьянству, дотоле зло сие, возрастая год от году, никакими усилиями не истребится, и последствия будут все те же, кто бы ни был приставлен к продаже вина, еврей или христианин». Было бы желательно — будь это фактически возможно, — чтобы евреи обратились к другим занятиям, но, во всяком случае, замена евреев христианами в роли арендаторов и корчмарей только ухудшила бы положение, — крестьяне по прежнему пьянствовали бы, кто бы ни стоял в шинке, а между тем тысячи крестьян-земледельцев были бы превращены в шинкарей; к тому же, евреи приносят пользу в деревнях, занимаясь торговлей, доставляя крестьянину все необходимое из города, возя почту. И потому, вместо постоянных отсрочек, которые ничего другого не обнаруживают, как неосуществимость закона, комитет признал необходимым решительным образом пресечь замешательство, оставив евреев на старых местах при прежних занятиях.

Этот доклад комитета не был утвержден государем[20]). Быть может, из опасения, что отмена выселения, на котором правительство так настаивало в течение ряда лет, уронит уважение к закону. Легко допустить и то, что государь не хотел санкционировать постановление, которое шло в разрез с его волей. Наконец, возможно, что Отечественная война помешала дальнейшему движению доклада. Во всяком случае, то, что мера выселения не была отменена законодательным путем, не могло иметь тогда практического значения, так как по указу 1808 г. евреев оставили на местах; вместе с тем, по просьбам евреев и по представлениям других лиц правительство постепенно «открыло им промыслы вином»[21]).

Но и после сего сама идея о возможности производить на живом теле еврейского народа подобные опыты не была отвергнута, и это послужило источником бед, которые евреи претерпе-

---

[20]) Еврейский комитет (из директоров департаментов), учрежденный в 1825 г., заслушал в заседании 21 августа 1825 г. заключения, „предположенные учрежденным в 1809 г. комитетом, но не вошедшие еще в законную силу за неутверждением поднесенного всеподданнейшего доклада". Архив минист. нар. просвещения, дело № 47505 (карт. 1483).

[21]) Мемория Евр. комитета за март 1827 г. (архив минист. вн. дел, департ. полиции исполнительной, 1827 г. дело № 624). Указами 18 апреля 1819 г., „соответственно предшествовавшим разрешениям по разным случаям", было дозволено евреям белорусских губерний содержать шинки и постоялые дворы (Ср.: Положение комитета министров 14 февр. 1825 г. Копия в архиве госуд. совета, деп. законов, 1835 г., дело № 11).

вали в течение дальнейшего времени от частичных выселений и разнообразных стеснений в жительстве. Обычная деятельность торговцев, промышленников и ремесленников об'являлась вредной, если от нее страдали конкуренты-христиане; в связи с этим вошло в обыкновение при разрешении вопросов о праве жительства, чаще всего сводившихся к вопросам об экономической деятельности евреев, оставлять без внимания их насущные нужды и элементарные права, сообразуясь лишь с пестрыми посторонними задачами, иногда со случайными обстоятельствами, а также с домогательствами отдельных групп христиан, порою даже явно противоречившими потребностям широких слоев местного христианского населения.

Подобные меры, как не соответствовавшие фактическим условиям быта, как не имевшие под собою реальной экономической или общественной основы, отнюдь не выполнялись в полной мере: жизнь заставляла допускать отсрочки, делать исключения и т. д.,— порою суровые приказы не шли далее канцелярской переписки. Но все таковые распоряжения не только вносили тревогу в среду еврейского населения, открывали простор для корыстных домогательств со стороны провинциальной администрации и столичных чиновников, но и усугубляли тяжесть неблагоприятных условий экономической жизни евреев; а содействуя распространению в христианском обществе убеждения, что еврей будто по самому существу своему вредоносны, а вместе с тем внушая, что они беззащитны пред лицом окружающего населения, репрессивная политика еще более сгущала обступавшую их общественную атмосферу, проникнутую неприязнью.

Глава девятая.

Голоса протеста против устаревших форм быта: Менаше Илиер и анонимный обличитель.—Кагалы успешно противятся культурно-просветительной реформе.—Отечественная война и „депутаты еврейского народа".—Тревожные ожидания.—Сосредоточение всех еврейских дел в руках кн. Голицына.—Избрание новых депутатов.

Культурно-просветительная реформа, намеченная Положением 1804 года, сводилась к тому, чтобы внешне несколько сгладить религиозно-национальную отчужденность евреев, не прибегая к принуждению и даже «щадя самые предрассудки» их. Запрещение раввинам провозглашать херем, а кагалам—налагать чрезмерные поборы, равно как предоставление хасидам права устраивать особые синагоги, даже все это было направлено не к преобразованию быта, а лишь к некоторому ограждению массы от гнета кагала. Еще менее могли поколебать быт такие постановления, никогда не осуществившиеся, как требование, чтобы раввины, кагальные старшины и члены магистратов знали еще один, кроме еврейского, язык, чтобы члены магистрата носили общепринятое платье, а не еврейское. Открытие юношеству доступа в общую школу тоже не заключало в себе ничего агрессивного против религиозно-национального уклада еврейской жизни.

Однако, эти постановления сильно встревожили кагал, и не только потому, что в них гнездилась угроза для его господства над народом, но и потому, что в них, по убеждению кагала и раввината, таилась опасность для неприкосновенности религии и векового национально-религиозного быта.

Узлом новшеств являлось просвещение. Чтобы воспрепятствовать юношеству переступить порог русской школы, откуда—по мнению консервативного лагеря—не было возврата к народу и его религии, кагал нуждался в полноте власти, и в этом отношении запрещение предавать ослушников херему было чувствительным стеснением; чтобы держать народ в рабском подчинении веками сложившемуся общественному укладу, нельзя было допустить даже перемены одежды, которая представлялась духовно-слепым

людям реликвией священной старины. Утрата малейшего звена могла повлечь за собою разрыв старой цепи, которою в течение веков искусственно укреплялась национально-общественная жизнь, поддерживалась власть кагала. И господствовавший класс, не способный на созидательную работу, чуждый духу эпохи, направил свою энергию на то, чтобы оградить окаменелую религиозно-национальную жизнь от ударов времени—извне и извнутри.

Значительнейшая часть населения, невежественная и нищая, покорно гнулась под игом кагала и молча следовала—и в образе жизни, и в образе мысли — его велениям. Однако, кагал не представлял всего еврейского общества. Если явных противников существующего строя было слишком мало, то за ними, таясь в неизвестности, скрывались многие. Кагал это сознавал и потому сурово подавлял даже самые слабые голоса протеста.

Жертвой этой темной силы пал и выдающийся талмудист, поборник просвещения Менаше Илиер[1]). Он чутко прислушивался к тому, что — в связи с изданием Положения 1804 г. — говорилось о евреях, и к тому, что говорилось самими евреями. Его печалило, что на них возводились тяжкие обвинения, а вместе с тем и то, что евреи, по его мнению, были сами в значительной степени виноваты в своем положении.

В 1807 году, т. е. тогда, когда представители кагалов, созванные в западных губерниях, настаивали[2]) на том, чтобы культурно-просветительные постановления Положения были отменены, Менаше разослал раввинам и общественным деятелям свою книгу «Pescher Dabar»; она была встречена крайне неприязненно; из уважения к учености Менаше его не предали херему, а книгу не сожгли; но все же ее из'яли из обращения. Несколько лет спустя он начал было печатать новое свое произведение, но типограф, под давлением со стороны фанатиков, сжег отпечатанные листы вместе с рукописью; а позже книга Менаше «Schekel hakodesch» подверглась массовому сожжению — от нее остались лишь немногие экземпляры.

За что же книги Менаше подвергались гонению? За то, что он обличал господствующий класс, отмечал темные стороны еврейской жизни.

Нищета — говорил он — необычайно велика, но может ли быть иначе, когда у евреев ртов более, нежели рабочих рук? Надо внушить массе, что средства к жизни следует добывать соб-

---

[1]) Менаше бен Иосиф Илиер (Бен-Порос) родился в 1767 г. в Сморгони; умер в 1831 г. в мест. Илии, Виленской губернии.

[2]) См. ниже.

ственным трудом, не расчитывая на поддержку со стороны богачей, причем, конечно, необходимо дать этим беднякам соответствующие знания. Молодые люди, не имеющие никаких заработков, вступают в брак, надеясь на милосердие божие и на кошелек тестя, а когда эта поддержка рушится, они, обремененные уже семьями, бросаются на первое попавшееся занятие, хотя бы и не честное. Толпами берутся за торговлю, но она не может всех прокормить, а потому прибегают к обману. Вот почему желательно, чтобы евреи обратились к земледелию. Армия бездельников, под личиною «ученых», живет на средства благотворительности и за счет общины. Некому заботиться о народе: богачи заняты мыслями о наживе, а раввины — распрей между хасидами и миснагдами; общественные деятели следуют по их стопам, и их единственная забота сводится к тому, чтобы предотвращать «гзейры», т. е. несчастье в виде правительственных распоряжений, хотя бы они несли с собою благо для народа. Нужно, чтобы ученые собрались и сделали в религиозных обрядах изменения, вызываемые потребностью времени. Надо просветить народ, отказаться от нелепой системы воспитания [3]).

Не имея возможности открыто выступать против отрицательных сторон внутреннего быта, люди, проникнутые желанием обновить общественную жизнь, вынуждались действовать тайно, и здесь берет начало укоренившаяся вскоре привычка обращаться к правительству с записками. Авторы записок, представляя их сановным лицам, обычно не скрывали своего имени, но в целях предосторожности, по их просьбе, записки поступали в правительственные канцелярии как анонимные произведения.

Когда вследствие указа 1807 г. вопросы еврейской жизни, затронутые Положением 1804 г., должны были быть вновь пересмотрены [4]), неизвестный еврей передал министру внутренних дел записку: «Некоторые замечания касательно благоустройства евреев», которая по высочайшему повелению была внесена в Государственный совет, а затем передана в комитет Попова [5]).

Автор прежде всего касается ранних браков; обычай женить юношей 14 или 13 лет и даже моложе, «есть корень бесчисленных зол и составляет сильнейшую препону к отвлечению евреев от тех закоренелых обычаев и дел, коими они навлекают на себя общее негодование и бывают вредны себе и другим». Неженив-

---

[3]) С. Розенфельд, Менаше Илиер. Сборник „Пережитое", т. IV.

[4]) См. выше, стр. 163.

[5]) Архив министерства земледелия, 1808 г. № 15063 (цитаты из этой записки — см. выше, стр. 144). Архив Госуд. совета, т. III, ч. I, стр. 843—844 (Спб. 1878 г.).

ниеся в ранние годы презираемы среди евреев «не только в молодости, но и в самой старости и теряют много достоинства и выгод между ними, потому что ныне все почти преимущества чести и доверия между ними заключаются единственно в строгом исполнении обрядов и введенных толкователями веры обычаев». Даже беднейшие напрягают последние усилия к тому, чтобы возможно раньше женить детей, хотя этих новобрачных ожидают муки нищенского существования. Ранние браки были введены раввинами, извлекавшими из этого доходы. Кто ревностно изучает Талмуд и строго исполняет обряды, тот скорее найдет выгодное супружество; кто же менее усердно исполняет религиозные предписания, тому труднее «сыскать супружество, сколь бы в прочем не имел светских достоинств». Выгодным браком называется тот, благодаря которому устанавливается родственная связь с учеными талмудистами и теми, кто ревниво исполняет обряды.

Многие — продолжает анонимный автор — не почитают священными бесчисленные обряды и правила, произвольно введенные, удаляющие евреев от других народов, отвлекающие внимание от всего полезного, отдающие народ в рабство предрассудкам, отнимающие по своей многочисленности большую часть времени, лишающие евреев «удобности быть хорошими гражданами»: но все же, даже тот, кто все это сознает, сам исполняет в строгости предписанные обрядности, чтобы можно было вступить в приличествующий брак и не потерять в обществе доброго имени и доверия, а следовательно и своего благосостояния. Люди, рано женившиеся, занимаются лишь изучением Талмуда, и когда наступает наконец, время самостоятельного существования, эти отцы семейств, совершенно не подготовленные к труду, вовсе не знающие жизни, обращаются к винным промыслам и мелкой торговле; иные, у кого остались деньги, становятся заимодавцами, а другие — народными учителями, от которых дети перенимают лишь невежество и неопрятность... Постоянная нужда не позволяет и ремесленникам добросовестно заниматься своим делом; женившись, пятнадцатилетний ученик уже не обучается своему ремеслу, но делается сам хозяином и «портит только работу». Указав, что раввины, в своих интересах, опутали жизнь сетью постановлений, автор отмечает, что постепенно в руках раввинов сосредоточились все власти — духовная, законодательная и полицейская, и таким образом от раввинов стали зависеть «честь и доверие частных евреев», вследствие чего именно изучение Талмуда и исполнение обрядов, как единственное средство отличиться и приобрести благосостояние, стали «главнейшей мечтою

стремлений евреев». Хотя правительство и ограничило права раввинов и кагалов, но «дух в народе остался прежний», и предрассудки продолжают господствовать, поддерживаемые житейскими потребностями и страхом народа пред властью раввинов. И именно эта тайная сила, опутывающая все домашние и общественные дела, должна быть уничтожена. С этой целью автор предложил, между прочим, не дозволять духовным правлениям вмешиваться в дела о податях и полицейских повинностях, — чем, как мы знаем, именно и был силен кагал, — и предоставить высшему духовному судилищу право отменять постановления, не имеющие основания в еврейском Законе, и вводить новые, вызываемые условиями времени. Когда надлежащие преобразования будут осуществлены, тогда евреи должны быть во всем уравнены с прочим населением.

Неизвестный автор записки и Менаше Илиер сходились во взгляде на существо внутренней реформы, оба считали раввинов и кагал виновниками народного невежества и нищеты,—а между тем, это были люди, различные по воспитанию и общественному положению: анонимный автор несомненно принадлежал к высшему торгово-промышленному кругу и усвоил европейское образование.

Мутна была накипь еврейской жизни; сдавленный стон доносился из глубин народа. Но кагально-раввинский союз не хотел ничего ни видеть, ни слышать. Тяжелою завесою распростер он над массою свою власть, и луч света не проникал в это темное царство.

Именно тогда, когда правительством была сознана необходимость реформировать еврейский быт в соответствии со взглядами образованных кругов еврейского общества, власть кагала расширилась, несмотря на то, что права кагальных старшин и раввинов были урезаны. Если закон и потребовал, чтобы старшины не налагали чрезмерных податей, а раввины не прибегали к карам религиозного характера, то эта утрата была компенсирована тем, что кагал приобрел—правда, только в известной мере—ту роль представительного учреждения, которою он пользовался в Польше. Усилением своего значения кагал был обязан институту депутатов.

Когда в 1807 г. обществам западных губерний предоставили избрать депутатов [6]), которые высказались бы по поводу осуществления Положения 1804 г., депутатами явились ставлен-

[6]) См выше, стр. 163.

ники каталов. И значение кагала, как признанного глашатая нужд и желаний народа, должно было усилиться, когда несколько позже самый институт депутатов занял более влиятельное положение.

О чем же помышляли эти представители народа, созванные в годину испытаний? В тревожное время, когда многотысячной массе предстояло изгнание с насиженных мест, когда всему народу угрожало экономическое бедствие, депутаты направили усилия к тому, чтобы укрепить власть кагала, остановить в самом начале культурное движение. Депутаты, конечно, хлопотали о некоторых нуждах населения, но и в тяжелую годину они не забыли о собственных интересах. На помощь депутатам явились так называемые «поверенные обществ», из коих некоторые прибыли в столицу, чтобы лично воздействовать на сановников в пользу каталов.

Для упрочения своей власти каталу нужно было, с одной стороны — добиться отмены закона, запрещавшего раввинам подвергать непокорных членов общины суровым карам, а с другой стороны — надо было задержать культурное движение. Депутаты заявили, что лишение раввинов права карать ослушников противно тому «духовному уважению», которое евреи «по закону обязаны иметь к раввинам»; лишение раввинов власти, данной им религией, «ослабив узы совести (евреев), может в скором времени довести их до крайнего разврата»; поэтому депутаты просили предоставить, «на основании древних правил, раввинам полную власть суждения преступников духовных законов и чинения надлежащего по духовным законам взыскания».

Мы знаем, что постановления комитета Попова не получили силы закона, тем не менее, его решение по поводу этого домогательства заслуживает внимания, ибо оно раскрывает те условия, в которых протекла в первой своей стадии борьба кагала с культурной реформой.

Члены комитета, люди просвещенные, могли понять из цитированной выше анонимной записки, что духовные законы, о которых говорили депутаты, слишком широко понимались, что раввины придавали религиозный характер повседневным житейским явлениям именно с той целью, чтобы прогрессивное течение не подмыло векового уклада еврейского быта. Сенатор Алексеев, посетивший западные губернии, отлично уяснил себе [7]), что обще-

[7]) Рапорт Алексеева. Сборник историч. материалов из архива собств. е. и. в. канцелярии, 1889 г., вып. II.

ственные главари «при всяком случае выставляют в виде религии», именно для отклонения реформ, не только постановления о пище, но даже «отменности в одеянии» и пр. Однако, члены комитета не устояли перед угрозой, что, выйдя из повиновения раввинам, евреи впадут в «разврат». Зная из упомянутой записки, что представляла собою еврейская жизнь, руководимая кагалом, комитет Попова готов был сохранить в неприкосновенности весь этот архаический строй, лишь бы избегнуть ужасных последствий, о которых говорили депутаты: не следует касаться обрядов религии, «малейшее неосторожное прикосновение к которой потрясает основания нравственности, на коих утверждаются верность к государю и повиновение к правительству»! Очевидно, депутатам удалось внушить членам комитета, что власть раввинов служит опорой для правительственной власти. Вместе с тем, депутаты заверили членов комитета, что «всякое деяние еврея подчинено какому-либо законному обряду религии, упущение которого почитается действительным грехом», а потому комитет предложил: не ослаблять власти раввинов: запрещение предавать херему должно остаться в силе, но им следует вернуть право подвергать ослушников другим наказаниям.

Комитет не уяснил себе, кого депутаты считали «преступниками духовного закона»; не подозревал, что таковыми являлись и те, кто стремился к образованию, т. е. те, во имя которых комитет отверг домогательства депутатов, направленные против просвещения [8]).

Закон 1804 г., как мы знаем, предостерегал, что если евреи не пойдут в общую школу, то на их средства будут учреждены специальные училища. Кагал мог быть спокоен, что широкие массы, которым мысль об образовании подрастающего поколения была чужда, останутся в прежней своей неподвижности. Но в известных общественных кругах, — особливо в крупных городах, — призыв правительства в школу должен был найти сочувственный отклик. А с этим кагал считал себя обязанным бороться, как это видно из об'яснений, которые были даны в 1807 г. депутатами по вопросу об образовании: были использованы различные предлоги, чтобы замаскировать отрицательное отношение к общеобразовательной школе [9]).

Помимо приведенных выше ходатайств, депутаты хлопотали об отмене и других некоторых статей Положения 1804 г. Все это,

---

[8]) Доклад комитета Попова. „Русский Архив", 1903 г., кн. II, стр. 273, 267.
[9]) Архив минист. народн. просвещения № 47505, стр. 24 и др.

однако, не привело к цели, так как доклад комитета Попова не был санкционирован.

Но уже вскоре, в связи с событиями двенадцатого года, появились новые «депутаты еврейского народа», которые и приняли на себя заботу об осуществлении пожеланий, высказанных депутатами, созванными по губерниям в 1807 году [10]).

Отечественная война принесла еврейскому населению много бедствий, — материальные потери и нравственные страдания; пришлось терпеть даже от пленников, которые, видя, что евреи находятся в положении пасынков страны, издевались над ними, оскорбляли их религиозные чувства. Русские и неприятельские офицеры заставляли евреев быть лазутчиками, и многие пали жертвами полевых судов. Однако, евреи часто добровольно доносили русским о движениях французских войск. Правительство охотно пользовалось евреями, как поставщиками [11]).

В 1812—1813 г.г. при Главной Квартире Александра I состояли два еврея, Зундель Зонненберг (он же Гродненский) и Лейзер Диллон (Несвижский). Сопровождая Квартиру и за пределами России, они исполняли, при содействии кагалов, поручения по удовлетворению нужд армии, а вместе с тем хлопотали по еврейским делам. Они назывались депутатами то «от еврейского народа», то «от кагалов», — последнее больше соответствовало действительности [12]).

Депутаты приложили не мало усилий, чтобы добиться облегчения участи народа, положение которого значительно ухудшилось ко времени войны. В 1813 г. Зонненберг вместе с другими депутатами представил государю лично записку, в которой просил: дозволить торговлю, откуп и курение вина по всей России; обязать помещиков ограничиться сборами с евреев тем размером, какой был

---

10) См. ниже.

11) С. Гинзбург, Отечественная война 1812 г. и русские евреи. — Юлий Гессен, Кто он? („Новый Восход", 1912 г., №№ 31 и 32.—Архив общей канцелярии министра финансов, 1 отдел., 3 стол, 1823 г., дело № 361 „По просьбе еврея Гальперина").

12) Ср. мое исследование „Депутаты евр. народа при Александре I", напеч. в „Евр. Старине", 1909 г., кн. III и IV. Использованные материалы: Общая канцелярия минист. полиции, 1816 г. № 117 (кн. 95, стр. 74, 78). „По просьбе депутата Деллиона о представлении его лично государю"; там же, 1817 г. № 304 (кн. 125, стр. 59), „Об отправлении Деллиона в Несвиж"; Особая канцелярия мин. полиции, 1817 г., № 89 „О невысылке из Петербурга депутата Диллона"; там же, 1817 г., № 101 „Об избрании евр. депутатов вместо Лейзера Диллона и Зунделя Зонненберга"; Департамент полиции исполн., 1817 г., № 252 „По представлению волынского губернатора о евр. депутатах"; там же, 1827 г., № 624, мемории евр. комитета за июнь и сентябрь 1826 г., (также архив общей канцелярии министра финансов, 1823 г., № 23). Голицын, История русск. законод. о евреях; Р. (Ильиш). Очерк истории рижских евреев („Восход" 1885 г., кн. VII); С. Пен, Депутация евр. народа („Восход" 1905 г., кн. I, II и III).—См. также: Д. Г. Магригид, К истории евр. депутатов в царств. Александра I („Пережитое", т. IV, стр. 181—191).

установлен в старое время; предоставить заседать в магистратах и др. учреждениях в равном числе с христианами; простить недоимки и даровать льготу в податях; остановить уплату процентов по давним долгам кагалов; простить евреев, находящихся под уголовным судом, а впредь судить их в присутствии еврейских членов магистратов. Однако, сколь ни была мрачна в материальном и моральном отношении еврейская жизнь, скрывавшаяся за этими краткими пунктами ходатайства, депутаты, ставленники кагала, не позабыли о своем хозяине, и в той же записке они просили, «чтобы их духовному начальству была возвращена власть наказывать за нарушение их закона» [13]).

В 1814 г. вновь «депутация еврейского кагала» представилась государю. Официальный документ гласит, что 29 июня 1814 г., находясь в Брухзале (Баденское герцогство), «его величество соизволил выразить еврейским кагалам свое милостивейшее расположение и повелеть, чтобы та же депутация или подобная отправилась в С.-Петербург, дабы там, во имя проживающих в империи евреев, выждать и получить выражение высочайшей воли и определение относительно их всеподданнейших желаний и просьб касательно современного улучшения их положения».

В следующем году в Белоруссии и Литве состоялись собрания уполномоченных местных кагалов, а в мае 1816 г. представители главных литовских и белорусских общин с'ехались в Минске. С'езд считал своей задачей «ускорить поездку в Царский город Петербург депутатов, необходимых для непосредственного выслушания властного царского слова, обращенного к своим верным слугам, народу израильтян, и чтобы создать средства для поддержки стонущих и вздыхающих бедняков». Для этой цели, кроме сбора за сожигание свечей (по пятницам вечером), были установлены различные налоги. С'езд выпустил по этому поводу воззвание, но деньги, потребованные с'ездом, не поступили и, повидимому, в связи с этим избрание новых депутатов не состоялось — Диллон и Зонненберг продолжали нести свои обязанности [14]).

А время было тяжелое. Собрались грозовые тучи. Атмосфера сгустилась.

---

13) По словам Диллона, царь обещал рассмотреть эти просьбы (архив сената, дело минист. юстиции 1814 г., № 77), но записка не получила движения, пролежав в кабинете царя до его смерти. См. архив мин. внутр. дел, департ. полиции, 1827 г. дело № 349, ч. II, стр. 265.—Содержание записки Зонненберга изложено в мемории директ. комитета за июнь 1826 г. (департ. полиции, 1827 г., № 624), куда она была направлена по распоряжению Николая I.

14) В мемории „директорского комитета" (сентябрь 1826 г.) говорится, что „два еврея, находившиеся при гл. квартире, по высоч. соизволению в 1817 г. приехали сюда в качестве депутатов".

Правительство хотело знать точную численность еврейского населения, чтобы взыскивать соответствующую податную сумму; кагалы же скрывали действительное число «душ».

Податные недоборы об'ясняются отчасти злоупотреблениями старшин. Но главная причина заключалась в том, что расходы по общинам достигали столь значительных размеров, что население не могло выплачивать и общественные сборы, и казенные подати; множество людей было лишено средств к жизни, не находило заработков, так как массовые выселения сильно разрушили хозяйственную деятельность. Правительство было осведомлено о нужде, царившей в широких еврейских кругах, и сочувствовало им. Напр., государь велел в 1806 г. заплатить из средств кабинета рекрутские деньги, причитавшиеся с евреев местечка Сморгони [15]). Так как более состоятельные лица были лишены возможности платить подать за неимущих, то кагалы скрывали «души» при ревизиях, и все же недоборы продолжали из года в год наростать. Вот почему, хотя «прописные» (утаенные) и были освобождены от наказания, кагалы не выдавали их, зная, что те не сумеют заплатить подати за ряд протекших лет и тяжесть налогового бремени упадет на кагал. Подольский кагал, заверяя, что он не в состоянии внести подать за прописных с 1797 г. по 1808 г., просил сложить недоимки, и при этом обещал сообщить точную цифру численности населения. Это предложение было принято [16]).

Однако, недоимки продолжали накопляться. Кагалы не переставали утаивать «души». Обнаружив, что кагалы киевской губернии не дают верных сведений о численности населения, министерство финансов предложило применять к кагальным старшинам фактически не осуществлявшийся манифест 1811 г., согласно которому виновные в утайке душ (имелось ввиду не еврейское, а вообще все население) подлежали отдаче в рабочий дом на один год. Представленный (1817 г.) сенату, этот проект был одобрен: киевских кагальных старшин арестовали, а в Волынской губернии старшин сдали на казенные суконные фабрик [17]).

---

15) Архив мин. вн. дел, департ. полиции исп., 1806 г., № 107.

16) Журналы комитета министров, том 1, стр. 412—13 (1809 г.).—См. архив департ. скл. сборов, дело 1 разряда, 1805—22 гг. „О сделании евреям новой переписи" (о прощении недоимок).—В архиве госуд. совета, департ. законов, 1835 г., дело № 11 имеются в копиях: Мнение гос. совета от 12 апр. 1809 г. об освобождении от наказания могил. евреев, пропущенных по 5 ревизии; положение комитета министров от 7 дек. 1809 г. „Об освобождении киевск. евреев, пропущенных по ревизии, от платы податей за прошедшее время".

17) Архив общей канцелярии мин. финансов, I отд. 4 стол, 1816 г., № 16 „О происходящей утайке душ по киевской губ.". Указ сената от 3 июля 1819 г. министру финансов (архив гос. совета, деп. законов, 1835 г., № 11).

Наряду с нареканиями по поводу недоимок евреям ставилось в вину то, что среди них распространена торговля контрабандными товарами.

Прибыв в Петербург, Диллон узнал от одного осведомленного администратора, расположенного к евреям, о таких ожидающих их ужасах, что Диллон даже не решался письменно сообщить минскому кагалу. Речь шла об исключительно тяжелой каре за утайку душ, и сановник посоветовал Диллону рассказать всю правду государю, чтобы признанием заслужить прощение. В это же время изготовлялся указ и о том, чтобы земли, находившиеся на аренде у евреев, были возвращены помещикам, независимо от того, вернут ли помещики евреям долги по арендам.

Диллон решил искать поддержки непосредственно у государя и стал умолять кагалы прислать ему кого-нибудь в помощь. В январе 1817 г. он и Зонненберг были приняты Александром в продолжительной аудиенции, и царь дал им обещание: послать чиновника расследовать обвинения в ритуальных преступлениях, возведенные на евреев Межиречья, Люблина и других общин; приостановить готовившийся указ сената по поводу утайки душ, угрожавший невообразимым бедствием; поручить заведывание всеми еврейскими делами кн. А. Н. Голицыну (личному другу государя), который будет непосредственно докладывать ему. Но вместе с тем Александр высказал недовольство утайкой душ, распространением контрабандного промысла среди евреев и еще тем — если верить депутатам, — что евреи не исполняют предписания своей религии, а это влечет за собою нарушение государственных законов.

И депутаты писали кагалам: «Поспешите! Проходите раз и еще раз по всем станам еврейским с великим трубным звуком и великим тяжелым херемом, чтобы отныне и во веки ни один израильтянин не торговал контрабандой и не искал никаких обходов закона». Пусть каждый правдиво скажет, есть ли у него контрабандный товар, — депутаты обещали исходатайствовать прощение за прежнюю вину.

В заключение депутаты сообщали, что пребывание в столице обходится дорого. Им хотелось бы вернуться домой. Но государь желает, чтобы в столице находились «постоянно два наших избранника, которые были бы в непосредственном распоряжении императора... чрез которых постоянно доходили бы до его величества все желания и нужды братьев наших Израильтян», и депутаты просили наметить людей, которые бы заменили их. Государь приказал Зонненбергу и Диллону оставаться в столице в

течение двух месяцев, пока еврейским делам не будет дан надлежащий ход, после чего они могут заместить себя новыми депутатами.

В начале 1817 г. последовал указ — дела, касающиеся евреев, сосредоточенные в сенате, посылать на рассмотрение Голицына. Серьезно отнесясь к задачам депутатов, Голицын усилил их официальную роль, установив, чтобы избранные депутаты утверждались государем, и включив их в число лиц и учреждений, с которыми должно было сноситься возглавлявшееся им об'единенное министерство духовных дел и народного просвещения [18]).

Помимо старой дружбы, государя и Голицына связывало мистическое настроение, владевшее ими обоими. Туманное представление о народном благе, покоящемся на благочестии царя и его подданных, во всем поступающих по заветам св. евангелия, внушало идею о необходимости не стеснять подданных в религиозных верованиях. Библейское общество, руководимое Голицыным, представлявшее собою как бы орган правительственной власти, распространяло в России издания библии на разных языках среди христиан всех исповеданий, а также среди магометан и других народов. При таком настроении государь и Голицын прониклись особым чувством к евреям, в котором как бы сплелись: благожелательное отношение к бедственному положению древнего народа Ветхого Завета, известное уважение к его религии, а вместе с тем и желание приобщить этот народ мирными путями к Новому Завету.

Подобное отношение к еврейскому народу если и не внушил, то поддержал Льюис Вей, член лондонского миссионерского общества, который, приехав в Россию (1817 г.), чтобы ознакомиться с положением евреев, имел беседу с Александром I и, вероятно, тогда же высказал ему те свои взгляды, которые позже изложил в записках [19]). Склоняя евреев искренним словом к принятию христианской веры, Вей был противником принудительного обращения их в христианство; более того, он настаивал на необходимости предоставить им при известных условиях гражданские права.

---

18) Первое полное собрание законов, № 27106.

19) Ко времени Аахенского Конгресса (1818 г.) Вей составил для Александра I, с его согласия, записку о евр. реформе—„Mémoire sur l'état des Juifs, adressé à S. M. l'Empereur de toutes les Russies", а затем—„Mémoire pour servir de suite et de développement aux principes, énoncés dans l'ecrit, adressé (т. е. в упомянутой выше записке) á S. M. l'Empereur de toutes les Russies, concernant l'état actuel des israélites, et l'amelioration de leur sort". См. мою статью в „Еврейской Энциклопедии", т. V, ст. 367—370.

Однако, если, оставаясь в пределах религиозных мечтаний, государь и Голицын сходились с Веем во взгляде на дело еврейской реформы, то, выходя на путь практических мероприятий, они расходились с ним. Правительство сознавало, что евреи имеют право на облегчение их участи в виду проявленного ими патриотизма во время войны[20]). Но оно даже не задумывалось над тем, чтобы заняться вопросом о евреях с целью улучшить их правовое положение, оно готово было лишь в отдельных случаях оказать им внимание.

Между Зонненбергом и Диллоном шли личные счеты и честолюбивые раздоры. Одно время главенствовал Диллон—червь зависти точил Зонненберга, и, по словам официального документа, «по поводу происшедшего между депутатами несогласия, они желали, чтобы их народ избрал новых депутатов». Воспользовавшись отъездом Диллона, Зонненберг добился того, что (октябрь 1817 г.) было предписано избрание новых двух-трех депутатов, для чего должны были быть созваны в одном месте «из каждой губернии по два первейших духовных члена».

Избрание кандидатов по губерниям происходило медленно. Лишь 19 августа 1818 г. состоялось в Вильне собрание губернских представителей. Оказались избранными: Зундель Зонненберг, Бейниш Лапковский из Витебска и Михель Айзенштадт из Шклова, а кандидатами к ним: сын кенигсбергского раввина Шмуйла Эпштейн из Вильны, лепельский купец Маркус Файтельсон и знакомый нам Лейзер Диллон[21]). Эти лица (за исключением Эпштейна, о котором должно было последовать особое повеление) были по представлению комитета министров[22]) высочайше утвер-

---

[20]) Из архива Н. Новосильцева. „Русский Архив", 1908 г., кн. 8, стр. 580. См. также: „Евр. Старина", 1912 г., стр. 157.—Идеи Вея отразились—в искаженном виде—в учреждении „Общества израильских христиан", о коем говорится в следующей главе.

[21]) Г. Маггид (в „Ир Вильна" на евр. языке) сообщает, что Александр I, проезжая Несвиж, остановился у Диллона, а когда впоследствии Диллон, по доносу, был заключен в тюрьму, государь велел вернуть ему свободу. Однако, имеются сведения и иного характера: по повелению государя Диллон и его сыновья Янкель и Герц были преданы суду за оклеветание минских властей; по распоряжению вел. князя Михаила Павловича Диллон был привлечен к ответственности „как главный похититель" в 1812 году 245 тысяч рублей из казенных денег; он был сужден за вымогательства у помещиков; его привлекли к суду за сокрытие имения от казенных взысканий; Герц Диллон в 1812 г., под видом офицера, напал на имение, „с прибранными к себе казаками"; он же донес властям, что евреи его родного города Несвижа занимаются незаконной торговлей (Архив сената, обер-прокурорская часть 3-го отделения 5-го департамента; 1827 г., № 43. Бумаги относятся к 1827—30 гг.). Некогда человек богатый и влиятельный, занимавшийся поставками для армии, Диллон после 1817 г. не играл никакой роли; он умер бедным в 1838 г. в Вильне.

[22]) Выписка из журнала комитета министров от 17 сент. 1818 г. и 4 янв. 1819 г. Архив госуд. совета, департ. законов, 1835 г., № 11 (копия выписки).

ждены 4 января 1819 г. в своих званиях, о чем Голицын уведомил Зонненберга.

С тяжелым чувством приняла на себя новая коллегия—депутаты и кандидаты—ответственную задачу; «опасаясь в столь немаловажном предмете, клонящемся ко всему еврейскому народу, основываться на собственном своем разуме» и притом, не находя возможным давать публично отчет в расходах, которые предстояло производить в столице, коллегия настояла, чтобы с'езд неофициально выбрал дополнительно троих лиц, которые делили бы обязанности депутатов.

Глава десятая.

Результаты беседы депутатов с государем: указ о запрещении возводить обвинения в преступлениях с ритуальной целью; отмена кары за прежнюю утайку ревизских душ; благоприятное разрешение вопроса об уничтожении арендных договоров.—Правительство поддерживает кагалы в их противодействии культурному движению.—Безуспешная попытка учредить „Общество израильских христиан".

Аудиенция, испрошенная у государя депутатами [1]), оказалась в высшей степени своевременной. Малейшее промедление могло бы оказаться чреватым важнейшими последствиями. Обвинение в употреблении христианской крови для религиозных целей—с одной стороны, а с другой—тяжкая кара за утайку душ, а вместе с тем отнятие земель у арендаторов, долженствовавшее отразиться на экономическом положении широких еврейских масс, вот какими наиболее явными и близкими угрозами были встречены в столице депутаты при первых шагах своей деятельности.

В 1816 году обвинения в ритуальных преступлениях возникают почти одновременно в Гродне и в некоторых местностях вновь образованного Царства Польского [2]).

Когда в Гродне, за городом, была найдена мертвой четырехлетняя дочь мещанина Адамовича, то сейчас же был пущен слух, что ребенок «кончил жизнь от рук жидовских». Следствие не раскрыло виновного, и потому было приступлено к «секретному розыску» об употреблении евреями крови. Принявший православие унтер-офицер Савицкий показал, что евреям, мол, действительно нужна кровь христиан для религиозных целей. Но в это время в дело вмешались депутаты. Сперва последовало (февраль 1817 г.). высочайшее повеление прекратить секретное розыскание, а затем, 6 марта 1817 г., Голицын разослал по высочайшему повелению начальникам губерний циркуляр о том, чтобы впредь евреи не были обвиняемы в умерщвлении христианских детей «без всяких улик, по единому предрассудку, что якобы они имеют

[1]) См. выше, стр. 179.
[2]) Ср.: Ритуальные процессы 1816 года. „Евр. Старина", 1912 г., стр. 144—163.

нужду в христианской крови, но если бы где случилось смертоубийство и подозрение падало на евреев, без предубеждения, однакож, что они сделали сие для получения христианской крови, то было бы производимо следствие на законном основании по доказательствам, к самому происшествию относящимся, наравне с людьми прочих вероисповеданий, которые уличались бы в преступлении смертоубийства».

Это распоряжение вызвало, как видно, в Гродне недоразумения: по крайней мере вскоре оно было подтверждено особым высочайшим повелением [3]), после чего Гродненское дело было прекращено.

Вслед затем был разрешен вопрос об утайке душ. Указ от 19 апреля 1817 г., обязав кагалы следить, чтобы впредь не было прописных, освободил от штрафов и пени за прописных по прежним ревизиям, а также от уплаты податных недоимок за прошлые годы; вместе с тем, были прощены евреи, арестованные или подвергнутые другим взысканиям за прописку душ,—между прочим, члены киевского кагала, взятые под стражу за допущенную прописку [4]).

Не так легко состоялась отмена подготовленного к опубликованию сенатского указа, в силу которого земли, арендованные евреями у помещиков, должны были быть возвращены их владельцам, без того, чтобы за евреями были обеспечены деньги, взятые помещиками у евреев за аренду. Отдача имения в аренду зависела, разумеется, всецело от помещика. Но избегая столкновений с дворянами, правительство вступало в борьбу не с помещиками, а с евреями. Даже тогда, когда явно принимались меры против своеволия не евреев, а помещиков, налагавших на крестьян непосильные обязанности по отношению к арендаторам, в законодательных актах говорилось порою не об арендаторах вообще, а специально о евреях. В 1817 г. в Минской губернии многие христиане—экономы и управители—были признаны виновными в «отягощении крестьян непомерными работами и в других злоупотреблениях»; но тем не менее в указе по этому поводу было обращено особое внимание на евреев [5]).

Заведуя различными отраслями помещичьего хозяйства, евреи, давая помещикам деньги под залог имения, являлись фак-

---

[3]) Сообщение ген.-губ. Хованского от 1828 г. Архив мин. вн. дел, департ. полиции, 1828 г., дело № 487.

[4]) Первое собрание законов, № 26805.

[5]) Мнение госуд. совета 22 октября 1825 г. Первое собрание законов, № 30543, № 27516 (23 марта 1818 г.).

тически владельцами населенных имений, где и распоряжались трудом крепостных крестьян. Законодательство, запрещая евреям пользоваться работой крепостных, исходило из общего положения, что иноверец не должен владеть христианами. В отношении евреев таковое ограничение было впервые установлено [6]) в 1800 г. Когда же белорусская власть, убедившись, что евреи, владеющие помещичьими землями, «обеспечены арендным правом, судебным порядком совершенным», не осмелилась отобрать у них земли, сенат подтвердил, что евреи не могут владеть имениями; денежные же расчеты с помещиками, вытекавшие из аренды, должны быть разрешены обычным законным порядком [7]). Но в западном крае не было иного способа удовлетворить кредитора, как отдать ему имение «в традицию» для удержания (из различных долговых обязательств, лежащих на имении) причитающейся ему суммы, или же—когда имение было обременено крупными долгами, отдать в «коллиокацию», т. е. назначить на имение конкурс. Таким образом, при запрещении евреям в какой бы то ни было форме владеть землею, они лишались возможности получить полностью деньги, данные взаймы помещику, так как христиане, которые могли бы купить имение или взять его в аренду, пользовались затруднительным положением еврея-кредитора. Поэтому, сенат (1813 г.) ввел новый порядок: если не окажется подходящего покупателя или арендатора,—надо отдать имение в администрацию кому-либо из местных помещиков с вознаграждением за этот труд за счет кредитора-еврея [8]). В виде исключения в Минской губернии евреям было разрешено продолжать владеть имениями до окончания войны. Подобную же просьбу возбудил и литовский губернатор в виду поступившего к нему ходатайства виленского кагала; вместе с тем минский губернатор стал хлопотать, чтобы право владения имениями было сохранено и впредь, несмотря на то, что война кончилась; но эти ходатайства были отклонены [9]). Тогда помещики прибегли к так называемой «кресценции»,—они запродавали евреям будущий урожай, и последние снимали с полей хлеб, мололи и проч., пользуясь для всего этого услугами крепостных крестьян.

---

[6]) Книга определений I отд. 3 департамента сената, № 27 (опред. № 37).

[7]) Это определение (4 апреля и 29 мая 1801 г.; книга определений I отд. 3 департ., № 33, ч. I) было сообщено белор. властям указом 8 июля 1801 г.

[8]) Указ сената 20 февраля 1813 г. (копия в архиве гос. совета, департ. законов, 1835 г., дело № 11).

[9]) Архив сената, дело минист. юстиции, 1814 г., № 78 (о дозволении владеть имениями в Литовск. губ.) и 1815 г., дело № 82 (по Минской губ.).

Численность еврейского населения по официальным данным [1]).

ГУБЕРНИИ.	1812 г. Число мужчин [2]).						1818 г. Число мужчин и женщин [3]).									
	Купцы.	Мещане.	Фабриканты.	Ремесленники.	Земледельцы.	Итого.	Купцы.		Мещане.		Ремесленн.		Землед.		Итого.	
							М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
Киевская. .	130	13836	4	1894	1391	17485	57	65	38362	27661	3126	2291	745	450	42288	30467
Екатеринослав.	65	600	—	156	179	1200	29	33	1043	971	213	227	—	—	1285	1231
Черниговская.	234	2198	—	219	5	2656	42	36	6374	6371	151	156	3	2	6570	6565
Полтавская. .	305	1856	5	389	2	2555	67	75	4059	3915	172	207	—	—	4296	4197
Таврическая .	60	473	—	70	—	603	100	85	2154	2129	77	76	—	—	2331	2290
Могилевская .	1364	13833	61	2664	156	18078	5	1	21683	12120	—	—	—	—	21688	12121
Витебская . .	707	5644	—	1655	2099	10105	112	117	18158	12780	1504	1462	132	106	19906	14465
Гродненская .	108	12224	68	2369	1978	16747	47	42	25683	27162	1032	1047	—	—	26762	28251
Виленская [4]) .	152	12682	—	3352	7078	23264	32	36	21258	21760	5440	5603	8721	7214	35451	34613
Минская . . .	276	11086	16	1734	122	13234	85	60	29144	25094	—	—	—	—	29229	25154
Волынская . .	374	13028	25	3143	199	21769	323	292	77970	65254	8872	8030	180	240	87345	73814
Подольская .	495	17298	29	3030	496	21348	134	141	52754	44083	13197	11442	—	—	66137	55738
Курляндская .	170	1271	—	203	4	1648	180	178	3677	3660	408	406	—	—	4265	4244
Белосток. обл.	—	—	—	—	—	—	17	13	5164	5714	2115	2343	38	40	11468	12932
Херсонская. .	176	2432	—	317	216	3141	158	130	3748	4188	—	—	1992	1654	5898	5972
Итого . . .	4814	113511	208	21195	13925	153653	1388	1304	311231	262862	40441	38112	11863	9778	364923	312056

[1]) Эта сводка извлечена из архива министерства народного просвещения: дело № 47505, стр. 153—154.

[2]) Распределение по сословиям не соответствовало действительности; здесь указано число лиц, лишь выразивших (по требованию правительства) желание записаться в данное сословие,—многие не осуществили этого намерения. Об этом распределении имеются данные от 1807 г. в деле I деп. сената, 1804 г., № 423 «О евреях».

[3]) Эти цифры были установлены после проверки, вызванной указом 1817 г. об утайке душ (см. выше, стр. 184).

[4]) К группе ремесленников Виленской губернии относится нижеследующее подстрочное примечание к таблице: «Здесь надобно причислить 4134 шинкаря (т. е. мещан), показанных в статье о земледельцах, и 4822 женского пола».

Подробные данные по Виленской губернии имеются в деле департамента окладных сборов „О сделании евреям новой переписи", 1805—1822. Сохранился именной список евреев, живших в Вильне: арх. мин. вн. дел., деп. полиц. исполн., 1806 г., дело № 211 (принадлежало к № 1305 того же года, но последнего дела в архиве нет).

В виду такого обхода закона, сенат постановил (1816 г.) немедленно отобрать у евреев все имения, причем не принял никаких мер к тому, чтобы евреи могли получить от помещиков обратно деньги, выданные под залог имения. Депутаты выступили с жалобой, и, по представлению Голицына, государь повелел передать постановление сената на рассмотрение Голицына.

Голицыну пришлось положить много труда, чтобы внушить правительству мысль о необходимости охранить интересы евреев, вытекавшие из гражданских сделок с помещиками; он должен был доказывать, что если помещики отдали, вопреки закону, свои земли евреям, то при обратном получении земель они обязаны вернуть евреям деньги, взятые под земли; между прочим, Голицын далее отметил, что и без того еврейское население бедствует и его положение ухудшится, если зажиточные евреи, «по законам еврейской веры и по обычаям сего народа» пекущиеся о неимущих, потеряют деньги, данные помещикам.

Однако, сенат не согласился с Голицыным и даже отказался, вопреки указанию Голицына, потребовать об'яснений от присутственных мест, с ведома которых были заключены контракты между помещиками и евреями.

Дело было передано в Государственный совет; Голицын и здесь выступил в защиту евреев и столь же неуспешно, как в сенате: к нему примкнули лишь немногие. Но государь утвердил мнение этого меньшинства, и таким образом закон обязал помещиков вернуть евреям взятые у них деньги [10]).

Как мы видим, депутатам удалось отвести угрожавшие еврейскому населению удары. Но самый факт скопления опасностей заключал в себе угрозу для будущего. Тем не менее, депутаты вряд ли заглядывали в даль. Ободренные успехом, достигнутым в борьбе с описанными внешними невзгодами, они направили свои усилия к тому, чтобы сохранить в неприкосновенности вековой уклад внутренней жизни, для чего поставили себе задачей: противодействовать намеченной в Положении 1804 г. культурной реформе,—они пытались вернуть кагалам право карать херемом членов общины, старались воспрепятствовать учреждению общеобразовательных школ, добились отмены правил о ношении «европейского» платья вне черты оседлости.

---

10) История этого спора изложена в указе сената от 20 дек. 1820 г. (Первое собрание законов, № 28501) и в указе сената от 18 апреля 1821 г. на имя Голицына (архив гос. совета, деп. закон., 1835 г., № 11).—См. архив сената, дело минист. юстиции, 1816 г., № 105 „О недопущении евреев ко владению и т. д."; архив госуд. совета, департ. гражд. дел, 1820 г., № 23 „Об отдаваемых помещиками евреям имениях и т. д.".

Мы помним, что в послании к кагалам депутаты умоляли посредством херема прекратить торговлю контрабандным товаром. А в том же году, по инициативе волынских заправил, Голицын разрешил прибегать к херему в борьбе с контрабандными промыслами, о чем были извещены начальники губерний, так как случалось, что администрация препятствовала кагалам пользоваться херемом [11]).

В ту пору еврейские общества сильно опасались, что контрабандная торговля навлечет на них бедствия, и можно было бы допустить, что кагалы, борясь с этим злом, хотели прибегнуть к херему, надеясь таким путем действительно достигнуть успеха. Но вместе с тем надо полагать, что кагалы имели в виду воспользоваться херемом как орудием воздействия не только против тех, кто торговал контрабандным товаром. Ведь депутаты, созванные в 1807 г. в губерниях, добивались права провозглашать херем; об этом же ходатайствовал в 1813 г. и Зонненберг, а между тем ни в 1807 г., ни в 1813 г. вопрос о торговле контрабандными товарами не носил острого характера [12]). С другой стороны, есть указание, что и депутаты, находившиеся с 1817 г. в столице, хлопотали о том же [13]), независимо от вопроса о контрабанде. И, кажется, можно заключить, что депутаты, находившиеся в столице, подобно депутатам, созванным в 1807 г., добивавшиеся того, чтобы мероприятия, намеченные правительством с культурно-просветительной целью, не были осуществлены, старались вернуть кагалам право херема, дабы легче заглушать голоса оппозиции [14]).

В 1817 г. минский прокурор обратил внимание на то, что в местных общих училищах не было ни одного еврея, в еврейских же школах продолжали, попрежнему, обучать лишь еврейскому языку Поэтому губернское правление постановило (согласно с Положением 1804 года) учредить специальные еврейские училища с общеобразовательной программой на средства еврейских обществ. Но учреждению школ воспротивился [15]) сам Голицын.

---

[11]) Архив минист. внутр. дел, особая канцелярия минист. полиции, 1817 г., дело № 99: „О позволении евреям для открытия тайного провоза товаров употреблять клятву херем"; департ. полиции исполн., 1817 г., дело № 252 „О евр. депутатах".

[12]) См. следующую главу.

[13]) В мемории директ. комитета за июнь 1826 г. говорится, что депутаты ходатайствовали об удовлетворении всех тех просьб, с которыми Зонненберг обратился в 1813 г. к государю, а среди них была и просьба о разрешении пользоваться херемом.

[14]) В записке еврея Гиллера Маркевича (1820 г.) указывается, что именно с целью сохранить за собою власть над народом, депутаты, как кагальные ставленники, добивались права провозглашать херем (Архив мин. вн. дел, департ. полиции исполнит., 1827 г., № 624).

[15]) Особая канцелярия минист. полиции, 1817 г., № 91 „По донесению минского губернатора об установлении по Минской губ. особых школ для евр. детей". См. также: архив минист. народн. просвещения, дело № 47505.

В 1821 г. повторился подобный же случай. Витебское губернское правление сделало какие-то распоряжения с целью побудить евреев отдавать детей в общие школы или учредить особые еврейские, но кагалы воспротивились этому, говоря, что в виду незнания русского языка дети не могут обучаться в общих училищах [16]), для особых же школ нет знающих учителей и необходимых средств. И на этот раз Голицын принял сторону кагалов [17]).

В обоих случаях он мотивировал свое решение тем, что его ведомство вырабатывает новое законодательство о евреях. Но это было, как видно, выдумкой—нет никаких известий о подобном проекте. Голицын просто играл в руку депутатам.

Как гласит один официальный документ, депутаты, говоря, что дети обучаются польскому, немецкому и преимущественно русскому языку вместе с еврейским у частных учителей и что этим способом, не требующим больших издержек, достигается цель правительства, «представляли, что они не считают за нужное учреждение особых еврейских школ, на которые потребовались бы издержки значительные и по расстроенному состоянию евреев для них чувствительные» [18]). Несомненно, массовое учреждение школ было непосильно для бюджета общин. Но школа встречалась с противодействием консервативного класса и тогда, когда она не требовала материальных жертв. А Голицын именно опасался выступать против консервативного класса, как в свое время комитет Попова.

Судьба уманьской школы, как мы сейчас увидим, может послужить в данном случае иллюстрацией.

При всей зоркости кагалов, в отдельных местностях зарождались ячейки просветительного движения — сношения с зарубежными единоверцами и общение с соседями служили руслом, по которому притекали незаметно новые знания, новые стремления. Носителями просвещения являлись преимущественно врачи [19]), богатые купцы и выходцы из Германии и Галиции.

Около 1820 года хорошо образованный банкир Гирш-Бер Гурович (Гурвич), ставший впоследствии известным ученым в Кем-

---

[16]) В 1808 г. в Витебской губернии, и именно в Витебске, обучался всего один еврей в общей школе. В Могилевской губернии—девять: один в Могилеве и восемь в Бабиновичах. См. С. Познер, Евреи в общей школе (Спб. 1914 г.), стр. 5.

[17]) Указ сената от 4 августа 1821. Опубликован мною в сборнике „Пережитое" (т. 4, стр. 321—322). Имеется в архиве госуд. совета, департ. законов, 1835 г., № 11, также в архиве минист. народн. просвещения, дело № 47505.—Любопытно отметить, что в 1820 г. Гиллер Маркевич представил Голицыну записку о реформе евр. быта и, в частности, об учреждении школ, но Голицын не дал ходу этому проекту.

[18]) Архив мин. нар. просвещения, дело № 47505.

[19]) Юлий Гессен, К судьбе евреев-врачей в России. „Еврейская Старина", 1910 г., стр. 612 и след.

бридже [20]), основал вместе с одним единомышленником в Умани школу, в которой выписанный из Галиции учитель Горн преподавал еврейский язык «по новейшей системе, полезнейшей для нравственного образования, нежели прежняя механическая, состоявшая в обучении Библии»; в школе изучали также немецкий и французский языки, арифметику, историю и географию, т. е. предметы, которых традиционная школа не признавала. Уманьское училище привлекло из Умани всего восемь, а из других мест—четверых детей. Но и к этому скромному начинанию консервативные элементы отнеслись враждебно. К Голицыну поступила жалоба на затруднения, чинимые школе «суеверными евреями»; однако, помощь не была оказана, и школу пришлось закрыть [21]).

В 1818 г. правление виленского университета возбудило вопрос об учреждении в Вильне первоначальной школы для еврейских детей; по «предписанию» губернатора кагал поручил двум своим депутатам выработать с представителями университета соответствующий проект; составив план учреждения школы, долженствовавшей существовать на сборы с домовладельцев, кагальные депутаты—оказавшиеся, что было не обычно, образованными людьми — предложили учредить такие же школы повсеместно в черте оседлости. Но даже в Вильне школа не была основана [22]).

Кагал напрягал усилия, чтобы погасить малейшие проблески просвещения. А между тем страшившая его опасность вряд ли была в ту пору реальна, так как тогдашние социально-экономические условия не могли способствовать развитию культурных интересов в гуще народа. При сравнительно слабом денежном хозяйстве в стране, а в связи с этим—недостаточно интенсивной внешней и внутренней торговле, источником существования значительнейшей части еврейского населения служила мелкая торгово-промышленная и посредническая деятельность, склонявшая массового еврея довольствоваться тесным кольцом местных коммерческих связей, давними деловыми навыками, не побуждая его расширить круг знаний, не приводя его в соприкосновение с бо-

[20]) Под именем Германа Бернарда. См. Еврейскую Энциклопедию, т. IV, ст. 287—289.—Гурович был недоволен тем, что правительство разрешало евреям носить традиционную одежду. См. „Пережитое", т. II, стр. 268—274 о родословной Гуровича.

[21]) Архив минист. нар. просвещ., 1819 г., дело № 21923 „О желании некоторых евреев в Уманьском повете завести училище". Там же, дело № 47505, стр. 13.—С. Станиславский, Из истории и жизни одной евр. школы („Восход", 1884 г., кн. 4). Даже десять лет спустя врач Бернгард Абрагамсон не мог возродить эту школу в виду противодействия со стороны консервативных элементов. См. Евр. Энциклопедию, т. I, ст. 144.

[22]) Отчет виленск. отделения общества для распростр. просвещения между евреями за 1909—14 гг. (Вильна, 1915 г.), стр. 105—14. Дело изложено не полно, неясно. Копия проекта имеется в архиве мин. нар. просвещения, № 36358/565, стр. 98/102.

лее культурным миром. А если материальные нужды не вызывали потребности в общем образовании, то проповедь культуртрегеров не могла создать широкое просветительное движение.

Распространению общего образования препятствовали также внешние обстоятельства. Школы восьми губерний (в которых было сосредоточено еврейское население), входили в состав округа виленского университета, а училища этого округа большей частью находились в руках римско-католического духовенства и различных монашеских орденов; школы носили чаще всего дворянский характер; даже низшие школы находились в ведении дворян и римско-католического духовенства,—все это затрудняло доступ в школу [23]).

К тому же и правительство рано сделало первый шаг в деле стеснения свободы образования. Когда курляндский уроженец Симон Вульф, окончивший дерптский университет со званием кандидата прав, пожелал (1816 г.) быть допущенным к испытанию на степень доктора юридических наук, факультетский совет, имея в виду ограничительное законодательство о евреях и то, что церковное право, составлявшее часть юриспруденции, противно еврейской религии, признал недопустимым удостаивать евреев степени доктора прав. И комитет министров постановил: не допускать евреев к получению университетских степеней по юриспруденции.

Отметим, что Вульф был принят на службу в государственную юстиц-коллегию лифляндских и эстляндских дел, но ему пришлось вскоре покинуть ее, так как Голицын нашел, что еврей, «доколе пребудет он в своей вере», не может ни преподавать юриспруденции, как заключающей в себе церковное право, ни «производить оную в практике, без противоречия своему исповеданию и сообразно духу христианской веры» [24]).

Борясь против мероприятий культурного характера, депутаты добились также отмены постановления об одежде. Согласно Положению 1804 г. отказаться от традиционного платья должны были те, кто занимал общественные должности, а равным образом все те, кто выезжал за пределы черты оседлости. Это осложнялось тем, что ношение нового «немецкого» платья было сопряжено с обязательным бритьем бороды, что по убеждению кон-

---

[23]) Доклад А. И. Георгиевского: „По вопросу о мерах относительно образования евреев", представленный Высшей комиссии (1883—1888 г.г.).

[24]) Сборник постановлений по мин. нар. просвещения, т. I, стр. 802—803.—Ю. Гессен, Первый еврей-юрист в России—Симон Левин Вульф (сборник „Пережитое", т. 2, стр. 311—317). См. архив мин. нар. просв., дело № 9503—б 208.

сервативных элементов являлось нарушением религиозных предписаний. Голицын легко согласился на просьбу депутатов отменить стеснительные постановления об одежде; государь, правда, был настроен против еврейского традиционного одеяния (когда позже комитет министров, по жалобе депутатов, постановил, чтобы евреев в Риге не принуждали носить «немецкое» платье, государь положил резолюцию: «я полагаю полезнее не делать отмены в рижских постановлениях», но все же, «видя давно уже, что закон о употреблении евреями немецкого платья нигде не исполняется», дозволил продолжать носить его впредь до издания нового законодательства. Уведомив об этом министра полиции для сообщения губернаторам, Голицын, как бы опасаясь, что простая отмена закона не избавит евреев от стеснений, прибавил: «напротив, было бы позволяемо им носить то платье, какое они имеют ныне» [25]).

Уступки, сделанные депутатам в отношении херема и одежды, а особливо в отношении школ, противоречившие стремлению правительства возродить еврейский народ, были вызваны тем опасением прикоснуться неосторожной рукой к религиозным предписаниям, которым в свое время проникся комитет Попова, а также и Александр.

Но к этому соображению могло присоединиться и другое, подсказанное Веем. Проникнутый убеждением, что евреи представляют собою царственную нацию, Вей говорил, что все христианские народы, как получившие спасение через евреев, должны оказывать им величайшие почести и благодеяния; вместе с тем, являясь противником принудительного обращения евреев в христианство, он верил, что, вернувшись на древнюю родину, они примут учение Христа. И правительство—в лице Александра и Голицына—не допускало излишних стеснительных мер по отношению к евреям, не делало попыток к насильственному крещению их [26]). Но все же чувствуется, что оно как бы чего-то выжидало,

---

[25]) Архив минист. вн. дел, департ. полиции, 1806 г., дело № 69: „Об одеянии евреев, избранных в магистр. члены".—Г о л и ц ы н, История русск. законод. о евреях (стр. 936—937; указан архивный № 309 вместо № 69). См. мою статью „Борьба правительства с евр. одеждой", сборн. „Пережитое", I.—Архив минист. вн. дел, особая канцелярия минист. полиции, 1817 г., дело № 112: „О высоч. повелении, чтобы до нового общего устава о евреях не было им никакого принуждения в костюме". См. также журнал комитета министров 9 и 23 июля 1818 г. и 18 окт. 1821 г. (копия выписки из журнала в архиве госуд. совета, департам. законов, 1835 г. № 11).

[26]) В 1819 г. ректор виленск. университета обратился к кн. Голицыну с запросом, как быть с евреями, желающими креститься: они не могут быть исключены из оклада, потому что еврейские общества, к которым они приписаны, не дадут увольнительного акта; Голицын ответил, что ничто не препятствует студентам креститься, „привести в действо таковое благое и душеспасительное намерение", т. к. для исключения их из оклада не требуется увольнительного акта. Ответ Голицына (Сборник постановлений по Мин. Нар. Просвещ., т. I, стр. 396) истолковывался в литературе, как мера, на-

чтобы решить: следует ли и в дальнейшем сохранить вокруг еврейского народа атмосферу благоволения или же дать грозе бушевать над ним.

Учреждение «Общества израильских христиан» [27]), как раз в то время, когда государь и Голицын предотвратили ожидавшие еврейский народ опасности, подтверждает предположение, что они проявили к евреям столь милостивое внимание в чаянии, что лелеемая ими религиозная утопия будет осуществлена. Согласно официальной мотивировке, Общество израильских христиан учреждалось с той целью, чтобы облегчить положение новообращенных, которые, уходя от еврейской веры, не только лишаются материальной поддержки, но еще подвергаются гонениям со стороны прежних единоверцев; с другой стороны и христиане не проявляют заботливости о своих новых единоверцах. Однако, фактически преследовалась иная цель.

Члены общества могли принимать любую из христианских религий, и каждая такая религиозная группа—православная, лютеранская и др.—в праве была иметь свою церковь и духовенство. Новообращенные, примкнувшие к Обществу, должны были навсегда остаться с ним в связи; земли, бесплатно отведенные в потомственное владение членам Общества, запрещалось отдавать в чужие руки; члены Общества могли повсеместно торговать и заниматься ремеслами, не записываясь в гильдии и цехи; они освобождались со всем потомством навсегда от гражданской и военной службы, земских повинностей и проч.; отчеты должны быть представляемы одному только государю. Высшее заведывание делами Общества принадлежало Голицыну, председателю Библейского общества, некоторые члены которого были назначены членами Общества израильских христиан.

Приняв во внимание эти обстоятельства, а также то, что в Общество могли вступить только те крестившиеся, «которые житием и качествами своими показали бы себя достойными принятого ими на себя имени христиан и могли бы оправдать всемилостивейше дарованные им, в сем только уважении, преимущества», т. е. те, которые удовлетворяли бы по своим душевным качествам каким-то особенным, повидимому, религиозно-нравственным тре-

---

правленная будто бы к тому, чтобы склонить евреев к крещению. В действительности, самое дело возникло в виду желания некоторых студентов креститься.—Архив мин. нар. просвещения, 1819 г., дело № 7879.

[27]) 25 марта 1817 г. Первое полное собрание законов, №№ 26752 и 26753.

бованиям, можно заключить, что Голицын хотел осуществить в измененной форме мечту Вея о переходе евреев в ту или иную христианскую веру.

Общество израильских христиан не основалось,—таких евреев, которые были бы достойны быть его членами, по словам Голицына—не оказалось. Из двух-трех сот евреев, «бывших для сего в виду, ни один не соответствовал вполне намерениям... императора и не имел всех предположенных к тому качеств и способностей» [28]).

Надежда, что евреи явятся покорным об'ектом каких-то опытов религиозного характера, не оправдалась.

[28]) Архив минист. земледелия: 1817 г., дело № 216: „О назначении для поселения Общества изр. христиан участка земли из предполагаемой к отрезке от мариупольских греков"; 1818 г., дело № 235: „Об участке для изр. христиан".—Голицын, История русск. законодательства о евреях, стр. 608—625.—О. Лернер, Евреи в Новоросс. крае, стр. 234—239. По оставлении должности министра Голицын предложил упразднить Общество, но государь пожелал, чтобы оно продолжало существовать, хотя бы без всякого действия. По воцарении Николая I Голицын представил ему записку об Обществе, но государь повелел не закрывать его, пока Еврейский комитет, разрабатывавший новое законодательство о евреях, не кончит своей работы. Общество было упразднено в 1833 г.

Глава одиннадцатая.

Обострение репрессивной политики.—Спор из-за свидетельских показаний.—Вопрос об участии евреев в распространении секты субботников.—Обвинение в совращении христиан в иудейство.—Запрещение пользоваться личными услугами христиан.—Попытка устранить евреев из органов общественного самоуправления. — Стеснения в жительстве.—Пограничная полоса и контрабандные промыслы.—Умаление торговых прав во внутренних губерниях.—Бедственное положение крестьян и роль евреев в селениях.—Комитет для разработки общей реформы еврейского быта.—Упразднение института депутатов.—Переход к новому царствованию.—Возрождение кровавого навета.

Мрачные силы, давно уже собиравшиеся вокруг еврейского населения, стали теснее смыкаться.

Разнообразные выступления против него вызывались или открытыми материалистическими вожделениями или же религиозной нетерпимостью, тесно связанной с корыстью. Достаточно было частного повода, чтобы установить общую репрессивную меру, оправданием которой выставлялась необходимость положить преграду экономическому господству евреев или тому злу, которое, будто бы, распространяет вокруг себя еврейская религия. Обычные пороки и проступки единичных лиц и отдельных групп об'яснялись не общими факторами, влекущими человека на путь закононарушений, а якобы противонравственною основою еврейского вероучения. Склонность придавать религиозный характер даже всечастным явлениям еврейской жизни можно об'яснить в известной степени тем, что и сам кагально-раввинский союз, стремясь удержать в своих руках власть над массой, заверял правительство, как мы видели выше, будто всякое деяние еврея подчинено тому или иному религиозному требованию. Роль религии преувеличивалась и благодаря тому, что центром еврейской жизни—личной и коллективной—являлась синагога, под сенью и именем которой действовал и кагал. И так как, к тому же, в бюрократических кругах господствовал взгляд на евреев не как на членов различных социальных групп, а как на крепко спаянную—в гражданском и экономическом отношении—единицу, а явления еврейской жизни рассматривались не в совокуп-

ности с причинам, создавшими их, а вне пространства и времени, как нечто самопроизвольно зародившееся, то по отношению к евреям рекомендовались меры, почитавшиеся недопустимыми или устарелыми для прочего населения.

Если в отдельных случаях евреям и удавалось отвести грозивший удар, то все же их общее положение мало изменялось, так как, задавленные в одном месте, предрассудок и предубеждение выступали наружу в другом, и, сегодня побежденные, они завтра торжествовали.

На почве недоверия к еврейскому учению, недоверия, которое создавало материальные выгоды для противников евреев, возник спор о праве евреев выступать свидетелями в судах. Хотя в 1786 г. было постановлено, что евреи в Белоруссии пользуются в данном отношении такими же правами, как и прочее население, этот вопрос возбуждал сомнения в губерниях, позже присоединенных к России, в которых были восстановлены в силе права и привилегии польских времен [1]). Дело по одному такому случаю дошло до сената. Здесь граф Ворцель высказался за сохранение в силе Литовского Статута, устранившего евреев от свидетельских показаний: евреи не видят брата в иноверце, не признают за действительную ту присягу, которую приносят по требованию государственной власти, и т. д. Это мнение приобрело больше голосов, чем предложение гр. Северина Потоцкого о допущении к свидетельским показаниям. Тогда выступил бар. Гейкинг. «По какому праву—говорил он—позволительно будет об'явить целый миллион мирных обитателей Империи не имеющими ни справедливости, ни чести, ни чувства, ни закона?.. Литовский статут возбраняет, исключая христиан, почти всему человечеству иметь право быть свидетелем; если евреев не допускают к свидетельским показаниям, как врагов христиан, то не следовало бы принимать показания от христиан против евреев, потому что «все христианские народы ненавидят евреев, как богоубийц, проклятых предвечным»; что касается мнения, будто молитва «Kol-Nidre», в день отпущения грехов, разрешает от всех ложных свидетельских показаний, то—заявил Гейкинг, специально изучивший этот вопрос,—указанное обвинение лишено основания. Дело все же пришлось довести до общего собрания Государственного совета (1813 г.). Вопрос разрешен был в пользу евреев [2]).

---

[1]) См. выше, стр. 65 и 75. Брафман (№ 512) приводит документ 1803 г. о расходах по делу о предоставлении евреям права выступать свидетелями.

[2]) Закон 21 августа 1814 г. Архив сената: дело минист. юстиции 1810 г., № 149; дело 1-го отд. 3-го департ., 1814 г., № 704.—Архив гос. совета, департ. гражд. и духовн.

В ту пору евреев—опять таки на почве недоверия к их учению—стали обвинять в совращении христиан в иудейство. Началось с того, что их об'явили насадителями секты субботников.

В последние десятилетия 18-го века на поверхность русского сектантства выбилось учение «субботников» или «жидовствующих». Не установлено, находятся ли эти новые жидовствующие в преемственной связи с теми, которые волновали Московское государство в конце 15-го века [3]). Секта распространилась там, где массового еврейского населения не было. Около 1770 г. в деревнях Саратовской губернии четыреста субботников открыто исповедывали свое учение. Вскоре обнаружены были и в других местностях лица, «удалившиеся от христианства» и усвоившие предписания еврейской религии. Их именовали приверженцами «моисеевой секты», субботниками, жидовствующими, иудействующими. Их порою сдавали в рекруты, высылали на Кавказ и в Сибирь, а отдельных лиц, уклонившихся от христианства, предавали суду [4]).

Впервые, насколько известно, репрессивная мера была применена к сектантам Воронежской губернии в 1806 году. А наиболее ранним судебным процессом является, вероятно, дело (1818 г.) о двух братьях-казаках, из коих один воспринял учение, состоя на службе на Кавказе, в Александрове, от местного учителя Филиппа Донского [5]).

Однако, правительство ничего не знало об общем развитии сектантского движения, пока этот вопрос не был поставлен на очередь, когда в 1818 г. однодворцы Павловского уезда Воронежской губернии обратились к государю с жалобой на начальство, притесняющее их за исповедание моисеева закона. Государь пору-

---

дел, 1813 г., дело № 1. См. мои „Историч. миниатюры" („Новый Восход", 1913 г., №№ 25 и 27). Допуская, что отдельные евреи, превратно толкуя молитву, могут давать под присягой ложные показания, Гейкинг предложил не допускать евреев к свидетельской присяге, пока раввин или трое старшин не представят его в свидетели и не об'явят, что еврей получает разрешение от обетов лишь в тех случаях, когда обетом связывается одна его совесть, а не когда затрагиваются интересы третьего лица,—будь то еврей или христианин. Но министр вн. дел Козодавлев, человек высоко просвещенный, высказался против такого стеснительного правила.

[3]) См. выше, стр. 8.

[4]) Ср.: Варадинов, История минист. внутр. дел, книга VIII.

К французскому переводу летописи Ганновера „Jewen Mezulah", („Quatre années de guerre des polonais etc." 1855 г.), приложена статья „Les schobatniks en Russie" („Субботники в России"), в которой рассказывается, что в начале 19 века в Могилеве мученически погиб православный священнослужитель, перешедший в иудейство, и что многие субботники бросились за ним в огонь. Исследователь раскола В. Д. Бонч-Бруевич сообщил мне, что в литературе нет указания на подобное событие. Ср.: Голицын, История р. законод. о евреях, стр. 1014—1018.

[5]) Архив госуд. совета, департ. гражд. и дух. дел: 1822 г., дело № 140; 1818 г., дело № 178.

чил Голицыну заняться вопросом о иудействующих, вследствие чего к нему стали поступать сведения о них из разных местностей.

Между прочим, воронежский преосвященный заявил, что секта произошла в 1796 г. «от природных жидов, между христианами живших» [6]). Мысль, что евреи являются, так сказать, непосредственными виновниками распространения сектантства, нашла себе как бы подтверждение в деле об отпадении от христианства нескольких лиц в Орловской губернии, которые имели сношения с некоторыми евреями [7]), и этого было достаточно, чтобы в борьбе с сектантами власть обратила особое внимание на евреев. Закон 1825 г., обрушившийся строгими постановлениями на субботников, за исключением живших в Александровском уезде, «понеже существование их распоряжениями самого правительства некоторым образом утверждено», потребовал поголовного выселения евреев из тех уездов, где обнаружены сектанты, а также из соседних. При этом было велено именовать субботников жидовскою сектою и оглашать, что они «подлинно суть жиды», ибо наименование субботников «не дает народу точного о секте сей понятия и не производит в нем того к ней отвращения, какое может производимо быть убеждением, что обращать стараются их в жидовство» [8]).

А затем евреям было поставлено в вину совращение христиан непосредственно в еврейство.

Выше было сказано, что с целью воспрепятствовать евреям пользоваться крестьянским трудом их лишили права владеть населенными землями и арендовать помещичьи имения. А в видах ограждения достоинства церкви им запретили [9]) брать должников-христиан для отработки долга. Далее к этим постановлениям присоединилось новое: евреям было вообще запрещено пользоваться личными услугами христиан. Этот запрет был вызван следующим заявлением Голицына: в Херсонской губернии христианки, служившие в домах евреев, усваивали их обычаи и обряды; подобных женщин много и в других губерниях; вообще евреи «по их учению

---

[6]) Первое полное собрание законов, № 30436а.

[7]) Архив госуд. совета, деп. гр. и дух. дел, 1825 г., дело № 126. Архив синода, 1814 г., дело № 550 (также: 1814 г. Разряд 20, № 12 и 15). Сотрудник кн. Голицына, А. И. Тургенев, сообщает, что в 1822 г. в Петербурге появилась „воронежская секта иудействующих“ и что сектанты были схвачены (Голицын, История русск. законод. о евреях, стр. 652). Тогда же, в 1822 г., еврей Хлодни был обвинен в том, что давал в Петербурге „наставления в еврейском законе“ однодворцу из Воронежской губ. (архив минист. нар. просвещения, дело № 47505, стр. 142).

[8]) Первое собрание законов, № 30436а (см. также № 30483).

[9]) Сенатский указ от 22 апреля 1818 г. Первое собрание законов, № 27352.

считают обязанностью обращать всех в свою веру»[10]), доказательством чего служит распространение секты субботников в Воронежской губернии.

Депутаты, заверяя, что еврейское вероучение отнюдь не обязывает склонять иноверцев в иудейство и даже возбраняет это, а если и бывают случаи обращения в еврейство, то лишь по невежеству отдельных евреев, указывали, что евреи нуждаются по субботам и праздникам в услугах христиан, так как в эти дни, по закону, не могут работать, зажигать огонь; кроме того христиане служат у евреев на почтовых станциях, фабриках и т. д.; наконец, новый запрет может послужить «уничижением самой терпимости их (евреев) между христианами». Но Голицын настоял на своем[11]).

Запрет просуществовал в течение ряда десятилетий, несмотря на то, что создавал множество стеснений и для евреев и для христиан, вследствие чего правительству приходилось делать из'ятия, а обывателям—нарушать закон[12]).

Религиозный момент играл роль не только тогда, когда в отношении евреев устанавливались ограничения с целью охранить неприкосновенность верований христиан. Из Литвы изошла тенденция апеллировать к религиозному чувству и тогда, когда вводились законы, ничего общего с совестью христиан не имевшие.

Неприязнь христианского общества к евреям вызывалась, в частности, тем, что они пользовались правами гражданства, хотя и не в той мере, как прочее население. Надежда вернуть их к тому положению, в котором они некогда находились в Польше, побуждала христиан, черпавших свою силу в бесправии конкурентов, добиваться ограничительных мер. Не всегда подобные домогательства удовлетворялись правительством, но уже самое возбуждение их создавало тяжелую атмосферу, вызывая борьбу мнений в правительственных кругах. Между прочим, был поднят вопрос об участи евреев в сословно-городском самоуправлении.

В течение ряда лет в губерниях черты оседлости, за исключением Литвы, они занимали общественные должности—сохранились известия об отдельных лицах и даже фамилиях, игравших

---

[10]) Заявление было основано на доносе еврея Корнблюма и на данных так назыв. „Видзского дела“ (см. т. II настоящей книги, главу первую). К 1819 г. относится сообщение, что таврич. евреи внушали служившим у них христианам презрение к обрядам церкви и уважение к субботе; в 1823 г. врача Шпиру привлекли к ответственности за отклонение служившего у него шляхтича от посещения церкви (архив мин. нар. просв., дело № 47505, стр. 42). Первое собрание законов, № 28249 (1820 г.).

[11]) Собственная его величества канцелярия, дело № 3265.

[12]) См. т. II настоящей книги, главу вторую.

видную роль в местном управлении [13]). На Литве избрание их на должности было приостановлно в 1803 г. — лишь в некоторых городах им порою удавалось занимать места в органах самоуправления, пока не было раз'яснено (1808 г.), что евреи могут получить на Литве выборное право лишь тогда, когда будет осуществлено Положение 1804 г., и—главным образом—состоится выселение евреев из деревень [14]). Однако, в 1816 г. виленский губернатор распорядился, чтобы евреи были допущены к участию в виленской думе, так как если им в черте оседлости вообще разрешено быть членами магистратов, где производится суд, то нет препятствий к заседанию в думе, представляющей собою не судилище, а «экономическое собрание» для заведывания городскими доходами и расходами, и это тем более допустимо, что обнаружены злоупотребления в пользовании общественными суммами, а между тем доходы поступают преимущественно с евреев. Вследствие сказанного двое евреев состояли членами виленской думы в течение 1817—20 г.г. Это возмутило семерых христиан, которые отказались от «совместного заседания» с евреями. Их предали за такую демонстрацию уголовному суду. Тем не менее поверенный города подал жалобу на губернатора; речь шла не только о допущении евреев в думу, но также о разрешении им жительствовать в запретных улицах и о предоставлении им возможности захватывать торговлю и промышленность во вред христианам! Между прочим против участия евреев в думе поверенный выставил то, что на присутственном столе находится распятие. Сенат, найдя неприличным, чтобы евреи заседали там, где имеется изображение Христа, постановил отменить выборы евреев и к этому присоединился комитет министров. Тогда государь велел запросить цесаревича Константина, который в свою очередь обратился к своему ближайшему сотруднику известному государственному деятелю Н. Новосильцеву; последний, дав оценку несообразной ссылке на распятие, высказался за допущение евреев в думу [15]).

---

[13]) Архив министерства нар. просвещения, дело № 47505. В Невеле (Витебск. губ.) еврей Сангир был городским головою в течение ряда лет, до самой смерти; его заместил его сын, прежде бывший ратманом и бургомистром. В Чаусах (Могил. губ.) должность городского головы занимали члены семейства Хейфиц.—В Белостокской области евреи участвовали в избрании всех лиц обществ. самоуправления, но сами занимали должности двух гласных в думе, старосты, городского маклера, члена квартирной комиссии (Первое собрание законов, № 23166).

[14]) См. выше, стр. 88-89.—Архив минист. вн. дел, департ. полиции: 1807 г., дело № 311: „О выборах евреев в члены магистратов"; 1833 г., № 381 „О злоупотреблениях, происходящих со стороны евреев и т. д.".

[15]) Архив минист. вн. дел: вышеуказанное дело 1833 г., № 381, а также: хозяйств. департ. 1833 г., папка № 590: „По жалобе поверенного гор. Вильны, купца Рейзнера т. д."; 1-й департамент сената, 1823 г. журнал № 41, ст. 34 (По Виленской губернии—

Раздавались и другие жалобы. По закону 1804 г. только те евреи могли занимать общественные должности, которые были грамотны, а потому, когда избирались неграмотные евреи, христиане протестовали. Но так как от христиан не требовалась грамотность, то евреи, благодаря своей грамотности, приобретали влияние на общественные дела, что опять-таки вызывало недовольство. Словом, повторилось то, что было двадцать лет назад [16]).

Эти нарекания, об'ясняемые преимущественно экономическими интересами, вызвали в правительстве желание вовсе лишить евреев избирательного права, причем главным виновником всех зол была выставлена их религия. Голицын заявил, что они «по своему учению не почитают преступлением вреда, причиняемого людям другой веры», что они присягают ложно, если присяга требуется правительством, что «они даже не почитают людьми христиан» [17]), и вот образованный в 1825 г. «директорский еврейский комитет» (из директоров департаментов), которому было поручено разработать проект нового законодательства о евреях, предложил совершенно устранить евреев от участия в общественном самоуправлении, дабы они не могли властвовать над христианами; еврейскому населению следует предоставить иметь только депутатов в органах сословного самоуправления для участия с правом голоса в разрешении дел, касающихся самих евреев; конечно, христиане будут слишком обременены при таких условиях общественной службой, а потому им надо за это платить, взыскивая с евреев соответствующую сумму!.. [18]). Ведь в таком положении находились сектанты-молокане...

Впрочем, ограничение избирательных прав не было осуществлено в предположенном об'еме, но кое-какие стеснения были введены.

К несравненно более ощутимым последствиям привели состоявшиеся в ту пору ограничения в праве жительства и передвижения. Эта сеть стеснений была сплетена стараниями различных общественных групп и правительственной власти. Каждый

о недопущении евреев в члены гор. дум): Середонин, Историч. обзор деятельности комитета министров, ч. I, стр. 88—89.

16) См. выше, стр. 87. Ср. указ сената от 4 авг. 1821 г. (по копии из архива гос. совета, департ. законов, 1835 г. № 11), напечатанн. в сборн. „Пережитое", т. IV. Архив минист. вн. дел, особая канцелярия минист. полиции, 1817 г., дело № 91.—Архив мин. нар. просвещения, дело № 47505 (жалоба витебск. прокурора на господство евреев).

17) Архив минист. нар. просв. № 47505. Голицын ссылался на евр. книги. Этот „литературный" материал доставил ему, повидимому, крещеный еврей Фоделло. Ср.: „К истории евр. типографий. Крещенные евреи Зандберг и Фоделло" („Евр. Старина", 1909 г., вып. 4, стр. 251—255).

18) Архив мин. нар. просв., дело № 47505; архив мин. вн. дел, департ. полиции исполнит. 1828 г., № 805 (мемория директ. комитета за октябрь 1825 г.).

действовал по мере своих сил и в пределах непосредственных интересов, и потому, если в ином случае запретной для евреев становилась целая территория, то в другом случае конкуренты ограничивались удалением евреев лишь с нескольких улиц данного города. По об'яснению одного официального документа, евреев подвергали стеснениям в жительстве потому, что они «приносят с собою вред христианской вере и нравственности, причиняют подрыв торгующему классу и разорение рабочему»[19]). Но ссылка на опасности, якобы угрожавшие морали христиан, должна была лишь замаскировать побуждения материалистического свойства.

Столица Литвы, Вильна, ревниво следила за тем, чтобы сохранялось в силе давнее местное постановление, стеснявшее евреев в праве проживания. Опираясь на привилегию 1633 г., суд постановил в 1783 г., чтобы евреи не жили на двух улицах: от Острой Брамы до кафедрального собора и от Троицкой Брамы до костела св. Иоанна. Формально этот запрет остался в силе и по переходе края к России: сенат признал (1811 г.) запрещение не отмененным. Однако, требования повседневной жизни побуждали отдельных евреев водворяться на указанных улицах; им содействовали христиане-домовладельцы, сдававшие им квартиры, но другие христиане протестовали против этого, и сенат (1816 г.) подтвердил старое запрещение. Тем не менее, под покровительством губернатора Римского-Корсакова, евреи свободно водворялись на запретных улицах. Начались споры, в которых приняли участие Голицын и Новосильцев,—но никакого твердого решения тогда не было принято[20]).

Борьба из-за двух виленских улиц, в своих деталях весьма красочная, представляет собою в миниатюре изображение того, что происходило в многообразных видах на значительно больших территориях и при более сложных обстоятельствах.

Много усилий было приложено к стеснению евреев в пятидесятиверстной пограничной полосе в целях пресечения контрабандных промыслов. Началось в 1812 г. с Волынской губернии по инициативе сановника, который сам сыграл неблаговидную

---

[19]) Архив мин. нар. просв., дело № 47505, стр. 141.

[20]) Архив мин. внутр. дел, особая канцелярия 1819 г., № 205/851 „О воспрещении евреям в Вильне приобретать дома и пр."; департ. полиции исполн., 1835 г. № 404 „По указу сената о предупреждении предлогов к жительству евреев в В. и пр."; хозяйств. департамент, 1833 г., № 529 (папка № 590) „Дело по жалобе поверенного г. Вильны Рейзнера и т. д.".—См. Евр. Энциклопедия, т. V, стр. 586; сборник „Пережитое", т. I, ч. II (снимок с извещения полиции).

роль в одном деле о провозе контрабандных товаров [21]). А в 1825 г. ограничения в праве проживания в пограничной полосе вне городов и местечек были распространены на все губернии, прилегавшие к границе [22]).

Этой мерой, конечно, нельзя было бы искоренить контрабандные промыслы, в которых принимали участие не одни евреи и которые достигли в ту пору особенно широких размеров, благодаря, между прочим, условиям тогдашних торговых русско-германских отношений [23]). С другой стороны, указанное требование, обрушивавшееся преимущественно на корчмарей и арендаторов мельниц, не могло быть полностью осуществлено в виду отсутствия у них средств к водворению на новом месте. Но одних оно разорило, а других держало в постоянной тревоге, открывая пред чиновниками и полицией простор для вымогательств.

В ограничительном смысле было истолковано тогда же право евреев временно пребывать за пределами черты оседлости. А в связи с этим были урезаны их торговые права. Евреям, не вступившим в «общество израильских христиан», запретили производить вне черты оседлости торговлю даже через посредство комиссионеров и приказчиков из христиан [24]), а также отправляться из пограничных таможен во внутренние губернии с товарами, взятыми на комиссию. Так как в некоторых пограничных таможнях торгующее купечество почти сплошь состояло из евреев, которые, получая из-за границы товар на комиссию, отправляли его во внутрь России, особливо в Москву, то министерство финансов желало разрешить евреям приезжать туда, если они будут пред'являть в таможнях доверенности от великорусских купцов на принятие в таможне товаров, адресованных этим купцам, и с товаром отправляться во внутрь России: таким образом евреи ограничивались бы ролью приказчиков, хотя они должны были бы при этом состоять в гильдии. Но государственный совет воспротивился этому, так как евреи могут войти в стачку с иностранными фирмами и великороссийскими купцами и таким путем, под видом приказчиков, торговать и иметь длительное пребывание во

---

[21]) Сенатор Комбурлей. Ср. Середонин, Историч. обзор деятельности комитета министров, I, стр. 439 и сл.—Есть указание, что выселение было вызвано опасением, чтобы евреи, в виду военных обстоятельств, „не делали никаких неприятных влияний" (Архив минист. вн. дел, департ. полиции, 1824 г., дело № 325: „О выведении из деревень Минской губернии евреев", стр. 31—32).

[22]) Первое собрание законов, № 30402.

[23]) М. Покровский, Из истории р.-герм. отношений („Голос Минувшего", 1916 г., кн. III).

[24]) Сенатский указ от 31 янв. 1821 г. Первое собр. закон., № 28537.

внутренних губерниях[25])—а между тем они должны торговать только в черте оседлости.

В ту пору был вновь поднят старый вопрос о проживании евреев в уездных селениях, который, казалось, был своевременно окончательно разрешен в том смысле, что удаление многотысячной еврейской массы с мест ее давнего жительства представляется неосуществимым — хотя бы из-за отсутствия материальных средств и свободных земель, каковое обстоятельство и позже не утратило своего значения, как это видно из двух следующих эпизодов.

В 1820 г. группа евреев Могилевской губернии обратилась к правительству с просьбой переселить их куда-нибудь для хлебопашества; еврейские общества не согласились принять на себя связанные с этим расходы в виду отсутствия средств, а потому Голицын предложил казне отпустить сумму, нужную для переселения всего-то пятидесяти семейств; но министр финансов отказал, это—обязанность еврейских обществ. С другой стороны, когда в неурожайные 1821—1822 г.г. тысячи евреев за свой счет направились в Херсонскую губернию, чтобы заняться земледелием, было постановлено возвратить в Белоруссию около шестисот переселенческих семейств и вообще (1823 г.) прекратить переселение в Новороссию[26]).

Таким образом, правительство отказывало евреям в содействии, когда дело шло о переходе их к производительному труду. Однако, едва только раздавался голос о тяжелом положении крестьян, как сейчас же, словно эхо, разносились всюду повторные возгласы, что нужна репрессивная мера против евреев. И порою таковую приводили в действие без долгих размышлений. Так, когда начальник Черниговской губернии заявил, что евреи держат «в тяжком порабощении» казенных крестьян и казаков, тотчас же последовало (1821 г.) приказание удалить евреев из селений; это распоряжение было распространено и на Полтавскую губернию; заниматься винными промыслами было тогда же запрещено и в селениях новороссийских губерний[27]).

---

[25]) Архив госуд. сов., департ. экономии, 1825 г., дело № 30: „О евреях, отправляющих из погран. таможен и т. д.“. Первое собр. законов, № 30561. В эти годы в Москве одни русские купцы добивались удаления евреев, как конкурентов, другие же хлопотали об оставлении их в Москве (История моск. купеч. общества, т. II, вып. 1, стр. 160 и сл.).

[26]) См. выше, главу восьмую. Архив канц. министра финансов, 2 отд., 1820 г., дело № 10: „Об отпуске денег на переселение евреев“. В. Никитин, Евр. землед. колонии (Спб. 1887 г.).—Положение комитета министров 14 февр. 1825 г. (особый журнал комитета министров 20 ноября 1823 г., 29 января и 30 дек. 1824 г. и 14 февр. 1825 г., подлинный в архиве комитета министров, книга № 356; копия—канц. министра финансов, 1825 г., дело № 43).

[27]) Перв. собр. законов, №№ 28821, 29036. Положение ком. министров 14 февр. 1825 г.

Неоднократно указывалось, что экономическая деятельность евреев в селениях в известных отношениях плодотворна. Напр., на запрос губернаторам из Петербурга, не следует ли дозволить евреям такие аренды (аренды вообще были тогда отняты у евреев), которые не связаны ни с винными промыслами, ни с личным крестьянским трудом, ответ гласил, что не только необходимо для сельских евреев, «но и полезно для края», чтобы евреи попрежнему содержали мельницы, стеклянные заводы, арендовали молочное хозяйство и др.[28]).

И все же, получив (1822 г.) от сенатора Баранова, обозревавшего Белоруссию, донесение, что местные крестьяне, не только помещичьи, но и казенные, находятся в тяжелом экономическом положении, правительство вновь подняло вопрос о проживании евреев в селениях.

Разоренный в 1812 г., белорусский край испытал в 1819 г. ряд стихийных бедствий, а в 1821 г. его постиг полный неурожай. Некоторые дворяне хотели возложить известную ответственность за обнищание крестьянства на евреев и удалить их. Но Кочубей, вновь занявший пост министра внутренних дел и хорошо знакомый с практикой этого вопроса, указал, что требуются не частичные меры по одной Белоруссии, но общие для всего еврейского населения; предлагаемое переселение в Новороссию обречено на неудачу, а средства, направленные к поднятию нравственности и благосостояние крестьян, напр., введение казенной продажи питей и уничтожение права пропинации, не легко осуществимы[29]). Поэтому было велено образовать комитет из четырех министров для выработки нового законодательства о евреях и, в частности, для разрешения вопроса о жительстве в селениях. Но уже вскоре другой комитет (с участием Кочубея), учрежденный с целью оказать поддержку Белорусскому краю, постановил, идя навстречу желанию дворян, выселить евреев из деревень. И тогда последовал высочайший указ (11 апреля 1823 г.), чтобы в Белорусских губерниях евреи прекратили к 1824 г. винные промыслы и содержание аренд и почт, а к 1825 г.—переселились в города и местечки.

Государь представлял себе, какие бедствия должны были сопутствовать выселению, ибо от нашествия 1812 г. и от стихий-

[28]) Донесение виленского губернатора в 1819 г. и волынского в 1820 г. (копии в деле департ. полиции, 1824 г., № 325); донесений других губернаторов у меня нет.

[29]) Маршалы Витебской губернии и могил. губернский маршал предложили совершенно удалить сельских евреев из края или же запретить им винные промыслы в деревнях (положение ком. министров 14 февр. 1825 г.). Витебский губ. маршал ничего не говорил о мерах против евреев (архив минист. вн. дел, хозяйств. департ., 1822 г., дело № 62: „По представлению сен. Баранова о улучшении Белор. края"). Кочубей ошибочно приписал Баранову идею о переселении в Новороссию.

ных несчастий пострадали не только помещики и крестьяне, но и городские общества; между прочим, к государю поступили от христиан и евреев Витебска и гор. Бабиновичи, а также от евреев Лиозны прошения, в которых описывалось бедственное положение горожан. Таким образом, городские общества не могли принять выселенцев. И поэтому государь повелел обратить внимание на «способы промышленности и прокормления для переселения евреев на места нового жительства, дабы они, оставаясь без пристанища, не подверглись в сем положении тягостнейшим нуждам в своем пропитании»[30]).

Началось выселение. К январю 1824 г. по Белоруссии изгнали около двадцати тысяч евреев. Не находя приюта и питания, выселенцы страшно бедствовали.

Министр внутренних дел заявил, что города и местечки до того наполнились выселенцами, что «от чрезмерного скопления их по домам у своих собратий, а равно от нечистоты и крайней бедности появились между ними болезни, истребившие значительное число их». Сохранились просьбы невельских, городокских и велижских евреев, молившие обратить внимание на их положение. Представители белорусского еврейства стали ходатайствовать об отмене выселения: едва ли один из тысячи будет иметь возможность «приобресть себе хижину»; многие помещики,—говорили ходатаи,—видя бедствие, «всякую меру превосходящее, могли бы из единого человеколюбия оказать свою милость в даче пристанища или другого какого пособия», но они опасаются нарушить распоряжение правительства. Это ходатайство побудило комитет министров ускорить рассмотрение дела[31]).

Общий голос был таков, что евреи в селениях влачили нищенское существование. В Витебской губернии, по словам губернатора, всех их «можно считать совершенно неимущими»; в Могилевской—по крайней мере две трети (т. е. около 70 тысяч душ) не имели никаких средств. Нужда царила и по городам и местечкам: ген.-губернатор указывал, что евреи «большей частью бед-

---

[30]) Первое собрание законов, №№ 29443, 29420. Положение ком. министров от 14 февр. 1825 г. Архив министр. внутр. дел, хозяйств. департамент, I отделение, 1823 г., дело № 35. На прошении витебского общества, среди членов магистрата и думы, имеется подпись бургомистра Хаима Этигина; помимо того, витебские евреи обратились и с особым прошением, подписанным тремя кагальными; от имени христ. и евр. общества г. Бабиновичи подписались „избранные": один христианин и один еврей.

[31]) Г о л и ц ы н, История р. законод. о евреях, стр. 686—687. См. журнал комитета министров от 26 ноября 1827 г. (копия в архиве общ. канц. мин. фин., II отд., 1827 г., № 43). Прошения имеются в архиве мин. вн. дел, департ. полиции исполнит., 1827 г., дело № 349 (О проживающих в С.-Петербурге евреях), стр. 12—18. См. положение комитета министров от 14 февраля 1825 г.

ные, едва снискивающие себе пропитание». Министр финансов заявил, что промыслы евреев «вообще совершенно недостаточны к прокормлению сего народа». Таким образом, было ясно, куда бы ни были направлены сельские евреи, нужны были денежные средства для их водворения на новых местах. Голицын нашел выход из положения: христиане не обязаны помогать евреям, а потому эту заботу должны нести сами евреи, по учению которых состоятельные лица из самых отдаленных стран делают складки для нужд единоверцев! Министр финансов также высказался за то, чтобы приискание средств было предоставлено евреям, «без всякого участия со стороны казны, от коей в сем случае едва ли можно ожидать успеха». Но ген.-губернатор предупреждал, что необходимо оказать евреям значительную материальную помощь; председатель департамента экономии Государственного совета также предложил план, который требовал помощи со стороны казны; а председатель департамента духовных и гражданских дел Госуд. совета, адмирал Мордвинов, подчеркнул, что если казна не отпустит средств, то ничего не выйдет.

Далее вставал вопрос, куда направить сельских евреев? Ген.-губернатор настаивал на переселении в Новороссию: выселенцы не найдут пристанища в самой губернии, так как города переполнены еврейским населением[32]); помещики не захотят принять в свои местечки евреев в виду бедности последних; казенных имений почти вовсе нет; как только кончились контракты на содержание евреями шинков и прочего, помещики, не видя более пользы от евреев, стали их выселять из своих имений. Другие же члены комитета имели в виду оставить выселенцев именно в пределах данной губернии, расчитывая, в частности, что помещики постараются устроить у себя часть изгнанников. Ходатайство же еврейских депутатов о расширении торговых прав, о предоставлении большего территориального района если не для жительства, то для экономической деятельности, нашли сочувствие лишь у одного Мордвинова.

При всем, однако, разноречии, члены комитета министров осудили ту поспешность, с которой было предпринято в Белоруссии выселение. Было решено растянуть выселение на восемь лет, удаляя ежегодно одну восьмую часть. Но это не спасло бело-

---

[32]) В 1823 г. минский губернский маршал подал просьбу, чтобы указ о выведении евреев из деревень был распространен и на Минскую губернию. Минский губернатор об'яснил, что если бы евреи были выселены в города, они не нашли бы там средств к жизни; но все же эту меру можно привести в исполнение, если *пожертвовать этой частью населения* в пользу остального! См. архив минист. внутр. дел, департ. полиции, 1824 г., дело № 325: „О выведении из деревень Минской губернии евреев".

русских евреев от страшного бедствия — до сорока тысяч душ бродило вдоль дорог целыми семьями, с малолетними детьми [33]). И эти страдания никому не принесли пользы. Витебский губернатор Жиркевич в составленных им позже записках указывал, что благодаря удалению евреев из деревень на местах упала промышленность, так как крестьяне не могли заменить евреев; равным образом вывод евреев не повлек за собою уменьшения пьянства среди крестьян, а напротив, благодаря необходимости ездить в город, крестьяне впали в «сугубый разврат и бродяжничество»; сами же евреи чрезмерно наполнили города факторством и мелочной торговлей, что привело к упадку городов [34]). Двенадцать лет спустя после изгнания департамент законов Государственного совета заявил, что оно «раззорило евреев и отнюдь не видно, чтобы улучшилось от того состояние поселян» [35]).

Правовые ограничения, установленные в 1817—1825 г.г., из коих некоторые отмечены выше, носили случайный характер; хотя их об'единяла доминирующая цель—«обезвредить» евреев, в частности—парализовать их экономическую деятельность в интересах прочего населения, все же эти законы представляли собою нечто разрозненное. Но, как мы видели, был образован особый комитет, чтобы, пересмотрев постановленя о евреях, выработать новое законодательство [36]) к «лучшему устройству гражданского положения сего народа». Эта коллегия из четырех министров—внутренних дел, финансов, юстиции и народного просвещения — уже вскоре увидела себя бессильной выполнить указанную задачу, требовавшую большой подготовительной работы; поэтому был образован (1825 г.) комитет из директоров департаментов соответствующих министерств, который должен был составить возможно скорее законопроект как для улучшения положения самих евреев, так и для «соделания их более полезными» [37]).

---

[33]) Высоч. утвержд. положение комитета министров 14 февраля 1825 г.—См. архив минист. нар. просвещения, дело № 47505, стр. 8. Правительство ассигновало 50.000 р., но большая часть суммы была употреблена лишь на оказание помощи больным (Департ. полиции исполнительной, 1827 г., дело № 349, стр. 316—318). Ю. Гессен, Записка виленского кагала о нуждах евр. народа. „Евр. Старина", 1911 г., стр. 96—108 (из архива гос. совета, деп. законов, 1835 г., дело № 11).

[34]) „Еврейская Старина", 1913 г., стр. 410.

[35]) Справка к докладу о еврейском вопросе (изд. об'единенных дворянских обществ), вып. I, стр. 18.

[36]) См. выше, стр. 205. Он стал функционировать после указа об изгнании евреев из белор. деревень. Полное собр. законов, № 29443.

[37]) Положение комитета министров, 14 февр. 1825 г.

Ближайшим результатом возникновения этих, так называемых, «еврейских комитетов»—министерского и директорского—явилось упразднение института депутатов.

Достигнув в 1817 г. несомненного успеха в деле защиты еврейских интересов, депутаты не могли похвастать своей дальнейшей деятельностью. Их ходатайства не удовлетворялись [38]). Быть может, деятельность депутатов парализовалась отсутствием денег. Депутаты не долго оставались в столице в полном составе; получая отпуск, они не возвращались более, и петербургские чиновники полагали, что это происходит именно из-за отсутствия средств,—«еврейские общества, при избрании депутатов назначив им содержание, с самого начала доставляли оное неисправно, а с 1822 г. прекратили всякое пособие к их содержанию». А между тем, чтобы добиться денег, депутаты застращивали общества, сообщая им в мрачных красках о намерениях правительства и передавая им в преувеличенном виде столичные слухи, как это видно из их писем, перехваченных правительством. Да и еврей Гиллер Маркевич в записке, представленной в 1820 г. Голицыну и министру финансов, обличает депутатов в преднамеренном распространении неверных сведений о намерениях правительства, дабы таким путем заставить население вносить в кагал требуемые суммы [39]).

К началу 1825 г. в Петербурге не осталось ни одного депутата. К этому времени пост министра народного просвещения занял известный консерватор Шишков, не одобрявший деятельности своего предшественника Голицына. Несмотря на оппозицию со стороны влиятельного Голицына, настаивавшего на необходимости сохранить депутатов, Шишков добился того, что этот институт был упразднен [40]).

Год спустя виленский, минский и гродненский кагалы возбудили ходатайство о том, чтобы еврейским обществам была дана возможность высказать, чрез посредство «своих почетнейших и религиозных евреев», о нуждах народа [41]). Но надо полагать, что таковое желание не разделялось интеллигенцией. Указание Шишкова, что еврейские общества разбились на «разные секты», а потому депутаты не являются представителями всего населения.

[38]) Мемория директ. комитета за июнь 1826 г.—Положение ком. министров 18 окт. 1821 г. (копия в архиве гос. совета, деп. законов, 1835 г., № 11).—Записка депутата Айзенштадта ошибочно отнесена в моей книге „Евреи в России" (стр. 438) к слишком раннему времени—она была представлена около 1823 г.

[39]) Мемория директ. комитета за сент. 1826 г. — Архив мин. вн. дел, департ. полиции исполн., 1827 г., дело № 624 (записка Маркевича).

[40]) Мемории директ. комитета за сентябрь 1825 и 1826 г.г. Также: архив канцелярии минист. финансов, 1825 г., дело № 43 (I отд.) „Относительно предназначенного переселения белор. евреев и пр." (представление Шишкова о депутатах 31 июля 1825 г.).

[41]) Департамент полиции исполнительной, 1827 г., дело № 349.

позволяет предположить, что до правительства дошли жалобы на деятельность депутатов: более просвещенные лица не могли быть довольны депутатами, являвшимися посланцами кагала.

Однако депутаты принесли известную пользу. Если не официально, то путем частных бесед с сановниками они боролись, поскольку это было возможно, с наветами на народ.

Директорский комитет приступил к работе в августе 1825 г., завершил же ее в начале 30-х годов. Таким образом, его деятельность почти всецело относится к эпохе Николая I. Тем не менее, результаты труда комитета нельзя признать детищем одного только этого царствования.

Обозревая годы Александра I, мы видим, что правительство и кагал, считавший себя единственным выразителем мнений общества, эти две власти, каждая по своему, пытались установить быт евреев, не считаясь с их насущными потребностями. С этой целью правительство и кагал искали друг у друга поддержки, но ни одна сторона не делала серьезных уступок, и население испытывало последствия столкновения двух сил, в одинаковой мере готовых к решительным действиям. Правительство добивалось, чтобы евреи исправно уплачивали подати, переменив вековые профессии, но при этом не оказывало им поддержки; чтобы они просветились, приобщились к русской жизни, но не пользовались общественным уважением и влиянием; чтобы они покинули свою узко-религиозную замкнутую жизнь, но не вышли из-под власти кагала. В свою очередь, кагал всячески препятствовал попыткам, направленным к культурному общению с окружающим населением, требуя, вместе с тем, гражданских прав для евреев; ходатайствовал об отмене законодательных постановлений, которые подрывали благосостояние евреев, но одновременно сам способствовал ухудшению их материального положения.

Эта картина встретится и тогда, когда мы подойдем к следующему царствованию. Политика по еврейскому вопросу, которой придерживалось правительство Николая I, покоилась на фундаменте, прочно заложенном в дни Александра I. Основные черты законодательства, созданного при Николае I, были установлены в предшествующее царствование.

Законодательная работа, начатая при Александре I, влившись по пути своего течения в эпоху Николая I, не приняла нового направления. Еврейская жизнь перешла из одного царствования в другое, не познав обманутых надежд, столь памятных в

истории России. Многое из того, что в эпоху Николая I явилось для русского общества как бы новым и неожиданным, представлялось еврейскому народу наследием недавних лет. Смена государей не оставила никаких вех в истории еврейского народа. И словно для того, чтобы стереть малейшую грань между сопредельными царствованиями, накануне кончины Александра I возродился кровавый навет, жертву которому евреи принесли уже в правление Николая I.

В конце 1822 г. и в начале 1823 г. в Велиже (Витебской губ.) «в толпе простолюдинов» стали носиться слухи, что евреи употребляют кровь христиан для религиозных нужд [42]). Эти слухи распространяли учитель Петрища и сапожник Азадкевич, который «за противные и буйственные действия и преступления» был «лишен чести» и подвергнут телесному наказанию. А в последние дни апреля 1823 года у солдатки Агафьи исчез малолетний сын Федор; спустя несколько дней он был найден за городом мертвым, «чем-то в нескольких местах пронзенным», и молва сейчас же об'явила евреев его убийцами.

При каких обстоятельствах погиб Федор, осталось неизвестным. Его мать заявила, что какая-то женщина, оказавшаяся Марьей Терентьевой, развратной нищенкой, предававшейся пьянству, погадав, еще до нахождения ребенка сказала ей, что сын находится «в доме еврейки Мирки»; это подтвердила и «больная девка» Еремеева, к которой мать обратилась, зная, что та «много предугадывает». Отец погибшего ребенка заявил, что ему неизвестно, кто убил сына, и что он «кроме евреев» ни на кого не имеет подозрения, а тетка убитого показала, что «по всем замечаниям в пронзении племянника доказывается, что загублен евреями». Терентьева показала, что видела, как мальчика Федора вела за руку Ханна Цетлин, содержательница шинка, жена ратмана городского магистрата, зажиточного коммерсанта. Хотя христианки-соседки и отрицали, будто кто-либо из евреев вел ребенка, однако показанию Терентьевой была придана большая вера.

Этих заявлений оказалось достаточно, чтобы следствие было направлено единственно против евреев. Вопреки закону от следственного производства был устранен еврейский представитель. Важной уликой являлись следы брички, под'езжавшей к тому месту, где лежал труп, а так как в тот день, когда последний был найден, в город приехал ксендз Серафимович, то евреи настояли,

[42]) Записка о велижском событии, составленная Гиршей Броуда (архив сената, дело мин. юстиции, 1827 г., № 50).

чтобы его бричка была вымерена; но это вызвало сильное возмущение христиан, заинтересованных в ходе дела; Серафимович же счел измерение экипажа «для себя и всего христианского духовенства крайне обидным».

За отсутствием законных улик суд освободил некоторых евреев от «суждения и взыскания», а Ханна Цетлин и один еврей были оставлены «в сильном подозрении».

Но агитация успела настолько оживить кровавый миф, что суд, вопреки высочайшему запрещению 1817 г. возбуждать обвинения в убийствах с ритуальной целью, заявил: «как христианам к убийству его (т. е. Федора) никаких поводов не было, тем паче, что сей мальчик денег не имел, то и полагать надобно, что сделано таковое из недоброжелательства к христианам евреями, и таковое умерщвление мальчика необыкновенным образом отнести следует на евреев; токмо кто именно причиною—не дойдено, а потому смерть его... предать воле божией, умерщвление же оставить в сомнении на евреев».

Однако витебский главный суд (22 ноября 1824 г.) постановил: евреев, «на коих вообще показанием многого числа христиан гадательно возводилось подозрение в убийстве сего мальчика, будто для достания крови его, оставить без всякого подозрения»; и других, против коих имелись улики, суд также оправдал. Но попутно приговорил Терентьеву «за блудное житие» к церковному покаянию. Вместе с тем, было предписано расследовать дело об убийстве Федора.

Весть о велижском событии дошла до Петербурга; белорусский генерал-губернатор кн. Хованский в бытность в Петербурге вступил, по повелению Александра, в переговоры по поводу процесса с начальником главного штаба Дибичем. А осенью 1825 г., когда государь, направляясь в Таганрог (где скончался 19 ноября), проехал через Велиж, Терентьева, назвав себя матерью погибшего ребенка, подала жалобу, что хотя Федор умерщвлен евреями, ее просьбы не удовлетворены. И государь, забыв о своем повелении 1817 г., приказал строжайше расследовать дело, и о результатах довести до его сведения...

Глава двенадцатая.

Евреи в Царстве Польском.

Годы существования Варшавского герцогства (1807 — 1813).—Лишение политических и ограничение гражданских прав.—Специальные сборы.—Стеснения в праве жительства.—Гибель герцогства. — Годы временного правительства. — Возникновение Царства Польского (1815 г.).—Полемика по еврейскому вопросу в правительственных учреждениях и в печати.—Связь между варшавской общиной и депутатами еврейского народа.—Проект реформы, представленный Новосильцевым.—Сташиц и кн. Чарторыжский.—Репрессивная политика.—Рекрутская повинность.—Борьба на экономической почве.—Упразднение кагалов и возникновение божничных дозоров.—Попытки культурной реформы.

И после третьего раздела (1795 г.) Польши поляки не перестали надеяться на возрождение самостоятельной государственной жизни. Политические обстоятельства позволяли ожидать, что руку помощи им протянет Наполеон. Действительно, Наполеон образовал (1807 г.) под своим протекторатом из земель, перешедших от Польши к Пруссии по второму и третьему разделу, Варшавское герцогство с саксонским королем Фридрихом-Августом во главе, а затем (1809 г.) расширил пределы Варшавского герцогства [1]).

Варшавское герцогство оказалось недолговечным,—но оно на многие годы наложило мрачную печать на жизнь местных евреев. Герцогское правительство ввело ряд тягостных и унизительных правовых стеснений, которым суждено было действовать в течение нескольких десятилетий после падения герцогства. Законы времен Варшавского герцогства создали вокруг еврейского населения общественную атмосферу, которая благоприятствовала расширению правовых ограничений и в те годы, когда значительная часть герцогства уже отошла к России и на его развалинах выросло Царство Польское. Конституционная хартия, дарованная Наполеоном герцогству, провозгласила равенство всех подданных

---

[1]) Территория герцогства с 1807 по 1809 г. охватывала: воеводства Познанское и Быдгощское (Бромбергское), с г. Торном, и образованные позже губернии: Петроковскую, Калишскую, часть Варшавской, Плоцкую, Ломжинскую и Сувалкскую; а с 1809 г., также губернии: Радомскую, Келецкую, Люблинскую и Холмскую.

перед законом; гражданский кодекс (Code Napoléon) также предоставил всем жителям одинаковые права. Эти законодательные акты должны были определить, в частности, и положение тех евреев, которые, согласно общим установлениям (знание польского языка, владение недвижимым имуществом и др.), могли почитаться гражданами. Но уже вскоре обнаружилось, что эти акты— мертвая буква для еврейского населения [2]).

Когда «старейшины варшавских обывателей старозаветного исповедания» подали петицию об облегчении тяжелого бесправного положения евреев, известный министр юстиции Феликс Лубеньский заявил: «Конституция никого не лишает гражданских прав. Кажется, поэтому, что всякие стеснительные для евреев узаконения, несправедливые по существу, являются одновременно и нарушением основных законов... Правительство не может равнодушно относиться к этому вопросу, особенно, если иметь перед глазами пример этого народа и того великого мужа (т. е. Наполеона), у которого мы взяли наши законы» [3]). Однако, один из министров указал, что евреи только тогда могут быть признаны гражданами, когда изчезнет все то, что отличает и отделяет их от прочего населения—кагал, особая форма присяги, традиционное платье, браки между одними лишь единоверцами, религиозные школы, и когда евреев привлекут к натуральной воинской повинности [4]).

Лубеньский, как видно, сообразовался с действиями Наполеона. Созыв в Париже синедриона позволял предположить, что Наполеон относится к евреям доброжелательно. Но декретом 17 марта 1808 г. Наполеон ввел для эльзасских евреев ряд правовых ограничений, сроком на десять лет, «в ожидании, что по прошествии этого времени и при содействии различных мер не будет никакого различия между евреями и другими гражданами государства». И этот декрет оказался роковым для евреев герцогства. Совет управления предложил королю применить его к евреям герцогства, так как герцогству грозила бы печальная будущность, если бы израильский народ стал сейчас же пользоваться правом граждан,—не только его одежда, внешний вид и образ жизни отделяют его от других граждан, но и то, что он отказывается от лич-

[2]) Ср. мой очерк „В эфемерном государстве. Евреи в Варшавском герцогстве" (Спб., 1910 г., первоначально в „Еврейской Старине", 1910 г., кн. 1), написанный на основании дел статс-секретариата Варшавского герцогства из архива госуд. совета.

[3]) Szymon Askenasy, Z dziejów Żydów polskich w dobie Ksiestwa Warszawskiego. Kwartalnik Zydow w Polsce, кн. I. Этот документ побуждает меня изложить здесь возникновение ограничительного законодательства несколько иначе, чем в „В эфемерном государстве".

[4]) Опубликовано Шимоном Аскенази в указанной выше статье.

ного служения отечеству, «сохраняя национальный дух, внушая детям правила, вредные для страны, и в особенности занимаясь ростовщичеством и часто контрабандой»; евреи становятся все больше в тягость, отказываясь от земледелия; малое число евреев, занимающихся промышленностью, вредит с одной стороны коммерции слишком мелкой торговлей или просто промыслами, с другой же стороны, отдаваясь посредничеству, «они ведут праздную жизнь и вместо того, чтобы увеличивать народные богатства, скорее их разрушают, пользуясь плодами чужого труда». Поэтому надо воздержаться от предоставления евреям прав граждан, но монарх может даровать таковые права отдельным евреям, которые заслужат эту милость. Лубеньский отказался от своего прежнего взгляда [5]).

Нет сомнения, что евреи были совершенно обособлены от окружающего общества, что являлось наследием прошлого в Польше, когда, пользуясь широким внутренним самоуправлением, они были вместе с тем бесправны в гражданском и политическом отношении; в этих условиях евреи, скованные религиозно-национальным единством, не могли в массе проникнуться сознанием гражданского долга, тем более, что благодаря внешним обстоятельствам, от них не зависевшим, они не могли составить с окружающим населением одно целое. Когда в последние годы политической самостоятельности Польши обнаружилось течение, направленное к реформе быта евреев с целью вовлечь их в общегражданскую жизнь, и из среды польского общества раздались упреки по адресу польского народа за несправедливое отношение к еврейскому населению, то лишь в немногих отдельных евреях пробудилось сознание гражданского достоинства, а вместе с тем и сознание своих обязанностей по отношению к стране.

Что же касается обвинений в причинении экономического вреда, то они были издавна распространены в Польше. Упадок городов приписывался многочисленности еврейского населения. Однако, это не вполне совпадало с действительностью; как указывал польский писатель Суровецкий, «это только отчасти справедливо; тот, кто придерживается такого взгляда, забывает о том, что здесь следствие принимается за причину; и без евреев польские города не избежали бы этого жребия»; еврейское население, — говорил Суровецкий, — отличается способностями, энергией, бережливостью, и надо заботиться об его сохранении в Польше, торговля и ремесла которой обязаны своим развитием

[5]) См. М. Вишницер, Проекты реформы евр. быта в Царстве Польском и Варш. герцогстве („Пережитое", т. I, стр. 166—167).

преимущественно евреям. Суровецкий не скрывал от себя отрицательных сторон характера еврейского населения, но он об'яснял их печальными историческими условиями, в которых жили евреи [6]).

17 октября 1808 г. был издан следующий декрет:

«Жители нашего Варшавского герцогства, исповедующие религию Моисея, лишаются политических прав, которыми они имели впредь пользоваться, на десять лет. Надеемся, что в течение этого времени они утратят те качества, которые столь отличают их от других жителей.

«Вышеизложенный пункт не удерживает нас от дозволения некоторым отдельным лицам, даже до истечения десятилетнего срока, пользоваться правами, если они заслужат этой высокой нашей милости, удовлетворив всем условиям, которые будут предписаны нами в отдельном положении о лицах, исповедующих моисеево вероисповедание» [7]).

Условия для получения политических прав не были вопреки обещанию выработаны, и ходатайства отдельных лиц, ссылавшихся на различные свои достоинства — имущественное состояние, образовательный ценз, общеевропейскую одежду и т. д., не удовлетворялись. Было раз'яснено, что только тот может быть принят в число граждан, «кто всецело отдавшись этому краю, оказав ему значительную услугу, признает Варшавское герцогство, как свое отечество, и пожелает жить в нем постоянно...».

Декрет 17 октября 1808 г. говорил лишь о политических правах, но правительство ограничило евреев и в гражданских правах.

С еврейского населения попрежнему взимался особый сбор, так наз. «кошерный» (с живности), в пользу казны [8]). А иностранные евреи были обложены специальным сбором под названием «гелейт-цолль» [9]); от него были освобождены (с 1810 г.) лишь купцы и их приказчики, возившие товары транзитом через герцогство.

---

[6]) К. Воблый. Очерки по истории польской фабричной промышленности, т. I (Киев, 1909 г.), стр. 364.

[7]) Этот декрет не внесен в „Дневник законов"; он помещен среди актов, относящихся к созыву сейма.

[8]) Ю. Гессен, К истории коробочного сбора в России (Спб. 1912 г.), стр. 50—62 (в „Евр. Старине", 1911 г.). Евр. Энциклопедия, т. IX, стр. 799—800. Помимо Дневника законов (24 и 25 марта 1809 г., 22 мая 1810 г.), см. дела статс-секретариата герцогства: 1809 г., № 90: „О кошерном сборе"; 1808 г., № 84 „Об устройстве евреев"; 1813 г., № 13: „Об усилении наказания за беспатентную продажу евреями кошерного мяса". Под названием „кошерного" существовал сбор с живности, принадлежавший общинам.

[9]) См. мою заметку „Гелейт-цолль", „Евр. Старина", 1910 г., стр. 81. В 1811 г. инструкция для таможен указала условия, при которых евреи допускались к временному пребыванию в стране, а также размер сборов. Архив госуд. совета, собственная е. и. велич. канцелярия, 1826 г., дело № 119.—О „гелейт-цолль"—см. дальше.

Тягостные стеснения были установлены в Варшаве. Здесь могли проживать лишь те евреи, которые уже водворились—вновь селиться было запрещено; разрешалось лишь кратковременное пребывание, причем каждые сутки приходилось при унизительной обстановке уплачивать особый так называемый «билетный сбор», поступавший в пользу города. Водворившиеся же евреи не должны были проживать на главных улицах. Несмотря на то, что евреи «приняли значительное участие в кредите г. Варшаве», декрет 1809 г. подтвердил старые ограничения. Лишь в виде снисхождения, дабы «еврейский народ понял, что правительство не стремится исключить его из среды других жителей в случае, если лица этого народа постараются быть достойными того», было сделано из'ятие: на запретных улицах могли проживать по два семейства, которые удовлетворяли ряду условий: глава семейства должен обладать известным капиталом, знать грамоту польскую или французскую, в крайнем случае—немецкую, посылать детей в общие школы, отказаться от традиционной одежды. В виде исключения еще кое-кому было разрешено жить в центре города. Трем лицам, не в пример прочим, разрешили проживать повсюду в Варшаве, не отказываясь от традиционной одежды и бороды [10]).

Когда в 1809 г. австрийские войска заняли Варшаву, декрет о выселении с главных улиц утратил свою силу. Но уже вскоре победа Наполеона над австрийцами вернула полякам Варшаву и дала возможность продолжать войну с еврейским населением.

Распоряжение о выселении с главных улиц вызвало междоусобия среди христианского населения, продолжавшиеся много лет; герцогство успело погибнуть, а обыватели не прекращали ссориться из-за евреев: домохозяева с запретных улиц просили об отмене декрета, чтобы не терять жильцов, а домовладельцы с прочих улиц ходатайствовали об осуществлении декрета, так как евреи являлись для них желанными жильцами. Угловые дома были, так сказать, разделены на две части: дозволенную и недозволенную для сдачи в наймы евреям; в отношении магазинов угол, одновременно выходивший на запретную и доступную улицы, почитался запретным.

Стеснения, введенные в Варшаве, послужили примером и для других городов. В Плоцке, по просьбе христиан, евреев обязали переселиться из центральных улиц на старые места, которые были ими покинуты после пожара. С своей стороны, министр

---

[10]) Статс-секретариат герцогства, 1810 г., дело № 53 „По ходатайству некоторых евреев и проч.“.

внутренних дел предложил ввести в больших городах правила, действовавшие в Варшаве и Плоцке.

По декрету 1808 г. к военной службе призывались все граждане в возрасте 21—28 лет; исключение было сделано для чиновников, духовенства, учителей, а также для раввинов и певчих в синагогах[11]). Конечно, бесправие служило плохим поощрением для военной службы. Но независимо от этого ортодоксальные еврейские круги должны были противиться натуральной повинности в виду вынужденного на службе нарушения религиозных предписаний. Замены натуральной повинности денежною особливо добивались влиятельные хасиды[12]). И декрет 29 января 1812 г. заменил для евреев личную повинность денежным сбором (ежегодно 700.000 злотых). Новый порядок, согласно об'яснению декрета, последовал по просьбам еврейских делегатов от всех департаментов. Но фактически ходатаем за евреев явился министр финансов—освободить евреев от личной повинности надо было, чтобы получить с них деньги, столь необходимые в годину экономического бедствия.

Издавая ограничительные законы, правительство порочило евреев, чтобы этим оправдать свои действия. Оно хотело поступить таким же образом и тогда, когда издало 30 октября 1812 г. закон, запретивший евреям (с июля 1814 г.) торговать водкой и находиться вообще в шинках, но на этот раз введение к законопроекту нарисовало еврейский народ в столь мрачных красках, как виновника бедственного положения крестьян, что король, обычно повиновавшийся правительству, потребовал, чтобы введение было изменено «как явно подчеркивающее отрицательные стороны еврейского народа»[13]).

Торопливость, с которою проводились законы о евреях, несмотря на то, что на очереди стояли многие другие вопросы государственной важности и что политические события держали страну в напряженном состоянии, была бы непонятна, если бы мы не узнали, какими тайными мечтами правительство вдохновлялось в борьбе с еврейским населением. Когда министр полиции потребовал, чтобы, не дожидаясь общей еврейской реформы, евреям были немедленно запрещены винные промыслы, он заявил: «Вскоре ожидаются многие перемены и на очереди тогда окажется много спешных дел и вопросов; теперь удобно восполь-

---

[11]) Попов, Варшавское герцогство. „Русский Вестник", 1866 г., кн. 1, стр. 30.
[12]) С. Дубнов, Новейшая история евр. народа (Спб. 1914 г.), стр. 198.
[13]) Статс-секретариат герцогства, 1812 г., дело № 27: „О воспрещении евреям выделки и продажи крепких напитков".

зоваться свободным временем, которое нам еще остается, для введения таких установлений, провести которые может впоследствии явиться затруднительным, тем более, что наш край будет увеличен именно той областью, где находится наизначительнейшее число евреев, содержащих кабаки» [14]).

Но Варшавское герцогство ждала иная доля: ему не только не суждено было увеличить свои области, но оно вскоре погибло—в 1813 г. Александр, овладев почти всей территорией герцогства, учредил новое временное правительство, а в 1815 г. территория герцогства была расчленена: часть отошла к Пруссии (Краков с округом был об'явлен самостоятельной республикой), из остальных земель, присоединенных к России, было образовано Царство Польское, со столицей Варшавой.

Во главе временного правительства Царства Польского стал фактически Адам Чарторыжский; членом правительства был назначен русский государственный деятель Новосильцев; связующим же звеном между Царством Польским и Империей являлся государь,—в ту пору русское правительство не имело касательства к делам Царства Польского.

Сколь ни тревожилось еврейское население, не зная, какая судьба ждет его при новых политических условиях, была одна опасность, которую нужно было немедленно устранить, не дожидаясь того, что скажет грядущее,—а именно, запрещение заниматься винными промыслами, угрожавшее полным обнищанием и без того бедствовавшей еврейской массы, — и вот, евреи добились отсрочки [15]) на один год.

Устранив ближайшую опасность, еврейские представители начали хлопотать и об общем облегчении положения еврейского населения. Они нашли поддержку в Новосильцеве, но их попытки не имели успеха [16]).

Между тем 25 мая 1815 г. были установлены основные положения будущей конституции, среди коих 36-й параграф был посвящен евреям. Он гласил: «Еврейский народ сохранит за собою гражданские права, которыми он доныне пользуется по суще-

---

[14]) Там же.

[15]) М. Вишницер, Проекты реформы евр. быта („Пережитое". I, стр. 172).—Szymon Askenazy, Ze spraw zydowskich w dobie Kongresowej (Kwartalnik, кн. III).

[16]) Там же. Шимон Аскенази об'ясняет расположение Новосильцева к евреям, с одной стороны, его корыстолюбием, а с другой стороны — его упорным стремлением идти наперекор желаниям польского общества.

ствующим законам и правилам. Особое распоряжение определит те условия, при которых евреи сумеют более широко пользоваться благами общественной жизни».

Последние слова придали бодрости старшинам варшавского кагала. В 1815 г. они представились государю в Париже и подали петицию, в которой ссылались на § 36 основ конституции. Но ответа не последовало. И дальнейшие их настойчивые хлопоты оставались безрезультатными: конституционный устав, опубликованный 1 декабря 1815 г., на который возлагались надежды, совершенно умолчал о евреях.

Впрочем, государь поручил Новосильцеву собрать материалы по вопросу о нуждах евреев, «выбор же средств, дабы на будущее время не только обеспечить и улучшить жребий этого племени, но и сделать его для края более полезным, нежели доселе было, государь император и король себе непосредственно предоставить изволил» [17]).

Некоторые евреи, не дожидаясь смягчения общей участи, пытались облегчить собственное положение, об'ясняя, что еврейское население делится на две группы: одна состоит из людей, сохранивших старые обычаи и занимающихся торговлей и ремеслами; другая—из интеллигентных лиц, которые, не отказываясь от своей религии, усвоили европейские обычаи, носят европейское платье, занимаются науками и искусствами; таких семейств в Варшаве около сорока; они имеются и в других местностях; чтобы не задеть предрассудков христиан, особливо дворян, надо предоставить первой грушe только гражданские права, но второй—следует даровать также и политические.

Вопросом реформы занялась образованная в июле 1815 г. комиссия, долженствовавшая рассмотреть вопрос о крестьянах, так как бедственное положение крестьян ставилось в связь с деятельностью евреев по деревням. Председателем комиссии состоял Чарторыжский, а членами его люди, близкие Чарторыжскому. Вопрос о евреях подняло и временное правительство, главою которого фактически был тот же Чарторыжский. И вот, когда работа временного правительства подошла к концу, Чарторыжский от имени комиссии, рассматривавшей вопрос об устройстве городов,

---

[17]) Из франц. письма Новосильцева от 25 янв. (6 февр.) 1815 г. наместнику Ц. Польского (военно-ученый архив Гл. штаба, № 497/34, 611 „Об устройстве быта евреев в Ц. Польском").

переслал в комиссию по крестьянскому и еврейскому вопросам доклад о еврейской реформе [18]).

Источником прав, которые следует евреям дать,—писал Чарторыжский,—должны быть только справедливость, гуманность, дух века и государственные интересы. Недостатки евреев не врожденные, это последствие притеснения и предрассудков тех, среди кого евреи жили. Что же касается обвинений в употреблении христианской крови, осквернении святынь и т. д., то в настоящее время и опровергать их не стоит. Нелюбовь и неспособность евреев к сельскому хозяйству, к ремеслам, к труду также не являются результатом врожденных свойств. Многие из их физических и моральных наклонностей показывают, что в способностях своих, если бы таковые развивались вполне, евреи не уступали бы другому народу. Нет среди евреев и теперь недостатка в трудящихся людях. Что же касается умственных качеств, особенно сообразительности, то они, повидимому, присущи евреям в высокой степени. Обычно бросаемый упрек в неопрятности кажется тоже неосновательным: в домах английских и голландских евреев господствует чистота, в то время, как в польских деревнях и городах есть много нееврейских домов, где сильно грешат против опрятности. Нет и в еврейской религии никаких препятствий к тому, чтобы они были верными гражданами, как показывает пример английских, гамбургских и других евреев. Выводы Чарторыжского таковы: евреи могут и должны получить права гражданства, лишь только они будут в состоянии исполнять гражданские обязанности. Целью правительства должно быть: устранить все то, что раздражает и унижает еврейское население, что отдаляет его от прочих жителей, и, наоборот, предоставить евреям все то, что может приблизить, связать и об'единить их с христианским населением, дабы между гражданами не было никакого различия в одежде, речи, занятиях, уплате налогов и др., если только евреи намерены приготовиться к принятию общих прав и общих обязанностей.

Эти рассуждения, напоминающие то, что в свое время высказал Северин Потоцкий по поводу реформы еврейской жизни в России [19]), были усвоены комиссией по крестьянскому и еврейскому вопросам [20]). Пока о реформе говорилось с теоретической

---

[18]) Ашкеназй, цитированная статья (1 дек. 1815 г.).

[19]) См. выше, стр. 146—148.

[20]) Комиссия не выработала законопроекта, а ограничилась составлением лишь записки, так как предварительно хотела узнать мнение государя относительно принципов реформы. Архив госуд. совета, статс-секретариат Царства Польского, 1817 г., дело

точки зрения, комиссия, внимая Чарторыжскому, высказывала прекрасные мысли — человеколюбие, справедливость, дух конституции и здравый смысл требуют, конечно, коренных реформ; надо предоставить евреям политические права, чтобы они любили свою родину; если нравственный уровень их не высок, то это можно об'яснить их неблагоприятным внешним положением. Но как только пришлось перейти к практическим мероприятиям, настроение комиссии тотчас изменилось. Те недостатки в нравственном облике еврея, которые сама комиссия готова была приписать влиянию внешних условий, превратились в препятствие для дарования гражданских свобод; надо категорически заявить, что евреи, в конце концов, получат равноправие, но для этого необходимо, чтобы они отказались от винных промыслов и обратились к земледелию, чтобы они просветились, вышли из своей замкнутости и т. д.

Даже просвещеннейшие поляки, разделяя ходячие предрассудки, относились к евреям с нескрываемой нетерпимостью. В течение 1815—1816 г.г. появилось много брошюр и статей по еврейскому вопросу, из коих некоторые принадлежали видным деятелям и писателям. Известный публицист, патриот и государственный деятель Станислав Сташиц произвел большое впечатление и на общество и на правительство своим выступлением в печати против евреев,—его авторитетное слово заглушило голоса более умеренных публицистов. В общем публицисты утверждали, что евреи не доросли до полного гражданского и политического равенства, для которого необходимо коренное изменение внутреннего строя их религиозно-национальной жизни. Впрочем, иные и при условии преобразования быта не желали видеть евреев равноправными гражданами [21]).

Между тем варшавское правительство во главе с генералом Зайончеком (наместником Царства Польского) занялось разработкой законодательных постановлений о евреях. Зайончек был врагом евреев; окружавшие его администраторы также не отличались расположением к ним. 5 февраля (24 января) 1816 г. Государственный совет Царства Польского постановил начать с 1 июля 1816 г. выселение евреев из деревень [22])—разрешалось остаться в деревнях лишь для земледельческого труда без помощи христиан. Старшины варшавского кагала поспешили обратиться за помощью к Новосильцеву, и уже на другой день, сославшись на по-

---

№ 55: в записке Чарторыжского (о проекте Новосильцева) сказано, что комиссия по крестьянскому вопросу закончила работу в апреле 1816 г.

[21]) М. Вишницер, Проекты реформы евр. быта, „Пережитое", I, стр. 172—188.

[22]) Военно-ученый архив. Цитированное дело.

лученное им высочайшее повеление собрать материалы по еврейскому вопросу, Новосильцев потребовал, чтобы наместник присылал ему все законопроекты и новые постановления о евреях, причем указал, что варшавское правительство ничего не должно предпринимать без высочайшего согласия, оставив «все дело так, как оно теперь есть» [23]).

Поляки питали ненависть к Новосильцеву, в котором видели злейшего врага Польши, посягавшего на либеральные основы польской конституции, и его вмешательство в польско-еврейские отношения должно было вызвать возмущение в правительственных кругах. Варшавское правительство ожидало выступления кого-либо в защиту евреев, и оно поэтому торопилось провести закон об изгнании их из деревень: решение, принятое Государственным советом 5 февраля, уже 6 февраля было внесено в административный совет для приведения его в действие. Но заявление Новосильцева грозило остановить все дело. Протокол заседания административного совета свидетельствует, с каким негодованием было встречено вмешательство Новосильцева. Было решено экстренно представить все обстоятельства дела государю и испросить разрешения на осуществление закона, от которого ожидаются благие результаты для страны [24]). Но доклад Заиончека запоздал. Новосильцев успел представить государю свои об'яснения и в конце концов постановлением 28 мая 1816 г. евреям было запрещено лишь одно — продавать водку крестьянам в кредит [25]).

Новосильцеву удалось предотвратить и другое насилие. Когда в феврале 1816 г. полиция предписала евреям, водворившимся в Варшаве в запретных улицах, выселиться оттуда в течение двух месяцев, Новосильцев обратился к государю с письмом, в котором указывал, что декрет 1809 г. о запретных улицах никогда, вообще, не был полностью осуществлен, а при временном правительстве, не находившем никакой пользы в строгом исполнении декрета, на запретных улицах поселились многие еврейские семьи [26]). И государь, как видно, стал на сторону Новосильцева,—в течение ближайших лет нет известий о том, чтобы варшавских евреев тревожили.

---

[23]) Письмо от 25 янв. (6 февр.) 1816 г. Дело военно-ученого архива.

[24]) Архив госуд. совета, статс-секретариат Царства Польского, 1816 г., дело № 75 „О воспрещении евреям содержать питейные дома".—Часть всеподд. представления наместника напечатана в „Справке к докладу по еврейскому вопросу", вып. I, стр. 43 (дата ошибочно указана—8 марта, вместо 13 февраля).

[25]) Дневник законов, т. 7, стр. 401. — Новосильцев напомнил об этом государю в одном позднейшем письме (дело военно-уч. архива).

[26]) Письмо от 23 февр. 1816 г. (дело военно-уч. архива).

Эти столкновения были лишь предвестниками более значительной борьбы. Вмешательство представителя русской власти в действия варшавского правительства вызывало возмущение в польском населении. И выступление Новосильцева в защиту евреев должно было вызвать тем большую оппозицию, что в Петербурге и в Варшаве отношение к евреям в описываемую пору (1816—1817 г.г.) было диаметрально противоположно.

Смягченное воспоминаниями о недавнем прошлом, когда в годины тяжелых военных неудач евреи обнаружили преданность России, русское правительство именно в этот недолгий период, открыто признав заслугу евреев пред родиной, готово было проявить по отношению к нему благорасположение и в отдельных случаях пойти навстречу его просьбам. С другой же стороны, поляки, не переставшие преследовать евреев в эпоху великих политических потрясений, отнюдь не хотели отказаться от вражды к евреям и тогда, когда возникло Царство Польское, в котором польский народ видел крушение мечты о свободном политическом существовании. Мы видели, как сурово обходилось с евреями правительство недолговечного Варшавского герцогства. Печальную память в евреях оставило [27]) по себе и «временное литовское правительство», возникшее и погибнувшее в 1812 году. С репрессий начало свою деятельность и правительство Царства Польского.

Между тем Новосильцев готов был помочь евреям. Но не путем осторожного воздействия на варшавское правительство, а силою приказов. Он склонял евреев обращаться за помощью к государю, игнорируя варшавское правительство, и евреям ничего иного не оставалось, как следовать по скользкому пути, указанному Новосильцевым, тем более, что оказать им содействие в Петербурге могли депутаты еврейского народа.

Между варшавскими еврейскими деятелями и депутатами установилась связь, зарождению которой способствовало, повидимому, общее несчастье—кровавый навет.

Мы знаем, что в 1816 г. возникли дела по обвинению евреев в преступлениях с ритуальной целью как в Гродне, так и в некоторых местностях Царства Польского. Вмешательство депутатов Зонненберга и Диллона привело к изданию указа о не привлечении евреев к ответственности по преступлениям, якобы совершенным ими с религиозной целью. Ходатайствуя о гродненских единоверцах, депутаты одновременно жаловались на то, что и в Царстве Польском евреи подвергаются преследованиям из-за обвинения в

[27]) С. Гинзбург, Отечественная война 1812 г. и евреи, стр. 48 и след.

употреблении крови христиан, и Голицын по высочайшему повелению вступил об этом в переписку с Новосильцевым. Между прочим, Голицын высказал Новосильцеву, что евреи, оказавшие преданность русскому правительству в минувшую войну, приобрели благоволение государя и имеют право, наравне с прочим населением, на покровительство закона. Новосильцев, вероятно, не скрыл письма Голицына от членов варшавского правительства. С другой стороны, вряд ли осталось для местных властей тайною, что депутаты еврейского народа, действуя по полномочию варшавского кагала, жаловались Голицыну на стеснения, испытываемые евреями в Царстве Польском [28]).

В 1816 г. Новосильцев выступил со следующим проектом реформы: признать недействительными все старые привилегии и льготы, предоставленные некогда евреям, а с другой стороны— отменить все стеснения и ограничения в правах, если евреи выполнят ряд требований; устраиваются еврейские общеобразовательные школы (еврейский и польский язык); свидетельство об окончании школы явится впредь необходимым для вступления в брак, для занятия ремеслом и проч.; по возможности следует обратиться к земледельческому труду; внутреннее самоуправление должно быть поколеблено; евреи несут личную воинскую повинность; кто занят винными промыслами, может продолжать их, но вновь дозволение на эти промыслы не будет даваемо; кто подчинится указанным правилам, получит все гражданские права без исключения, а кто докажет, что усовершенствовался в науках и искусствах, обладает знаниями, необходимыми для свободных профессий, и вообще отличается нравственным поведением, может по представлению министра народного просвещения получить также политические права.

Этот проект, подвергшийся дружным выпадам со стороны Сташица, Козьмяна, Чарторыжского и других, встретил решительный отпор в Государственном совете. И можно думать, что подобный поход был вызван не только содержанием проекта, но в значительной мере тем, что его автором был Новосильцев [29]).

---

[28]) Письмо варшавского кагала, просившего депутатов хлопотать в Петербурге, Голицын переслал Новосильцеву. См. „Русский Архив", 1908 г., кн. VIII. Документы из архива Новосильцева (Перепечатано в „Еврейской Старине", 1912 г., стр. 155—163).

[29]) Содержание проекта см.: М. Вишницер, „Проекты реформы евр. быта". Рассмотрению проекта было посвящено несколько заседаний в январе—марте 1817 г. См. Архив гос. совета, статс-секретариат Ц. Польского, 1817 г., дело № 215 (журналы общего собрания совета).—Чарторыжский писал государю, что Новосильцеву следовало бы покинуть Варшаву. См. мемуары Чарторыжского, т. II.

Сташиц, сходившийся во взглядах с Козьмяном, говорил, что блага, дарованные государем польскому народу, не приведут к цели, пока не будут устранены препятствия, которые ставят евреи развитию торгово-промышленной деятельности и поднятию благосостояния крестьян; по проекту Новосильцева евреи окажутся в привилегированном положении; проект оказывает такое покровительство еврейской религии, которым не пользуются остальные; проект находится в противоречии с основами конституции, которая имеет в виду лишь христиан [30]). Против этого заключения выступил даже Козьмян, говоря: хотя конституция предоставляет права одним христианам, но нельзя совершенно устранить евреев от пользования правами, иначе они окажутся как бы стоящими вне защиты закона [31]). Чарторыжский во многом сошелся со Сташицем; он выступает против внутреннего самоуправления, долженствующего по необходимости держать евреев обособленными от прочего населения; не ставя так остро, как Сташиц, вопрос о даровании политических прав, Чарторыжский все же отнюдь не обнаруживает готовности реально признать евреев равноправными гражданами в более или менее близком будущем; он соглашается даже оставить в силе запрещение жить на центральных улицах столицы,—правда, за исключением тех, кто подчинится требованиям реформы [32]).

Особенно близко сошлись Сташиц и Чарторыжский в вопросе о еврейском вероучении. Сташиц указывал, что евреи далеко ушли от Моисеева учения с тех пор, что создали Талмуд, который признает идолопоклонниками нынешних христиан, причисляя их к тем народам, о коих в Ветхом Завете говорится как о нечестивых. А Чарторыжский указывал, что в силу своей религии, в ее современном виде, евреи как по образу мыслей, так и по чувствам и действиям находятся в несоответствии с христианской цивилизацией; их религию нельзя назвать Моисеевым учением, потому, что они совершенно уклонились от принципов и морали Ветхого Завета. Необходимо поэтому, говорил Сташиц, перевести Талмуд на польский язык; надо ознакомиться—так советовал Чарторыжский—с еврейской религией и привести ее к чистоте Ветхого Завета. И только тогда можно будет оказать евреям надлежащую терпимость.

---

[30]) Архив гос. совета, статс-секрет. Царства Польского, 1817 г., дело № 55.
[31]) Журнал заседания госуд. совета 3 марта 1817 года.
[32]) Там же. См. также статью М. Вишницера (Проекты реформы евр. быта), пользовавшегося материалами из другого источника. Любопытны суждения Чарторыжского, отмеченные в журнале заседания совета 24 янв. 1817 г.

Вопрос о религии Чарторыжский считал столь важным, что посвятил ему особую записку [33]).

Соображения о необходимости «очистить» еврейское вероучение от вредных примесей подсказывались и самими евреями. Между прочим, популярный берлинский еврейский деятель Давид Фридлендер, ратовавший за изменение религиозно-общественного быта, прислал в начале 1816 г. по просьбе епископа Мальчевского (действовавшего по поручению правительства) записку [34]) о евреях в Царстве Польском. Член Государственного совета Октов заявил [35]), что известные философы Мендельсон и Соломон Маймон признались ему в частной беседе, что иудаизм настолько противоречит современному строю цивилизованного общества, что многие просвещенные евреи, считая невозможным согласовать иудаизм с нынешним положением вещей или же сделать изменения в еврейском учении, крестились.

В связи с высказанными взглядами на еврейское вероучение, в совете возник даже спор о том, как именовать вероучение евреев—было решено называть: «религией, основанной на Ветхом Завете»; таким образом, Талмуд был как бы осужден правительством [36]).

Для рассмотрения проекта Новосильцева и высказанных против него соображений была составлена особая комиссия, доклад которой как бы подводит итог тому многому, что было сказано по еврейскому вопросу различными лицами, расходившимися в частностях, но согласными в главных основах [37]). В этом докладе были выставлены два положения: дабы евреи, вредные члены

[33]) Архив гос. совета, статс-секретариат Царства Польского, 1816 г., дело № 76: „С запискою кн. А. Чарторыжского". Записка эта—от 6 мая 1816 г.—дефектна, а потому сделать из нее вывод затруднительно. Основная мысль такова, что Новый завет может служить лучшим средством исправить пороки евреев.

В Царстве Польском в течение ряда лет подвизались эмисары Лондонского миссионерского общества: См. мою статью в Еврейской Энциклопедии (т. II, ст. 491—494), написанную на основании след. источников: Архив госуд. совета, дела Ц. Польского—1822 г., № 121: „О прибывших в Ц. Польское двух эмисарах англ. общества"; там же, 1829 г., № 298: „Об англ. миссионерах"; особый архив департ. духовных дел иностр. исповеданий, № 3553. См. также: „Русский Архив", 1908 г., кн. 4 (Из архива Н. Новосильцева), Английские миссионеры и евреи в Ц. Польском; De le Roi, Geschichte der evangel. Judenmission (1899, часть II).

[34]) Записка издана в 1819 г.: „Ueber die Verbesserung der Israiliten im Königreich Pohlen. Ein von der Regierung. daselbst im Jahr 1816 abgefordetes Gutachten". Вспомним врача Франка, который говорил о необходимости вернуть вероучение к первоначальной чистоте. См. выше, стр. 129—130.

[35]) Журнал заседания госуд совета 20 янв. 1817 г.

[36]) Журнал заседаний гос. совета 3 марта 1817 г.

[37]) Архив гос. совета, статс-секретариат Царства Польского, 1817 г., дело № 55—„Rapport de la deputation sur le projet d'Organisation de l'hierarchie israelite".—Этот документ на польском языке имеется в рукописном собрании, использованном М. Вишницером (мною были предоставлены ему также мои документы на французском языке). См. также журналы Гос. совета.

общества, превратились в полезных граждан, необходимо, как в интересах самих евреев, так и страны, просветить их; по духу своей религии, по характеру установлений, а особливо по укоренившимся предрассудкам, в силу привычки ставшим прирожденными, евреи не могут настолько слиться с европейскими обществами, чтобы могли почитаться не подозрительными членами этих обществ. Поэтому надо отделить их религиозные предрассудки от их гражданских отношений, положить предел их заблуждениям. Польские евреи отличаются от многих европейских собратьев невежеством, суеверием и упорством. Они превосходят грушу тех поляков, которые по своим интеллектуальным качествам могли бы бороться с евреями. И если евреи в своем нынешнем положении господствуют над крестьянами—благодаря винным промыслам, над городами — благодаря торговому навыку, а над каждым гражданином в отдельности — благодаря своим скромным потребностям и бережливости, то чего только они не достигнут, если либеральные идеи откроют пред ними новый простор.

Сохраняя за евреями свободное отправление веры, комиссия считала нужным установить над ними наблюдение со стороны правительства, которое в этих видах должно заботиться об институте раввинов, об образовании подростающего поколения. Что касается внутреннего быта, то отменяется все то, чем создается обособленность (кагалы, еврейские власти), а при известных условиях— евреям будут даны гражданские права, применительно, однако, к конституции, имеющей в виду только христиан. Чтобы заставить евреев усвоить обычаи окружающего населения, надо, чтобы евреи уплачивали особый налог: кто подчинится реформе, от него освобождается; проистекающий же от этого недобор возлагается на остальных евреев, которые не откажутся от старых форм жизни. Комиссия согласилась, чтобы евреи продолжали винные промыслы, но при следующих условиях: не отличаться одеждой, посылать детей в общие школы, обрабатывать лично участок земли и др.

Что касается прав обывателей и политических прав, то комиссия умолчала о них вследствие того, что еврейская раса еще далеко не обладает теми качествами, которые позволили бы ей претендовать на все блага конституции.

В соответствии с этим Госуд. совет [38]) выработал проект декрета [39]).

---

[38]) О подробностях заседания—см. М. Вишницер, Проекты реф. евр. быта, стр. 198—200.

[39]) Журнал 31 марта 1817 г. Статс-секретариат Ц. Польского, 1817 г., дело № 55 (Первый параграф гласил, что евр. религия, „основанная на догматах Ветхого Завета", терпима в государстве).

Проекты Новосильцева и правительства были в основе слишком противоположны, чтобы один из них мог быть принят; каждый из них имел влиятельных защитников, и ни одна из сторон не могла сдаться другой. Оба проекта остались без движения. Все же победа склонилась на сторону правительства, а не Новосильцева: варшавскому правительству удалось постепенно разрешить в желательном ему направлении отдельные вопросы еврейской жизни. Над еврейским населением стала все гуще сплетаться сеть ограничений.

За время Варшавского герцогства накопилось не мало таких ограничительных постановлений, которые новому правительству хотелось бы возобновить. Но не все эти постановления оказались внесенными в Дневник законов, благодаря чему не всеми ими можно было воспользоваться. Между прочим, евреев лишили права владеть недвижимой собственностью, однако это [40]) не было помещено в своде законов, вследствие чего евреи стали приобретать землю не только в городах, но и вне их. В связи с этим Заионček предложил считать все декреты, не занесенные в Дневник законов, как бы включенными в него. Царь на это не согласился, но указал другой выход—декреты, которые не были отменены, должны считаться оставшимися в силе, а потому наместнику предоставляется, согласно им, издавать распоряжения [41]). Это раз'яснение открыло поле для репрессивной политики.

В основе ограничительных постановлений лежали, преимущественно, мотивы экономического характера, то явные, то в той или иной мере скрытые. С одной стороны, правительство стремилось к тому, чтобы евреи не конкурировали с христианами, а с другой—оно старалось извлечь из еврейского населения возможно большую сумму денег. Ближайшим путем к ослаблению конкуренции являлось стеснение в праве передвижения и жительства. Некоторые города пользовались так называемыми «ревирами», согласно которым евреи могли проживать лишь на определенных улицах. Другие же группы городов на основании то привилегий и договоров, то в силу принадлежности их прежде духовенству имели право или вовсе не допускать к себе евреев, или же дозволять им жить лишь на определенных улицах. Эти права, нередко давно забытые и даже никогда не осуществленные, были в ту пору кое-где возобновлены. Христианские общества добивались в ряде городов

---

[40]) Декрет 19 ноября 1808 г. запретил приобретение земельной собственности.

[41]) Статс-секретариат Ц. Польского, 1817 г., дело № 56: „О воспрещении евреям приобретать недвиж. имущества".

распоряжения об удалении евреев в силу старинных привилегий «de non tolerandis judaeis» однако, когда это право давалось, оно не всюду было фактически использовано; без результата в большинстве, кажется, случаев, остались распоряжения, чтобы евреи проживали только на определенных улицах, ибо здесь сталкивались интересы отдельных групп христианского населения [42]).

Особое внимание было посвящено вопросу о проживании евреев в Варшаве, где имелось девять запретных улиц. Указом 19/31 июля 1821 года число запретных улиц, на которых могли проживать лишь привилегированные евреи (отказавшиеся от традиционного платья, говорившие по польски и т. д.), было увеличено; этой мерой имелось в виду не только освободить центральные улицы от евреев, но и помощью евреев же оживить и украсить прочие улицы: им было разрешено (в виде из'ятия из закона, запретившего приобретать недвижимую собственность) покупать пустопорожние места на новых улицах, чтобы построить каменные дома по плану, утвержденному администрацией, а также покупать деревянные дома с условием возвести на их месте каменные.

Выселение евреев из запретных улиц вызвало такую же междуусобицу среди христианского населения, какая произошла при таких же условиях в эпоху Варшавского герцогства. Но теперь в спор вмешались и некоторые евреи. Увы, не для того, чтобы хлопотать об отмене декрета, а, наоборот, чтобы просить об его выполнении, так как они, в ожидании скорого выселения их единоверцев из запретных улиц, понастроили в компании с христианами дома в доступных улицах, а потому отмена декрета грозила им убытками [43])!

Отметим, что были сохранены в силе старые правила о взимании билетного сбора в размере 20 грошей в сутки с каждого иногороднего еврея в Варшаве; пропускные билеты продавались на заставе; кто желал пробыть несколько дней, должен был ежедневно отправляться к заставе за билетом [44]).

Стеснения в жительстве, установленные для Варшавы, были распространены и на другие города. Декретом 25 апреля (7 мая) 1822 г. государь предоставил наместнику определять города, в которых «по местным условиям и полицейским соображениям» евреи могут проживать лишь на известных улицах. Тем же декретом су-

[42]) Списки городов, пользовавшихся привилегиями, ревирами и т. д., имеются в архиве госуд. совета, собств. е. и. величества канцелярия по делам Ц. Польского, 1841 г., дело № 7

[43]) Статс-секретариат Ц. Польского, 1821 г., дело № 30: „О воспрещении евреям проживать в некоторых улицах г. Варшавы". Распоряжение от 7 сентября 1824 г.

[44]) Архив госуд. совета, собств. е. и. величества канцелярия по делам Царства Польского, 1826 г., дело № 119: „О билетном сборе и т. д.".

ществовавшие в Варшаве стеснительные формальности при найме евреями квартир и правила о числе семей, могущих жить в том или ином помещении, были распространены и на другие города.

Приглашая чужестранцев селиться в крае, правительство сделало исключение для евреев, предоставив им только временное пребывание и обязав их уплачивать таможенный сбор, так называемый «гелейт-цолль». При этом евреи из России были приравнены к иностранцам. В 1819 г. депутат Зонненберг возбудил просьбу об освобождении их от этого сбора, ибо они не могут почитаться иностранцами. Но министр статс-секретарь Соболевский выставил следующие мотивы в пользу сбора: гелейт-цолль составляет определенный доход казны; в случае отмены сбора в отношении русских евреев, австрийские и прусские евреи стали бы приезжать в край, под видом русских, из Брод или Юрбурга; нужно, чтобы иностранные евреи принимали равное участие в повинностях, какие несут евреи Царства Польского, иначе польские евреи станут на время уходить из края и затем возвращаться под именем иностранных и будут требовать освобождения их от податей. Вследствие такого отзыва ходатайство Зонненберга было отклонено [45]).

Любопытный торг разгорелся вокруг вопроса о воинской повинности. По декрету 1816 г. от службы были освобождены женившиеся до издания декрета и те, которые будут вступать в брак до двадцатилетнего возраста. Когда же Александр I обратил внимание на то, что все евреи окажутся свободными от повинности, так как они рано женятся, было установлено особым декретом, что женатые евреи не освобождаются от службы — следовательно, еврейскому населению предстояло давать большее число солдат, чем остальному. Однако, в декрете было сказано, что если служба евреев окажется ненужной, то будет введен сбор с них. Такое предупреждение было сделано по настоянию Заионичека, заявившего, что ни государь, ни цесаревич не желают, вероятно, чтобы евреи служили в армии, и что присутствие их в рядах войск вовсе «не в интересах национальной чести».

---

[45]) Собств. е. и. велич. канцелярия по делам Ц. Польского, 1826 г., дело № 119.— Статс-секрет. по делам Ц. Польского, 1819 г., дело № 171. „По ходатайству евреев проживающих в России, об освобождении их от уплаты погран. пошлин". Архив минист. вн. дел, департ. полиции исполн., 1831 г., дело № 808: „По просьбе евреев, чтобы пошлина гелейт-цолль не была распространена на евреев Росс. подданных". Ср. „Еврейская Старина", 1910 г., стр. 82.

Депутаты еврейского народа стали хлопотать в Петербурге, чтобы личная повинность была заменена денежной; они говорили, что сверх причин религиозного характера, служба явится для евреев особенно тягостной, так как их будут притеснять начальники и товарищи «по ненависти к их вере» и т. д. А варшавские деятели возбудили ходатайство лишь о том, чтобы евреи не несли большей тяготы, чем прочее население, если же государь пожелает заменить личную повинность денежной и размер сбора будет твердо установлен, то народ подчинится такому распоряжению. Александр запретил сообщить еврейским представителям, в каком размере правительство намеревается установить налог— пусть они сами скажут, какую сумму могут вносить. Вскоре между ними и министерством финансов состоялось соглашение: сбор с евреев, за исключением варшавских, был определен в шестьсот тысяч флоринов ежегодно. Эту сумму наместник признал очень выгодной, в сравнении с той, которая уплачивалась во времена Варшавского герцогства. Что касается варшавских евреев, то они предложили уплачивать за себя ежегодно семьдесят тысяч флоринов, правительство же требовало ста тысяч, указывая, что число их в столице велико и что они здесь хорошо зарабатывают. Старшины просили государя уменьшить размер, так как в общине много неимущих, за которых приходится платить состоятельным лицам, и Заионček поддержал их ходатайство, но государь отказался уменьшить сбор и приказал в случае, если варшавские евреи не обяжутся вносить ежегодно по сто тысяч флоринов, вернуть им внесенные уже деньги и привлечь их к военной службе [46]). Конечно, евреям пришлось покориться.

С целью избавить христиан от конкуренции, евреев ограничивали в правах занятий. Когда, желая улучшить ремесленную промышленность, правительство ввело в 1816 г. цеховую организацию, евреи были лишены права участвовать в собраниях мастеров и в выборах. Но ожидания не оправдались: цеховая организация привела к отрицательным результатам, внеся рутину в ремесленное производство. Евреи же, не имевшие основания записываться в цехи, выиграли от создавшегося положения — постепенно к ним перешла значительная часть ремесел [47]).

[46]) Статс-секретариат Ц. Польского, 1816 г., дело № 77: „О рекрутском наборе евреев". Мемория директ. комитета за февраль 1826 г. Архив минист. вн. дел, департ. полиции, 1827 г., дело № 349.

[47]) Материалы комиссии по устройству быта евреев (по Царству Польскому). Спб., 1874 г., стр. 170—172.

Заработок еврейского населения считался как бы украденным у христиан. Чтобы бороться с евреями, скупавшими сырой материал, нужный для ткачей, в Калише образовалось даже частное товарищество, выдававшее мастерам ссуду для покупки шерсти. Но эти меры отнюдь не могли устранить евреев, как посредников; роль последних еще более увеличилась с установлением свободы торговли между Россией и Царством Польским. Зависимость мелкого производителя от еврея заключалась отнюдь не в одном том, что первому приходилось брать у последнего в кредит сырой материал, но и в том, что производитель сбывал тому же еврею свои изделия; это вызывалось бедностью мелких производителей и тем, что они не знали местного рынка. Таким образом, домашняя промышленность подпадала под власть капитала, и это экономическое явление, рассматриваемое под углом религиозной неприязни, вызывало в польском обществе стремление не столько предоставить производителям самостоятельность, сколько уничтожить посредничество евреев. С этой целью правительство стало вызывать из-за границы крупных предпринимателей, которые вытеснили бы евреев. Однако, исследователь польской фабричной промышленности за эти годы свидетельствует, что не евреи, очевидно, являлись виновниками затруднительного положения мелких ткачей, — быстрый рост сукноделия вызвал повышение цены на шерсть, что прежде всего и отразилось на мелком производителе; последний же, не задумываясь над процессом, происходившим в народном хозяйстве, обвинял во всем скупщика-еврея. Такое же явление наблюдалось и в бумаго-ткацкой промышленности. Скупщики, пользуясь своим монопольным положением, оказывали кредит производителям под очень обременительный процент. Борьба с этим злом была, конечно, естественна: но ненормально было то, что ей придавали характер национального дела, благодаря чему создавалась религиозная вражда там, где все сводилось к экономической борьбе. Польский банк, вызванный к жизни (1828 г.), между прочим, с той целью, чтобы устранить посредничество евреев, должен был уже вскоре сознаться, что он бессилен бороться с указанным явлением, встречающимся во всех промышленных странах; жалобы мелких производителей на оптовиков «являются естественным результатом столкновения двух интересов на одной дороге; неудобно давать помощь одному из них и лишать ее другого; лучше предоставить дело естественному течению» [48]).

[48]) К. Воблый, Очерки по истории польской фабричной промышленности, т. 1 (Киев, 1909). См. также: Х. Коробков, Экономическая роль евреев в „конгрессном"

Не желая даже подать надежды евреям на получение прав, правительство и публицисты все же настаивали, чтобы евреи не только восприняли новый облик — сняли с себя традиционное платье, усвоили польский язык [49]), но чтобы также отказались от всего того, что держало их в обособлении от окружающего населения. Рекомендовались два средства: привлечь их к общему просвещению и разрушить их самоуправление, сосредоточенное в кагале, а если возможно, то и освободить их учение от «суеверных представлений».

Правительство знало, что среди евреев есть группа, которая сочувствует такой задаче. Ее содействию правительство придавало большое значение, и члены правительства вошли в сношения с некоторыми просвещенными варшавскими евреями. Когда Государственный совет, в связи с проектом Новосильцева, стал рассматривать вопрос о реформе, Чарторыжский предложил запросить мнение еврейской депутации при министерстве народного просвещения, дабы таким образом придать большую силу новым постановлениям [50]). Однако, оказалось, что группа «культуртрегеров» была малочисленная, и ее одобрение правительственных мероприятий не могло иметь силы для широких кругов; она, впрочем, была полезна правительству тем, что снабжала его сведениями о еврейской жизни, оказывая таким путем своего рода техническое содействие. Но зато, с другой стороны, связь, установившаяся между правительством и образованными евреями, давала последним возможность пользоваться поддержкою властей в столкновениях с противниками культурно-общественной реформы. Помимо самой инертной народной массы, всем своим существом свыкшейся с вековым укладом религиозно-национального быта, на страже старины стояли кагал и цадики [51]).

Как в свое время в Империи, кагалы в Царстве Польском вели упорную борьбу с хасидизмом, в деле же борьбы с просвещением оба лагеря придерживались одинаковых взглядов, и главари варшавского кагала обратились однажды даже за помощью к цадикам, чтобы усмирить вольнодумцев, осмелившихся открыто

Царстве Польском в 1815—1830 г.г. („Еврейская Старина", 1910 г., стр. 121—136, реферат о книге К. Воблого).

[49]) Декрет 27 марта 1821 г. обязал евреев принять фамильные имена и заявить о них властям.

[50]) Журнал госуд. совета 24 января 1817 г.

[51]) О хасидизме в Царстве Польском—см. D. K a n d e l, W dobie Królestwa Kongresowego (Kwartalnik, кн. I).

критиковать действия кагала. Поэтому пионеры просвещения одновременно выступали и против кагальной организации, и против религиозно-национальной замкнутости.

Прусское правительство [52]), лишив кагалы судебной и исполнительной власти (права налагать кары и предавать херему членов общины), все же нуждалось в той или иной сильной еврейской организации, которая взыскивала бы в пользу казны разнообразные сборы, а потому в Варшаве был учрежден представительный орган, который стал именоваться кагалом. Этот вновь созданный кагал добился вскоре права пользоваться херемом, и тогда он стал злоупотреблять своей властью. Обязанность взимать казенные сборы создавала вообще в народной массе враждебное отношение к кагалу, но к этому присоединились и злоупотребления кагала, особенно чувствительные для бедных слоев общества. Отношения между кагалом и населением обострились особливо тогда, когда был введен рекрутский сбор [53]).

Беспорядки, которыми сопровождались взаимные жалобы и доносы, заставили правительство посвятить внимание кагалу. Министерство народного просвещения обратилось за раз'яснением к просвещенным варшавским евреям, которые и не поскупились на мрачные краски, рисуя деятельность кагала. Они говорили, что кагал, злоупотребляя своей властью над населением, сознательно противодействует просветительным намерениям правительства. Взимание сбора и угроза херема позволяют кагалу держать население в полном порабощении, и кагал пользуется этим не только для того, чтобы сохранить старый уклад жизни, но и для своего обогащения.

В результате, декретом 20 декабря 1821 г. (1 января 1822 г.) кагалы были упразднены, при чем некоторые их функции перешли к вновь учрежденным «божничьим дозорам» [54]).

Во главе божничьего дозора стояли раввин, его помощник и три «надзирателя»; при дозорах находились также служащие общины,—школьники, резники и др. Надзиратели избирались всеми членами общины [55]). Деятельность божничьих дозоров была поставлена под более близкий контроль правительства. Сперва эти учреждения не играли особой роли; присвоенные членам-

---

[52]) Пруссия владела Варшавой с 1795 по 1807 г.г.

[53]) Rafal Kempner, Agonia kahalu (Kwartalnik, кн. I).

[54]) Статс-секретариат Ц. Польского, 1821 г., дело № 33: „Об упразднении евр. кагалов и возложении обязанностей таковых на божничьи дозоры". Дневник законов, т. 7, стр. 275.

[55]) Постановления о божничьих дозорах — см. „Материалы комиссии по устройству быта евреев" (по Царству Польскому), Спб., 1874 г., стр. 341 и сл. См. Евр. Энциклопедия, т. IV, стр. 767—770. Позже был установлен ценз для выборщиков.

надзирателям одни лишь служебные обязанности оттолкнули общественных деятелей от дозоров; пришлось даже предоставить местной администрации право принудительно назначать на эти должности кого-либо из обывателей; кроме того, в целях поощрения, члены дозора освобождались от божничьих сборов, что служило приманкой для бедных людей. Лишь постепенно дозоры присвоили себе известную долю той власти, которою пользовались кагалы.

В борьбе с кагалом участвовала не только группа просвещенных евреев; вместе с ней действовали и более широкие круги населения, материально страдавшие от всесильного кагала. Когда же был поднят вопрос о насаждении общего образования, просвещенные евреи оказались в одиночестве.

В начале 1818 г. министр народного просвещения Потоцкий предложил учредить в Варшаве высшую школу, которая, превратившись постепенно в своего рода „academie hebraique", подготовляла бы более просвещенных раввинов; во главе школы предполагалось поставить образованных евреев. Учреждая школу, в которой имелось в виду преподавать, кроме польского языка, лишь еврейские предметы (общее образование надлежало получить в нормальных школах), Потоцкий, по его словам, желал, не покушаясь на еврейское вероучение, распространить просвещение среди евреев, «помочь им стать полезными членами государства и подготовить их к пользованию общими правами». Но в этом вопросе он встретил сильный отпор в Государственном совете: нельзя обещать дарование прав, дабы не подумали, что таково действительное желание Государственного совета. В результате дебатов, цель учреждения школы была мотивирована желанием сделать евреев «полезными членами государства» без упоминания о правах. А представляя государю законопроект, утвержденный советом, статс-секретарь заменил выражение «полезные члены государства» словами «полезные жители». И на этом все дело остановилось — проект Потоцкого почему-то не получил движения[56]). Впрочем, идея о раввинской школе несколько лет спустя была осуществлена.

В то время из среды еврейского общества стали выступать лица, стремившиеся освободить народ от оков бытовой традиции

---

[56]) Статс-секретариат Ц. Польского, 1818 г., дело № 58: „По проекту учреждения в Варшаве высшего евр. училища". — Потоцкий был вынужден в 1820 г. выйти в отставку.

и привлечь его к общекультурной жизни. Торопясь в своих реформаторских замыслах, они не могли повести за собою широкие круги; более того, отказавшись в личной жизни от религиозно-бытового уклада, приняв внешне «европейский» облик, они давали врагам просвещения лишнее оружие, ибо в самой перемене одежды и вообще в нарушении традиций масса усматривала измену религии. Но постепенно новое общественное движение проложило себе путь.

Возникновение первых по времени общеобразовательных школ для евреев связано с именем Якова Тугендгольда (1794—1871). Сын деятеля просвещения в Галиции, Исаи Тугендгольда, Яков получил образование в бреславльском университете. В 1818 году, в разгар литературной полемики по еврейскому вопросу, он выпустил в защиту евреев горячо написанную брошюру „Jerobal czyli nowa o zydach", в которой высказывал уверенность в неминуемом перевоспитании еврейского народа в духе современной культуры. В 1820 г. он основал в Варшаве, по поручению правительства, школы для еврейских детей.

Одновременно с Тугендгольдом борцом за просвещение выступил Антон Эйзенбаум (1791—1852). Родившись в бедной семье и рано осиротев, он собственными усилиями получил образование [57]). В конце 1823 г. Эйзенбаум стал издавать польско-еврейскую газету „Dostrzegacz Nadwislanski" — „Der Beobachter an der Weichsel" —эта была первая газета на разговорном еврейском языке в России. Варшавское правительство ассигновало на издание газеты две тысячи золотых с тем, чтобы она печаталась на польском и еврейском языках. Заключая в себе легкий материал (заграничные известия, торговые сообщения и пр.), газета имела целью расширить духовные интересы еврейского населения, приохотить его к чтению. Но эта задача не была достигнута; Эйзенбаум, считая необходимым вытеснить разговорный еврейский язык, пользовался онемеченным жаргоном, непонятным массовому читателю; благодаря этому, газета не получила распространения, и ее пришлось год спустя закрыть [58]).

Этими первыми шагами определился характер позднейшей деятельности Тугендгольда и Эйзенбаума, а также других прогрессистов — они действовали в единении с правительством, а

---

[57]) В 1823 г. Эйзенбаум представил государю записку о евреях, которая и была принята „avec bonté". Статс-секретариат Царства Польского, 1823, дело № 128.

[58]) С. Л. Цинберг, История еврейской печати в России (Петроград, 1915 г.), стр. 13—15. — Natalia Gaiorowska, Cenzura zydowska w Królestwie Polskiem (Kwartalnik, кн. II, стр. 59).

между тем цель, к которой стремились прогрессисты, находилась в глубоком противоречии с правительственной политикой по еврейскому вопросу. Прогрессисты расчитывали, что культурная реформа приведет еврейский народ к гражданскому равенству, правительство же уничтожало в самом зародыше мысль о предоставлении ему прав.

В 1825 г. по предложению министра просвещения Грабовского был учрежден при его министерстве особый комитет с целью пересмотреть существующие законы о евреях[59]), редактировать новые постановления и, вообще, фактически надзирать за еврейским народом. В этом комитете, в качестве совещательных членов, участвовали и евреи.

Задачей комитета было смягчить бедственное положение еврейского населения и сделать его, по возможности, безвредным для страны; даже семейная добродетель евреев — говорил Грабовский — тягостна для государства, ибо еврейский народ непомерно возрастает, грозя превзойти в численном отношении христианское население, а в связи с этим увеличивается нищета; положительные качества евреев (терпеливость и жажда деятельности) влекут их, в виду физического слабосилия, к нежелательным занятиям; преобразование должно итти со всей осторожностью; и так как нынешние доктрины евреев, совершенно отличные от моисеевых, позволяют им противоборствовать правительственным распоряжениям, то от евреев ничего нельзя добиться, если этого не пожелают их главари; поэтому воздействовать на массу можно только совместно с главарями, чрез их посредство. На ряду с комитетом должно функционировать раввинское училище. Эти учреждения, надеялся Грабовский, изменят современем облик иудаизма в Царстве Польском.

Об учреждении комитета ходатайствовали сами представители варшавской общины, надеясь, что таким путем будет положена преграда потоку ограничительных постановлений, издававшихся по каждому отдельному случаю. В записке, представленной государю за несколько дней до декрета об учреждении комитета, говорилось, что условия, при которых евреи могли бы пользоваться гражданскими и политическими правами, еще не установлены, а между тем их положение все более ухудшается; к тому же неизвестно, какую судьбу уготовит евреям имеющий появиться гражданский кодекс; лишенные политических прав, а следовательно и возможности возвысить свой голос, евреи на-

[59]) Во всеподд. адресе сейма 1825 г. было сказано о необходимости реформы евр. быта.

деются только на государя и поэтому они просили учредить особый комитет, членами которого назначены были бы лица по указанию государя, и который сделал бы постановления, выслушав представителей еврейского населения.

Увы, вскоре стало известно, что проект гражданского кодекса гласил: «Евреи будут пользоваться только теми правами, которых они не будут лишены королем или наместником».

И тогда группа евреев вновь обратилась к государю с просьбой принять во внимание бедственное состояние евреев и определить их положение твердо установленными законами; при этом был представлен список ограничительных постановлений, последовавших за последние годы.

Еврейский комитет вскоре конституировался и при нем была учреждена совещательная камера из деятелей варшавской общины [60]). Но комитет ни в малейшей степени не оправдал ожиданий евреев.

[60]) Статс-секретариат Царства Польского, 1825 г., дело № 45, „Об учреждении в Варшаве еврейского комитета". См. также: D. K a n d e l, Komitet starozakonuich (Kwartalnik, кн. II),

Список работ Ю. Гессена, относящихся к истории еврейского народа в России.

1) Сто лет назад. Из эпохи духовного пробуждения русских евреев (еженедельник „Будущность", 1900 г. №№ 10, 11, 12 и 14).
2) К обывательской литературе конца XVIII и начала XIX века (там же, 1900 г., №№ 24 и 25).
3) Записка Державина, как историко-общественный памятник (сборник „Будущность", 1900 г.).
4) К материалам по истории Положения о евреях 1804 года („Восход", 1900 г., книга VI).
5) Исторические заметки. О двух еврейских мальчиках, „обольщенных и удержанных мстиславским иезуитским кляштором" („Будущность", 1901 г., №№ 32 и 33).
6) К биографии Ноты Хаймовича Ноткина („Будущность", 1901 г., № 45).
7) К истории цензуры еврейских книг в России (сборник „Будущность", 1901 г.).
8) Архивная справка. По поводу раввинского вопроса в Одессе (еженед. „Восход", 1902 г., № 43).
9 *) К истории религиозной борьбы среди русских евреев в конце XVIII и в начале XIX века („Восход", 1902 г., книги I и II).
10 *) К истории „средневековых обвинений" („Восход", 1902 г., книга IV).
11) Из прошлого. Еврей — вдохновитель Державина („Восход", 1903 г., книга X).
12) Доклад еврейского комитета („Восход", 1903 г., № 7).
13) Из прошлого. Депутаты еврейского народа („Восход", 1903 г., № 17).
14) Моя экспертиза. По поводу масонства („Восход", 1903 г., № 21).
15) Из прошлого. Кол-Нидрэ („Восход", 1903 г., № 38).
16 *) Страницы из истории общественного самоуправления евреев в России („Восход", 1903 г., книги I и II; 1904 г., книги VII и VIII).
17 *) К истории выселения евреев из сел и деревень („Восход", 1903 г., IV и V).
18) Об одном указе („Восход", 1903 г., книга VIII).
19) Из прошлого. О „фанатизме" евреев („Восход", 1904 г., № 3).
20) К севастопольским торжествам („Восход", 1904 г., № 4).
21) Городское общественное управление и евреи („Вестник права", 1904 г., кн. X).
22) Из польских отголосков. Попытки выселить евреев из городов („Восход", 1904 г., №№ 14 и 15).
23) Дарование гражданских прав евреям в Курляндии („Восход", 1904 г., книги IX и X).
24) К столетию „Положения для евреев 1804 года" („Восход", 1904 г., книги XI и XII).

---

*) Статьи, отмеченные звездочкой, вошли в мою книгу „Евреи в России. Очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев" (С.-Петербург, 1906 г.).

25) Из истории ритуальных процессов. Велижская драма („Восход", 1904, книги I, II, III, IV, V, VI.—Отдельным изданием—Петербург, 1905).
26) Столетие законодательства о евреях (газета „Наши Дни", 1905 г. № 23).
27) Цадик Мендель Любавичский („Восход", 1905, книга I).
28) О жизни евреев в России. Записка в Государственную Думу, П-бург, 1906 (вошло в книгу Ив. Ив. Толстого и Юл. Гессена: Факты и мысли. Еврейский вопрос в России. П-бург, 1907).
29) К истории еврейской печати в России (на жаргоне „Dos Leben", 1906, № 86).
30) Ряд статей в 16 томах „Еврейской энциклопедии" (на русском языке), вышедших в 1908—1913 г.г. Большинство статей написано по архивным материалам.
31) Граф Н. П. Игнатьев и „Временные правила" 3 мая 1882 года (журнал „Право", 1908, №№ 30 и 31).
32) Московское гетто (сборник „Пережитое", т. I, 1908).
33) Попытка эмансипации евреев в России (сборник „Пережитое", т. I).
34) Из летописи минувшего: 1) Борьба правительства с еврейской одеждой в Империи и Царстве Польском; 2) Судьба Воложинского ешибота; 3) Государственный герб на кагальных печатях; 4) Письмо И. Б. Левинсона к адмиралу А. С. Шишкову; 5) Письма М. Монтефиоре и Кремье к доктору Лилиенталю; 6) Переписка между М. Монтефиоре и министром народного просвещения Уваровым („Пережитое", т. I).
35) Депутаты еврейского народа при Александре I („Еврейская Старина", 1909, вып. III и IV).
36) К истории еврейской типографии. Крещенные евреи Зандберг и Фоделло („Еврейская Старина", 1909, вып. IV).
37) Мстиславское буйство („Пережитое", т. II, 1910 г.).
38) Из летописи минувшего: 1) Виленская комиссия по устройству быта евреев 1866—1869 г.г.; 2) Первый еврей-юрист в России („Пережитое", т. II).
39) В эфемерном государстве. Евреи в герцогстве Варшавском („Евр. Старина", 1910, вып. I.—Отдельное издание, П-бург, 1910).
40) Гелейт-Цолль („Евр. Старина", 1910, вып. I).
41) Борьба караимов гор. Трок с евреями („Евр. Старина", 1910, вып. IV).
42) Право евреев на имена („Новый Восход", 1910, № 31).
43) К судьбе евреев - врачей в России („Евр. Старина", 1910, вып. IV).
44) Гетто в России („Евр. Мир", 1910, № 11 и 13).
45) Многострадальная (Киевская) община („Еврейский Мир", 1910, № 22).
46) Эпизод из истории борьбы с „чертой оседлости" („Новый Восход", 1910, № 25).
47) Записка (1833 г.) Виленского кагала о нуждах еврейского народа („Евр. Старина", 1911, вып. I).
48) Письма О. А. Рабиновича („Евр. Старина", 1911, вып. I).
49) Забытый общественный деятель Фейгин („Евр. Старина" 1911 г., вып. III).
50) К истории коробочного сбора в России („Евр. Старина", 1911, вып. III и IV. Отдельно—С.-Петербург, 1912).
51) Законодательство о жительстве евреев в России („Русская Мысль", 1911, кн. V).
52) Закон и жизнь. Как созидались ограничительные законы о жительстве евреев в России (П-бург, 1911).

53) Смена общественных течений: И. Б. Левинсон и доктор М. Лилиенталь.—Первый русско-еврейский орган („Пережитое", III, 1911).
54) Кто он? („Новый Восход", 1912, №№ 25 и 26).
55) Исторические миниатюры. Петербург в 1839 году („Новый Восход", 1912, №№ 31 и 32).
56) Навет на евреев в России („Русские Ведомости", 1912, №№ 61 и 64.—Отдельно—„Кровавый навет в России", Москва, 1912).
57) Из сороковых годов. Граф П. Киселев и Моисей Монтефиоре („Пережитое", т. IV, 1913).
58) К истории еврейского вопроса („Вестник Европы", 1913, кн. V).
59) Исторические миниатюры. К истории евреев в Финляндии („Новый Восход", 1913, №№ 2 и 3).
60) Триста лет назад („Новый Восход", 1913, №№ 9 и 10).
61) Памяти Славки Берлин („Новый Восход", 1913, №№ 14—15).
62) Исторические миниатюры. Свидетельские показания евреев („Новый Восход", 1913, №№ 25 и 27).
63) Как шло наше просвещение? („Новый Восход", 1913, №№ 32, 33 и 34).
64) Старейшие произведения кровавой литературы в России („Новый Восход", 1913, № 49).
65) Die russische Regierung und die westeuropäischen Juden. Zur Schulreform in Russland 1840—44 (Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judenthums. 57 Jarhgang. Отдельно С.П.Б., 1913).
66) История евреев в России (П-бург, 1914).
67) Писал ли Даль о кровавом навете? („Голос Минувшего", 1914, кн. I).
68) Рецензия о книге Кузьмина „Материалы к вопросу об обвинении евреев в ритуальных преступлениях" („Голос Минувшего", 1914, кн. III).
69) Записка о ритуальных убийствах (приписываемая Далю) и ее источники (СПБ., 1914. Предисловие и первая глава).
70) Метаморфоза в ритуальной литературе („Русская Мысль", 1914, кн. V).
71) Евреи в Курляндии („Евр. Старина", 1914, кн. II, III, IV).
72) Евреи в Московском государстве („Евр. Старина", 1915, вып. I и II).
73) Стремление Екатерины II водворить евреев в Новороссии („Евр. Старина", 1915, III—IV).
74) Доносчики и авантюристы времен Александра I („Евр. Старина", 1916, вып. 1).
75) Как была введена для евреев рекрутская повинность („Евр. Неделя", 1916, № 50).
76) К судьбе еврейских архивных материалов (газ. „Наш Век", 1918, №87/111).
77) Из тайн прошлого. О рукописи Н. Лескова („Еврейская Неделя", 1918, № 24/25).
78) Вступительная статья к брошюре Н. Лескова „Евреи в России" (Госуд. издательство, 1920).
79) В темных углах еврейской общественной жизни (сборник „Еврейская Мысль", I).
80) На арене кровавого навета в России. Возникновение ритуальной литературы на русском языке (сборник „Еврейская Летопись", I. 1923 г.).
81) Из жизни цадика Ружинского и его сыновей („Евр. Летопись", I).
82) Хасиды братья Шапиро по пути в Сибирь („Евр. Летопись, II. 1923 г.).

СОДЕРЖАНИЕ.

стр.

От автора . . . . . 3—4

Введение . . . . . .

I. Из периода еврейской иммиграции в России . . . . . 7—21

II. Евреи в польско-литовском государстве . . . . . 22—46

Глава первая. Плакат о переходе Белоруссии к России.—Что было сказано в плакате о евреях? — Установление кагальной организации. — Включение евреев в состав торгово-промышленного класса.—Последствия этой перемены: уравнение в сословно-городских правах с прочими купцами и мещанами, запрещение жить в деревнях и заниматься винными промыслами.—К чему привели эти запреты? . . . . . 47—66

Глава вторая. Борьба раввинистов с хасидами.—Зачатки просветительного движения.—Религиозный раскол и перемены в гражданской жизни евреев подрывают власть кагала. — Представители кагалов добиваются отмены запретов, вызванных вступлением евреев в торгово-промышленный класс, а вместе с тем склоняют правительство сохранить за кагалом его прежние функции и власть. — Христианские общества противятся избранию евреев на должности сословно-городского самоуправления.—Установление „черты постоянной еврейской оседлости". — Расширение территории оседлости . . . . . 67—80

Глава третья. Жизнь в крае, присоединенном к России по новым разделам Польши.—Обложение евреев податью в двойном размере.—Возрождение польских традиций.—Ограничение роли евреев в сословно-городском самоуправлении.—Лишение их выборного права на Литве.—Попытки некоторых городов удалить от себя евреев.—Помещики считают себя полновластными господами над живущими на их землях евреями.—Насаждение „ритуальной" литературы.—Первый процесс по обвинению в употреблении крови христиан. . . . . 81—102

Глава четвертая. Обострение религиозной распри в конце 18-го века.—Борьба сосредоточивается вокруг кагала.—Призыв виленского гаона выступить против хасидов.—Успехи виленских хасидов и недовольство кагалом в виленской общине.—Виленский кагал ищет поддержки у власти.—Заточение Залмана в Петропавловской крепости.—Признание правительством за хасидами права на существование.—Хасиды овладевают виленским кагалом.—Донос раввина Авигдора и вторичный арест Залмана.—Вопрос о совместном существовании кагала и хасидской секты . . . . . 103—113

Глава пятая. Ремесленный труд.—Торговая деятельность стесняется существованием „черты оседлости".—Земледелие.—Подати, сборы и повинности.—Самообложение для оплаты внешних налогов и для покрытия общинных нужд.—Коробочный сбор.—Бедственное состояние массы.—Свидетельства современников.—Возобновление попытки переселить евреев из уездов в города.—Отрицательное отношение властей и польских дворян к поголовному выселению. . . . . 114—128

Глава шестая. Взгляды передовых кругов на обновление народного быта.—Призыв к просвещению и производительному труду. — Реакционный и либеральный проекты реформы еврейской жизни.—Учреждение комитета из высших чинов для разработки еврейской реформы.—Участие передовых евреев и кагальных депутатов в совещаниях комитета.—Их взаимоотношения.—„Вопль дщери иудейской" . . . . . 129—145

Глава седьмая. Что думали и как действовали члены комитета. — „Положение о евреях 1804 года" приносит насущные интересы евреев в жертву домогательствам других общественных групп. — Принудительное удаление евреев из деревень.—Преобразование внутреннего быта и просветительная реформа.—Взгляд русских людей на новый закон . . . . . 146—159

Глава восьмая. Тяжелые годы. — Правительство не в силах дать приют выселенцам.—События во Франции служат внешним поводом для пересмотра закона о выселении.—Обращение правительства к еврейским депутатам.—Их пожелания. — Единодушное мнение властей о невыполнимости меры выселения.—Указ 1808 г. о приостановлении выселения. — Образование комитета (1809 г.) для разрешения вопроса о выселении и для рассмотрения ходатайств еврейских депутатов.—Комитет высказывается (1812 г.) против выселения. . . . . 160—168

Глава девятая. Голоса протеста против устаревших форм быта: Менаше Илиер и анонимный обличитель. — Кагалы успешно противятся культурно-просветительной реформе. — Отечественная война и „депутаты еврейского народа".—Тревожные ожидания. — Сосредоточение всех еврейских дел в руках кн. Голицына.—Избрание новых депутатов . . . . . 169—182

Глава десятая. Результаты беседы депутатов с государем: указ о запрещении возводить обвинения в преступлениях с ритуальной целью; отмена кары за прежнюю утайку ревизских душ; благоприятное разрешение вопроса об уничтожении арендных договоров.—Правительство поддерживает кагалы в их противодействии культурному движению. — Безуспешная попытка учредить „Общество израильских христиан". . . . . 183—194

Глава одиннадцатая. — Обострение репрессивной политики. — Спориз-за свидетельских показаний.—Вопрос об участии евреев в распространении секты субботников.—Обвинение в совращении христиан в иудейство. — Запрещение пользоваться личными услугами христиан.—Попытка устранить евреев из органов общественного самоуправления.—Стеснения в жительстве.—Пограничная полоса и контрабандные промыслы.—Умаление торговых прав во внутренних губерниях. — Бедственное положение крестьян и роль евреев в селениях.—Комитет для разработки общей реформы еврейского быта.—Упразднение института депутатов.—Переход к новому царствованию.—Возрождение кровавого навета . . . . . 195—212

Глава двенадцатая. *Евреи в царстве Польском.*—Годы существования Варшавского герцогства (1807—1813). — Лишение политических и ограничение гражданских прав.—Специальные сборы. — Стеснения в праве жительства.—Гибель герцогства.—Годы временного правительства.—Возникновение Царства Польского (1815 г.).—Полемика по еврейскому вопросу в правительственных учреждениях и в печати.—Связь между варшавской общиной и депутатами еврейского народа. — Проект реформы, представленный Новосильцевым.—Сташиц и кн. Чарторыжский.—Репрессивная политика.—Рекрутская повинность.—Борьба на экономической почве.—Упразднение кагалов и возникновение божничных дозоров. — Попытки культурной реформы . . . . . 213—239

Список работ автора. . . . . 240—242

Продажа в Ленинграде производится в следующих магазинах:

1) Губернского Совета проф. союзов — Проспект Володарского, 51.
2) » » » » — Пл. Труда, 1/39 (уг. Красной).
3) Отделения Госуларств. издательства — Проспект 25 Октября, 28.
4) » » » — Проспект 25 Октября, 13.
5) » » » — Проспект Володарского, 53-а.
6) Цектрана — Проспект Володарского, 53-а.

Цена 2 рубля.